

АРТИКЛЫ

Израильский литературный
журнал

АРТІКЛЪ

№ 27

Тель-Авив

2023

מעלות
המרכז למורשת יהדות ברית המועצות

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Игорь Белый. Ханукальные майсы.....	5
Борис Брикер, Анатолий Вишевский. Мы и идиш.....	23
Адамас Юрис. Память леса.....	30
Майя Домино. Дувшанит.....	35
Инна Шейхатович. Ветер (два рассказа).....	59
Инна Скляревская. Король, капуста и гломерулонефрит.....	66
Мария Кулешова. Людочка.....	74
Наталия Рехтер. Посылки.....	78
Ольга Андреева. Мы ехали в маршрутке (два рассказа).....	84
Карина Кокрэлл-Ферре. Кони-качалки Евы Нортон.....	88
Михаил Певзнер. Суламита	100
Андрей Новиков. Клопы фон Ляша (два рассказа).....	106
Давид Маркиш. Без дна.....	116
Яков Шехтер. Сердце Европы.....	127
Михаил Юдсон. Остатки.....	147
ИЗРАИЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ИВРИТЕ СЕГОДНЯ	
Марцел Гольдман. Книпель и снег 1939 года.....	151
Дан Бен-Амоц. Из дневника водителя такси (три рассказа).....	158

АРФА И ЛИРА

Произведения современных азербайджанских авторов

Маир Н. Караев. Полковник.....	167
---------------------------------------	-----

ПОЭЗИЯ

Алла Боссарт. Звук лопнувшей трубы.....	174
Ирина Маулер. Осколок лета.....	182
Эмилия Песочина. Желтый ветер.....	188
Юлия Кокошко. Довоенный идиш.....	191

Мария Малиновская. Переменные.....	198
Лина Костенко. Поэту плохо.....	201
Виталий Павлюк. Несколько новых стихов.....	207
Александр Кабанов. Невозможно любимое слово.....	212
Вадим Жук. Килограмм человека.....	218
Андрей Торопов. Дым на балконе.....	226
Александр Вейцман. Жизнь вне эпитафия.....	229
Игорь Губерман. Рюмка в утешение.....	232

НОН-ФИКШН

Александр Крюков. В каждом слове - тайна.....	236
Марина Минская. Был ли выбор Мартина Эдельвейса свободным?	247
Наталья Панасенко. Сионистский эпизод биографии Бабея.....	255
Аркадий Бурштейн. Памяти Бори Останина.....	259
Александр Альтшулер. Великая миссия мамы.....	263
Владимир Ханан. Сила слова.....	269

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

В ИЗРАИЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Андрей Зоилов. Невыносимая ответственность мастеров слова.....	272
Осип Ксанин. Литература как общее дело.....	282
Дневник событий русско-израильской литературы июль-сентябрь 2023	284

СТИХИ И СТРУНЫ

Ирина Морозовская. Волшебник и клезмер.....	298
--	-----

БОНУС ТРЕК

Наталья Никишина. Классика старая.....	300
---	-----

На титульной странице: улица еврейского Кракова (см. рассказ *Марцела Гольдмана на стр. 151*).

К читателям

7 октября 2023 года в Израиле произошла громадная, ужасающая, варварская трагедия. Несколько тысяч вооружённых человекоподобных зверей прорвались на территорию страны. Более тысячи израильтян были убиты. Этот день стал горестным рубежом, разделил нашу жизнь на «до» и «после». Наступила война.

Все литературные произведения, которые нынешний номер «Артикля» предлагает читателям, создавались до войны. На ее фоне некоторые конфликты могут показаться мелкими, некоторые проблемы – несущественными. У еврейского народа есть исторический опыт осмысления гонений и Катастрофы. И он подсказывает: это не повторится!

Литература – это искусство точного слова, царство разума, мастерство смыслов. Действия врагов Израиля с позиций разума необъяснимы, как необъяснимо безумие. Не литературе поспевать за новостями – это делают специалисты масс-медиа, и не литературе взрывать вражеские бункеры – это делают бойцы ЦАХАЛа. У нашего «Артикля» свои задачи, и даже когда мы не умеем сразу их сформулировать – выполнить их мы в силах. Хранить память и предостерегать, воодушевлять и показывать новые пути, повествовать и ставить важные вопросы – на всё это способна настоящая литература.

Мы оплачем погибших, мы сохраним вечную память о них. Обо всех жертвах терактов, о воинах, павших на фронтах, о гражданах, убитых взрывами ракет. О молодых людях, отправившихся на музыкальный фестиваль – и встретивших смерть. В память о них мы обязаны созидать, обязаны работать, обязаны жить дальше!

Редакционная коллегия

ПРОЗА

Игорь Белый

Ханукальные майсы

Свеча первая

Шёл однажды раби Зуся по дремучему лесу. Погода была ужасная: холодно, моросило, и всё небо было затянуто тучами. Стемнело; настала Ханука, вечер первый, и нельзя было понять, когда зажигается первая звезда. Потому что вообще никаких звёзд не видно, да и ханукальных свечей у раби Зуся не было. К тому же заблудился он и не знал вообще, в какую сторону идти.

Опечалился раби Зуся и сказал себе так: «Вот я заблудился в дремучем лесу и уже набил себе шишку о стволы деревьев, потому что ничего не вижу во тьме! Как же отпраздную я Хануку в кругу семьи и учеников своих?»

Решил раби Зуся повернуть назад. Но едва он сделал шаг в обратном направлении, как земля исчезла у него под ногами, и скатился он в овраг, где изрядно вымок.

И вот, сидя в луже на дне оврага, вознёс раби Зуся хвалу Всевышнему и сказал: «Кто подобно Господу Богу нашему пребывает столь высоко и видит всё, что внизу: и на небесах, и на земле?! Он из грязи поднимает бедного, и из мусорной кучи возносит нищего!»

И вдруг увидел раби Зуся, как замерцал в стороне малый зелёный огонёк. О чудо! Ниспослал ему Всевышний знак в виде этой древесной гнилушки как первую ханукальную свечку. Возрадовался раби Зуся и смело зашагал на этот огонёк. Храбро наступил на него и скорым шагом выбрался в этом направлении из оврага - а там уже и окошки его местечка светятся на горизонте.

«Даже малый огонёк может рассеять великую тьму!» - так говорил потом раби Зуся, и ученики его старательно записывали эти слова.

А того старого одноглазого волка, на которого наступил раби Зуся, Всевышний по доброте своей взял к себе на небо. И теперь он раз в тысячелетие подметает заднее запасное нижнее крыльцо Небесного Храма.

Аллилуйя! Маракуйя! Выпью тёплого чайку я!

Свеча вторая

Возвращался однажды раби Шмулик из корчмы домой. Время было позднее, а нужно идти через поле. Темень стояла такая, что хоть глаз выколи. Случилось это на Хануку, вечер второй - но не было у раби Шмулика с собой ханукальных свечей, и поэтому он был печален. Знатно принял он на грудь в честь праздника, но твёрд был его шаг, и размышлял раби Шмулик о чудесах, которые Всевышний иногда предоставляет своему народу.

Вдруг откуда ни возьмись, предстали пред раби Шмуликом два смутных разбойника без роду и племени. «Кошелёк или жизнь!» - закричали, и острым ножом машут.

Кошелька раби Шмулик отродясь при себе не носил, а жизнью просто так ни с кем делиться не собирался. Был он здоров и силен, как бык, даже служил в местной пожарной бригаде. Правда, с виду о нём такого нельзя было сказать, ибо ростом был раби Шмулик невысок, весь рост у него в мускулы пошёл. Да и темно было.

Вознёс раби Шмулик хвалу Всевышнему за этот знак - да случайно задел этих разбойников, воздевая руки. Бросили разбойники свой нож и попытались было убежать прочь. Но сказал раби Шмулик, догоняя супостатов: «Море, почему ты бежишь? Иордан, отчего поворачиваешь вспять? Почему, горы, скачете вы, словно бараны?»

И наставил раби Шмулик каждому разбойнику по огромному фонарю под глазом. Затем сгрёб их себе за спину и поволок обратно в корчму при свете этих фонарей, попутно объясняя про традицию зажигания ханукии на открытом воздухе. В корчме же раби Шмулик и сам принял снова на грудь, и упоил ослабевших злодеев, пока они тоненькими голосами не стали ему подпевать «Маоз Цур», «Севивон-сов-сов» и другие добрые песни. Корчмарь потом клялся, будто бы раби Шмулик называл их ласково «мои ханукальные свечечки».

Под утро в корчму заявила ребецн со скалкой, злющая, как ангел Самаэль - и с порога наставила раби Шмулику третий фонарь. «Вот спасибо! - успел сказать раби Шмулик. - Про шамаш-то я и забыл!» После чего упал без чувств и позволил оттащить себя домой.

Весело проходит в нашем местечке Ханука!

Свеча третья

Путешествовал однажды раби Захария по белу свету. Много дорог и стран прошёл он, и далеко разносился стук его посоха, окованного железом. И вот привёл его путь как-то под вечер в одно бедное местечко. Смотрит раби Захария - а никто в местечке света не зажигает, сидят люди грустные и молчаливые. А была Ханука, вечер третий. Изумился раби Захария и спросил: «Отчего вы не радуетесь празднику и не зажигаете свечей, как положено на Хануку? И где у вас тут синагога?» И ответили ему люди: «Была у нас синагога, да вот поселилась в ней злобная нечисть. Никому житья не даёт, и света из-за неё не зажечь». «Но отчего же вы не прогоните бесов прочь?» - спросил раби Захария. «Многие смельчаки пытались, - отвечали ему. - Но никто из них не вернулся». «Ну, это мы ещё посмотрим!» - сказал раби Захария, взял ханукию с тремя свечами и отправился в заброшенную синагогу на ночь глядя.

Вошёл он в неё и видит: тьма вокруг, пусто и пыльно, как в Шеоле. Поставил раби Захария в центре ханукию на пол и попытался зажечь свечи - да вот что-то действительно не получается: шипит, дымит, а света не даёт.

«Положись, Израиль, на Господа! - сказал себе раби Захария. - Ибо Он тебе помощь и защита!»

Вдруг слышит - кто-то мерзко хихикает. Присмотрелся раби Захария: а это чёрт - чугунный лоб - сидит на биме и рожи корчит. «Что, - говорит, - съел? Наша теперь синагога!»

Пожал плечами раби Захария, взял прутик и стал писать буквы на полу в пыли. Увидел чёрт, что он пишет, вскочил и заблекотал: «Э! Э! Ты это прекрати! Не надо это имя дописывать, подожди! А то мало ли что случится! Давай лучше богословский диспут с тобой устроим, как это у мудрецов принято! Я тебе вопросы буду задавать, а ты на них отвечать. Если сумеешь ответить - прах с тобой, твоя синагога!» «А если не сумею?» - спрашивает раби Захария. «А коли не сумеешь, - захохотал чёрт, - гнить тебе вечно под этой синагогой и таскать в наших каменоломнях пустую породу до скончания времён!» «Ну, давай устроим диспут!» - согласился раби Захария.

Свистнул тут чёрт по-своему - и набилась в синагогу тьма всякой нечисти. Со свинными пяточками, с перепончатыми крыльями да со щупальцами-присосками. Тут и луна в пролом крыши заглянула и осветила всё мертвецким синим светом.

Смотрит раби Захария на это нечистое собрание и удивляется. У нормальных людей талесы в полоску, а у этих дуралеев - в горошек. Филактерии не на лоб повязаны, как полагается, а стыдно сказать, куда. Что там над аронкодешем написано, вообще не прочесть. Углядел раби Захария и мезузу - только это не мезуза была, а медуза. Плюнул раби Захария и перестал обращать внимание на этот сатанинский дизайн. Тем более, что уже и пора первого вопроса настала.

Подбоченился чёрт и спрашивает: «А вот если в компот муха залетит - это будет кошерное или трэфное?»

«А это смотря какая муха, - отвечает раби Захария. - Если она была праведницей пред лицом Всевышнего и строго соблюдала все заповеди - значит, кошерное. А если нет - трэфное!»

Зашептались бесы по углам, закивали мордами - хорошо, мол, ответил, годится.

«Ну ладно! - говорит чёрт. - Вот тебе мой второй вопрос. Если вокруг святая суббота, можно ли сделать, чтобы у меня был таки немножечко четверг, а?»

«Таки можно! - отвечает раби Захария. - Только когда настанет ближайший четверг, у тебя вдруг случится суббота. А объяснить, почему она вдруг у тебя случилась, ты не сможешь ни благоверной своей, ни начальнику своему. И будут у тебя через то большие проблемы».

«О-о-о! - заволновалась нечистая община. - Хорошо ответил; мудрец, видать, большой! Принимается!»

«Ну, раз ты такой умный, - кричит чёрт в запале, - ответь нам на главный вопрос! Когда Всевышний явит нам свою милость и возьмёт нас к себе на небо?»

«А когда вы, бисово племя, все шестьсот тринадцать заповедей выучите! - отвечает ему в гневе раби Захария. - И хотя бы «Шма Исраэль» научитесь писать без ошибок, неучи!»

И как даст тому чёрту промеж ушей своим железным посохом! Вылетел от удара целый сноп искр - и упал как раз на ханукальные свечи. Ярко запылала ханукия и осветила всю синагогу сверху донизу живым солнечным светом. Страшно завизжала вся нечисть и провалилась сквозь землю.

Выглянул раби Захария за двери - а там уж все жители местечка сбегаются, ведра да багры тащат. Так ярко осветилась синагога тремя свечками, что подумали они, будто это пожар случился.

С тех пор больше не докучали черти людям в этом местечке, а в синагогу ту стали приезжать лучшие канторы.

Просили люди раби Захарию остаться с ними и быть их учителем - но отказался он, ибо ждала его дорога. Земля большая, а Ханука ещё не кончилась.

Свеча четвёртая

Однажды, когда раби Янкель ещё не был раби Янкелем, а был молодым человеком без гроша в кармане, нанялся он в дом к богатому хозяину, чтобы учить его сыновей Талмуду. Сыновья же эти были большими шкодниками, и не столько учились, сколько бездельничали и развлекались. Но была у хозяина ещё дочь, прекрасная Ривка - и отличалась она ясным умом и тягой к знаниям. В свободное время раби Янкель часто беседовал с Ривкой и удивлялся её вопросам. Разбирали они и Пятикнижие, где были истории о праотцах, и даже сложные трактаты вавилонских мудрецов. Но отец Ривки не разрешал ей учиться, а мечтал выдать её за какого-нибудь богатого раввина с хорошей родословной. А чтобы отдать её за такого халамидника, как раби Янкель, уж и речи не шло.

«Я напишу для тебя книгу! - сказал как-то раби Янкель Ривке. - И изложу там всё понятным и простым языком, чтобы и тебе, и всем женщинам было возможно получить эти знания». И стал он записывать в свою рукопись всё, что они обсуждали с Ривкой: и почему Иосифа злые братья продали в рабство, и что сказал Моше-рабейну трилобиту на дне Красного моря, и даже как уместился на Ноевом ковчеге огромный Шор А-Бар, дикий бык. Книгу эту назвал раби Янкель «Подите да поглядите» - как написано в Песне Песней «Подите да поглядите, дщери Сионские». И на последних четырёх страницах рукописи изложил он свои соображения о том, что некоторым женщинам по складу пытливого ума вполне пристало бы скорее стать раввинами, нежели обычными торговками.

Как только рукопись книги была закончена, сговорились раби Янкель и Ривка вместе сбежать из дома. Ибо полюбили они друг друга, а иной возможности быть рядом всю жизнь у них не было. Дождались они удобного случая и под покровом темноты покинули местечко, держась за руки. Никаких вещей с собою они не взяли, разве что рукопись была у раби Янкеля за пазухой.

А дело было зимой, на Хануку, вечер четвёртый. Шёл снег, а через пару часов началась настоящая метель. За-

несло все дороги, и заблудились путники в широком поле. Ни зги не видать, и холодный ветер выдувает последние силы. Заплакала Ривка и сказала так: «Не в добрый час сбежали мы с тобой из дома! Накажет нас Всевышний за эту любовь!» «Не плачь, моя Ривка! - ответил ей раби Янкель. - Ибо Господь хранит застигнутых бедой, и в несчастьи нашем спасёт нас! Возвратись, душа моя, к покою, разве ты не видишь - сегодня праздник!»

Вытащил раби Янкель свою рукопись, вырвал из неё четыре страницы и свил их в подобие свечей. Затем зажёл их, и произнесли они над ними ханукальное благословение в честь чудес, которые Всевышний совершил для отцов наших во время оно.

Недолго горели эти свечи - но вот заметил их огонь издалека крестьянин из соседней деревни. Возвращался он после базарного дня и, отпустив поводья, положился на чужью свою лошадь, которая в любой метели могла находить дорогу к своему стойлу. Подобрал крестьянин полузамерзших молодых людей, укутал их в тулупы и довёз до своей деревни. Переночевали они у него, а наутро, когда непогода улеглась, отправились дальше своей дорогой - и дальнейшая их судьба никому не известна.

А книга, которую написал раби Янкель, сохранилась и даже дошла до наших дней. Только без четырёх последних страниц.

Свеча пятая

Когда над местечком задули холодные и влажные ветра, а крыша соседнего дома убелилась первым нарастающим к утру снегом, почувствовал раби Йося настоятельную необходимость отправиться в паломничество по святым местам. Дорога предстояла неблизкая, но раби Йося не стал возиться с баулами и чемоданами, ибо был он человек неприхотливый в быту, да и места эти были ему знакомы. Собрал он себе лишь небольшой узелок с самым необходимым и отправился в путь.

От деревни до деревни добирался он где на крестьянских телегах, где пешком; переправился на пароме через неширокую речку; и через несколько дней добрался до перевалочного пункта, где балаголы собирали пассажиров на длинный перегон через леса. Стоял шум и гам, торговли с тюками и узлами норовили занять лучшие места, хасиды в расшитых халатах и высоких штраймлах везли сундуки ко двору своего цадика, ремесленники паковали свои инстру-

менты в неструганые деревянные ящики. Большая дощатая буда, запряжённая тройкой лошадей, ломилась от груза и пассажиров, но балаголы продолжали набивать её, рассовывая и приматывая багаж в самые неожиданные места. Наконец, все поместились, хоть и в жуткой тесноте.

«Вьо! - крикнул чёрнобородый балагола в засаленном армяке, щёлкнув кнутом. - Гайда! Гайда! Пошла!» Лошади напряглись, и буда, заскрипев, нехотя тронулась с места.

Ещё покуривая на площади, исполосованной по грязи следами многочисленных колёс, раби Йося заметил двух странных пассажиров, стоявших в стороне. Высокий солдат с отсутствующим взглядом сопровождал угрюмого каторжника, закованного в кандалы - и в повозке они уместились тоже наособицу, ни на кого не обращая внимания.

Дорога тянулась весь день до вечера, буда раскачивалась и со стуком падала в рытвины и выбоины; когда нужно было ехать в гору, все пассажиры выходили и шли рядом пешком. В сумерках добрались до постоянного двора на ночлег. Раби Йося замешкался со своим узелком и, когда дошёл до хозяина, все комнаты оказались заняты. «Есть одна свободная лавка, - сказал хозяин, - но туда уже заселились. Спросите, может вас пустят».

Раби Йося постучался в указанную комнату, и ему открыл тот самый высокий солдат с отсутствующим взглядом. Каторжник тоже был там, сидел в центре на полу, уронив нечёсанную голову. «Хорошо, - сказал солдат, и голос его был подобен скрипу несмазанной тележной оси. - Вот есть свободная лавка, можешь занимать. Но смотри не приближайся к каторжнику и не заговаривай с ним!»

Раби Йося закивал, соглашаясь, и разместился на своей лавке, готовясь к ночлегу. Каторжник сидел недвижимо и не поднимал головы, солдат же вытащил из своей сумы пять свечей и расставил их вокруг каторжника. «Зачем это?» - спросил раби Йося. «Сегодня же Ханука, вечер пятый. - ответил ему солдат. - Разве ты не помнишь?»

Затем солдат зажёл свечи и произнёс над ними ханукальное благословение. «Амен!» - откликнулся удивлённый раби Йося; никогда ещё он не встречал столь странной традиции. Но едва успел он пробормотать: «Воздайте хвалу Господу все народы; славьте Его все племена!» - как сморил его тяжёлый беспробудный сон.

Наутро в комнате никого не было. Раби Йося вышел во двор и узнал, что у повозки треснула ось, и сегодня весь день будут её чинить. Время прошло в разговорах, люди

обсуждали тревожные времена, повышение цен, хасиды хвастались своим цади́ком. Раби Йося выходил из столовой залы, смотрел, как балаголы стучат топорами и курил цигарки, закрываясь от холодного ветра.

Вечером в комнате каторжник так же молча сидел в центре, уронив голову на грудь. И снова достал солдат пять свечей и расставил их вокруг своего пленника. «Но ведь пять свечей было вчера!» - удивился со своей лавки раби Йося. «Ты путаешь! - отозвался солдат, и голос его был подобен скрипу расщеплённого молнией дерева. - Сегодня Ханука, вечер пятый». Не стал раби Йося прерывать ханукальное благословение, но как только попытался возразить, что здесь наверняка какая-то ошибка, как глаза его сами собой закрылись, и он крепко уснул.

Наутро в комнате снова никого не было. Раби Йося вышел во двор, где его приветствовал хозяин и сообщил, что у повозки треснула ось, и сегодня весь день будут её чинить. «Но разве это случилось не вчера?!» - воскликнул раби Йося в сильном удивлении. Хозяин покачал головой, удивляясь странному постояльцу: «Ведь вчера вы все только приехали».

Раби Йося поспешил к балаголам, которые только начинали разбирать буду и снимать колёса - и они подтвердили ему, что трещина обнаружилась только сегодня утром, да и саму повозку стоило бы обновить, если они хотят доехать в целостности и сохранности. В столовой зале шли такие же разговоры, как и вчера - о тревожных временах, ценах и цади́ках. Раби Йося слушал их, узнавая, и сердце его наполнялось тревожными предчувствиями.

И в комнате вечером всё повторилось - так же молча сидел каторжник, и так же молча достал солдат из своей сумы пять свечей.

В безмерном страхе зажал уши раби Йося и, зажмурившись, отвернулся к стене, притворяясь спящим и повторяя про себя: «Ибо мы защищены Его покровительством, а истина Господня - навеки!» Лежал он так долгое время, и сон не приходил к нему. Наконец осторожно отнял он руки от ушей и услышал тихий разговор своих странных соседей.

«...Слишком долго я преследовал тебя, - говорил солдат. - Но вот ты связан, и судьба твоя предрешена. С твоей кончиной закончатся те зло и боль, которые ты причиняешь людям». «Не может существовать счастье без горя! - отвечал ему каторжник, и голос его был подобен тягучему чёрному вину. - Не может быть любовь без тоски, как день без

ночи! Всё находится в равновесии, а ты нарушаешь замысел!» «Не тебе рассуждать о замысле!» - зло сплюнул солдат и, вздохнув, вышел из комнаты.

И, помолчав, сказал каторжник снова, обращаясь к раби Йосе: «Добрый человек, не найдётся ли у тебя покурить? Руки мои в оковах, сам я не могу сдвинуться, а табачку хочется - мочи нет!»

Встал раби Йосе с лавки и, словно во сне, не сознавая своих действий, достал из своего узелка табак, свернул сигарку, поджёг её и протянул сидящему в кандалах. Но едва втянул каторжник ноздрями табачный дым, как с громким стуком рухнули его кандалы на пол. Вскочил он свободно на ноги и закричал, торжествуя: «Мне! Ты слышишь, мне! - и голос его стал подобен ревущему в печной трубе огню, - Мне он воскурил!» И показалось раби Йосе, что на чёрной робе каторжника вдруг проступили многочисленные глаза.

«Что ты наделал?! - воскликнул вбежавший солдат. - Разве я не велел тебе не приближаться к нему?» И голос его теперь стал подобен шуршанию песка, смешанного с пеплом. Подкосились ноги у раби Йосе, и без сил опустился он на пол, чувствуя, что теряет сознание. Но сквозь нарастающий шум в ушах успел услышать, как шипит солдат в бессильном гневе: «Ещё тысячу лет, я дождусь!» И как отвечает ему, улыбаясь, освобождённый каторжник: «Как всегда, Метатрон! Как всегда...»

Проснулся раби Йосе от того, что балагола стучал палкой по ставням окна: «Вставайте! Вставайте! Выезжаем!» В комнате никого не было, и ничто не напоминало о странных событиях, произошедших в ней этой ночью. У кого раби Йосе ни спрашивал, никто не мог припомнить этих попутчиков - солдата с каторжником, - будто их и не было вовсе. Хасиды цокали языками, а торговки, хихикая и переглядываясь, крутили пальцем у виска. «Вьо! Гайда! Гайда!» - закричали балаголы, и буда, заскрипев, тяжело тронулась по лесной дороге, чуть припорошенной ночным снегопадом.

Свеча шестая

Ранний стук в дверь. За дверью стоит пухлощёкая рыжая девочка в большом вязаном платке. «Раби Меир, мама просила вам передать!» И протягивает свёрток. Это, конечно же, кугл. Лучший кугл во всем местечке, который умеет делать только Соре-Броха, жена мельника. Девочка не уходит, а продолжает смотреть на раби Меира. «А ещё она зовёт вас сегодня на свадьбу!»

Раби Меир знает про свадьбу. Да все знают про свадьбу! Уже неделю как идут приготовления к ней. Старшая дочь мельника Ройзл выходит замуж за Фрума-типографщика. Знает он и где будет свадьба - в соседнем дворе, обнесённом высоким забором; ещё вчера там поставили крепкую хупу и сколотили столы для гостей. Приглашение это - дань вежливости.

Раби Меир извлекает из-за уха девочки обколотый леденец на палочке и вручает ей. Та, расширив глаза от восторга, хватая угощение и стремглав бежит домой, забыв поблагодарить.

Раби Меир знает, что его за глаза зовут чудотворцем. Ерунда всё это! Настоящие чудеса - на небе, в ведении Всевышнего. А на земле надо всего лишь чуть больше знать, что сейчас происходит, и чуть раньше успевать сделать то, что должно. Вот и все чудеса. Но общину не переубедить. Они даже пишут его имя, как «Морейну а-Рав Меир» - «наш учитель», сокращённо «магарам», как одного из великих мудрецов прошлых столетий.

Свадьба сама по себе дело благословенное, а уж свадьба на Хануку - благословенна вдвойне! Вот уже и кипит весёлая толпа во дворе, вот и невеста под хупой наступила на бокал в память о разрушенном Храме, вот и заиграли клезмеры. Позвал мельник на свадьбу бродячую капеллу Иоселе-скрипача. Бедны они, как синагогальные мыши, но никогда не падают духом. Заливается гармошка, бухает поёк, скрипка поёт человеческим голосом. Гости валят и валят. Учёные мужи, ремесленники, ешиботники, дети - все смешались, все танцуют. А вот и друзья жениха, Фрума-типографщика, - целая ватага краснощёких парней приехала из города, и у каждого их них по голубю за пазухой. Весело перешёптываются они по-польски - только и слышится: «Едношч! Едношч!»

Наступает время весёлой песни. Хазан Копл делает знак капелле и медленно заводит своим зычным голосом, каким он ведёт службу в синагоге: «Господа, господа, нет вас умнее в мире! Скажите мне, ой, скажите же мне!..» И все подхватывают: «Спрашивай же, спрашивай!»

Копл продолжает: «Скажите мне, ой, скажите мне - как царь пьёт чай?» И сам же себе отвечает, раскатывая рулады на канторский манер: «А царь пьёт чай вот как! В потолок вбивают большой крюк, на него вешают сахарную голову. А в сахарной голове сверху делают дырочку - и льют туда чай. А снизу лежит царь, открыв рот - и туда льётся

чай! Вот как, ой, вот как царь пьёт чай!» Все смеются, пусть и давно знают эту песню, и подхватывают: «Вот как, ой, вот как!..»

А Копл продолжает: «Господа, господа, нет вас умнее в мире! Скажите мне, ой, скажите же мне!..» «Спрашивай же, спрашивай!» «Скажите мне, ой, скажите мне - как царь ест картошку? А картошку он ест вот как! Насыпают большую гору масла, а за той горой ставят пушку. В пушку заряжают картофелину, и солдат стреляет ею в ту гору масла. А за горой стоит царь - и та картофелина летит ему прямо в рот! Вот как, ой, вот как царь ест картошку!»

Громовой хохот.

«Раби Меир! - слышится шёпот сбоку. - Раби Меир!» Парнишка из деревенских босяков, что пасут гусей на общем пустыре. Протягивает сложенную записку. «Файвлрябой просил вам передать! Это срочно!»

Раби Меир разворачивает записку, читает. Ой-вэй! Будет гроза, надо поспешить. Он треплет босяка по голове и закрывает за ним дверь высокого забора, не забыв задвинуть железную щеколду. Затем бежит к дальнему углу двора, что граничит с его домом.

«Господа, господа, нет вас умнее в мире! Скажите мне, ой, скажите же мне!..» «Спрашивай же, спрашивай!..»

Замок, хоть и ржавый, но ещё вполне проворачивается. Там за дверью узкий ход, который ведёт в подвал дома раби Меира. Им тысячу лет не пользовались, там всё завалено старыми узлами и мешками. Раби Меир таскает мешки один за другим и представляет, где сейчас идёт гроза и как быстро она приближается.

«Вот как, ой, вот как царь ложится спать!..»

Раби Меир тихо подпевает знакомые слова, методично расчищая проход в подвале. С другой стороны он выводит в огороды, а там и до околицы близко. А это ещё кто запел? Это не голос Копла.

А это Янек-верховода, что приехал из города. Он высок, краснощёк и голубоглаз. Даже Ройзл, невеста, заглядывается на него. «Господа, господа, нет вас умнее в мире! Скажите мне, ой, скажите же мне!.. Как царь справляет Хануку? Я вам скажу, как царь справляет Хануку! На первый день он поджигает Одессу! На второй день - Стародуб! Третья свечка у него - Николаев, а четвёртая - Кишинёв!»

Страшный удар сотрясает забор. Кто-то кричит снаружи: «Открывай, сучье племя, а то хуже будет!»

«Пятая свечка - Житомир, шестая - Белосток!..»

«Всё верно! - думает раби Меир, спеша обратно во двор. - Сегодня же шестой вечер Хануки, вот и шесть свечей...»

Забор трещит и шатается, под ударами сабель от него летят щепки в разные стороны. Слышно, как кто-то ревет за ним: «Я говорил, что в моём уезде должно быть спокойно?! Говорил?! Вязать всех заединщиков!»

Железная щеколда вылетает из гнезд, дверь слетает с петель и падает на землю. Во двор вбегают солдаты с шашками наголо, следом заходит начальник полиции.

Во дворе - никого. Развевается занавеска над пустой хупой, опрокинутые рюмки лежат на столах, брошенный пойнк поблёскивает тарелочкой. Лишь стая голубей взлетает в вечернее небо. Солдаты, раскрыв рот, смотрят на них. «Едношч! Едношч!» - хлопают крылья.

Настоящие чудеса происходят на небе, и только Все-вышний управляет ими. А всё, что случается на земле - это уж люди сами, кто как умеет.

Раби Меир закрывает книгу, задувает свечу, и на местечко опускается ночь.

Свеча седьмая

Жил в нашем местечке один дурачок. Звали его раби Ицик - ну это так, для смеху, какой из него раби! Приблудился он к нам давно, никто и не помнит уже, откуда. Вечно ходил в драных обносках, побирался по добрым людям. Хотели его сначала меламедом в хедер пристроить - чтобы детям Хумаш преподавал, уж, казалось, чего проще - да не получилось. Постоянно он всё забывал, дети над ним смеялись. Начнёт, бывало, читать с ними: «Вайикра» - «И воззвал», а кто воззвал, к кому? Смотрит куда-то вдаль раби Ицик, в облаках витает, такая голова дырявая.

Потом к стекольщику его определили помогать, но и там он долго не задержался - всё больше лепил из замазки человечков. Раввин его за это ругал, мол, что за дела - идолов лепить, не по-еврейски это. Да тому как с гуся вода! Всё мечтал он, как бы людям жизнь облегчить, но так, чтобы всем и сразу. Например, чтобы летать они могли. Но пару раз сверзился раби Ицик с забора и оставил эту идею. Потом придумал он какой-то дикий механизм из тряпок и палок, чтобы корову сам доил, и даже добрался до коровы Фейгл-молочницы. Но корова та, ошалев от процесса, вырвалась из стойла и сдуру воткнулась рогами в соседский сарай, насилие её оттуда вытащили.

Вот такой дурачок был этот раби Ицик. В итоге стал он подметать бейс-мидраш после занятий, и вроде как-то справлялся с этим. Разве что совок с ведром забывая, собирал он грязь себе в подол рубашки, так и ходил. Потешались мы над ним, конечно, но в обиду не давали. А дружил он с кошкой - подобрал где-то, назвал Эстеркой и постоянно таскал с собой, выпрашивал для неё потроха у ребецн и выгуливал на пустыре. И опять раввин на него ругался: брось ты это нечистое животное, как не стыдно! Раби Ицик каялся, кивал, честно смотрел на раввина, но кошку свою не бросал.

И вот какая история произошла с тем дурачком раби Ициком на Хануку. Жил он в хозяйственной пристройке при раввинском доме, стена там была тёплая, потому и не холодно было. На седьмой вечер стал раби Ицик зажигать праздничную ханукию. Зажёг все семь свечей, хочет произнести благословение - а не может, забыл вдруг всё, что надо говорить. Пожал плечами раби Ицик и говорит так: «Знаешь что, Всевышний, а давай-ка я просто Тебе алфавит прочитаю, от «алефа» до «тава»! Ты ведь знаешь все молитвы на свете - разве составит Тебе труд самому составить из этих букв наилучшую, что Тебе подходит?» И прочёл весь алфавит громко и с выражением.

И вдруг застыло пламя у свечей, а комнатуха вся осветилась странным светом. Обернулся раби Ицик - а это у его кошки Эстерки глаза пылают, как звёзды на небе. «Мир тебе, раби Ицик! - говорит Эстерка. - Понравилась Всевышнему твоя молитва, вот Он и послал меня к тебе!» Догадался раби Ицик, что это ангел с ним говорит. А Эстерка продолжает: «Решили мы в нашем сонме помочь вам чем-нибудь - и вот передаём тебе печальную весть. Совсем скоро исчезнет ваше местечко. Задумали чиновники здесь провести айзбан, железную дорогу, завтра уже придут солдаты вас выселять!» «Ой-ой! - ужаснулся раби Ицик. - Что же нам делать? Ведь если я расскажу это людям, никто мне не поверит!» «Не знаю», - отвечает ему Эстерка и тяжело вздыхает.

Призадумался раби Ицик. «Эх, вот бы мне с отцом поговорить; вдруг бы он что присоветовал! Да только не помню я его, и помер он давно». «А вот это я могу тебе устроить! - вдруг говорит Эстерка. - Садись ко мне на спину!» Стала кошка расти в размерах и выросла ростом с телёнка, а над спиной раскрылись у неё шёлковые крылья. Забрался раби

Ицик к Эстерке на спину - и полетели они к звёздам, где живут души праведников.

Долго ли коротко ли они летели, а добрались до нижнего неба. Повсюду снуют маленькие светящиеся облачка - младшие ангелы по своим делам пролетают. Увидел раби Ицик большой облачный стол, а за ним сидит его отец в белом праздничном халате и что-то пишет.

«Папа! - закричал раби Ицик и тут же оробел. - Прости меня, папа! Это ведь я тогда кихелах съел, что на праздник отложены были. А свалил на соседского Берла! Я больше так не буду!» Обнял отец раби Ицика и сказал ему: «Да что ты, Ицик-Шпицик?! Вовсе я не сержусь на тебя! А что это ты тут делаешь - неужто дни твои земные закончились?» И рассказал раби Ицик отцу, что привело его на небо. Задумался отец: «Не знаю я, как решить такую задачу. Надо бы мне у своего отца, твоего деда спросить!»

Стала Эстерка снова расти - и выросла размером с лошадь. Забрались на неё раби Ицик с отцом, взмахнула кошка шёлковыми крыльями - и полетели они на среднее небо. А там уже не облачка мелкие шмыгают - а важные серафимы проплывают. Закрывают крыльями свои лица, а то ведь смотреть на них сил никаких нет - такие уж они пронзительные. Нашли они скоро Ицикова деда, чистил тот мягкой тряпочкой огромный шофар, которым будут праведников на последний Судный День созывать. Обрадовался дед, а Ициков отец смутился и так говорит: «Прости меня, папа! Это ведь я у тебя в рукописи тогда свинью нарисовал. И щенка в микве купал». Засмеялся дед и говорит: «Да что ты, сынок! Дело прошлое, не сержусь я давно!»

Но и дед Ициков не знал, чем помочь нашему местечку. Выросла тогда Эстерка ещё немного - и стала ростом со слона. И полетели они все втроём ещё дальше, на вышнее небо. Долго длился их полёт, но вот уже стали видны серебряные шляпки тех гвоздиков, которыми небеса прибиты. Уже не серафимы здесь плавают, а сверкающие колёса с глазами на ободьях крутятся - офанимы. Увидели путники огромный трон, на котором восседает Ициков прадед в сверкающих одеждах. А вокруг него бесконечная библиотека книг, написанных им. Настоящий древний гаон!

Обрадовался прадед-гаон своему сыну и сразу ему сказал: «Всё-всё знаю и не сержусь!» А потом спрашивает: «А это ещё кто с тобою тут?» «Да всё потомки твои! - отвечает дед. - Такие же шалопаи, но добрые сердцем! Помощи мы пришли просить!» Подумал гаон, поскрёб лысину под ер-

молкой и так говорит: «Камень, отвергнутый строителями, лег в основу здания! Вот, что я сделаю: пошлю-ка ангела толкнуть под локоть одного знакомого князя. Как раз, когда он в моём времени границу чертит. Будете вы потом рядом с границей жить».

«Но зачем?» - удивился раби Ицик. «Генералы у вас больно трусливые! - объясняет ему прадед. - Всё боятся, что соседнее государство на них нападёт по железной дороге. Вот поэтому ещё долго к границам айзбан не поведут. Хватит на ваш век!»

Затрубили тут со всех сторон золотые трубы, и завращались офанимы, рассыпая искры. Встал прадед с трона и хлопнул в ладоши на всё вышнее небо: «А теперь всем - светлой Хануки!»

И тут же оказался раби Ицик в своей комнатухе перед ханукией. Дрогнуло пламя свечей и снова заплясало, будто ничего и не было. Обернулся он, а кошка Эстерка мурчит на лежанке, как ни в чём не бывало, и никакой свет из её глаз не бьёт.

Конечно, раби Ицик нам ничего не рассказал об этом - кто бы ему поверил! Жил себе и дальше у нас, подметал бейс-мидраш, как обычно. Потом кошка у него куда-то сбегала, он пошёл её искать да и пропал с концами. У всех свои пути, что ж тут поделывать. А про железную дорогу мы так ничего и не узнали, при нас её не строили. И дай Бог каждому!

Свеча восьмая

- Мама! Мама! Чудо случилось! Светильник всё ещё горит!

- Не говори глупостей, Хаимке! Как он может гореть, если масла там всего на один день! Нечему там гореть!

- Ну да, нечему. А всё-таки горит!

В Иерусалиме освящали Храм. Хоть и в спешке оставляли его греки, да не пожалели времени подпортить. Разбили, до чего дотянулись, и запасы все - что вылили, а что изгладили. В том числе и специальное оливковое масло, что заливают в храмовый светильник-менору. От всех запасов остался только один горшок, едва на один день такого хватает. А надо, чтобы восемь дней кряду светильник горел, не переставая - только тогда Храм считается очищенным.

Кто-то из сыновей Матитьяху предложил всё равно залить - люди-то ждут, зря, что ли столько народу положили! И вот так и горит, непонятно с чего.

Раби Хаим хорошо помнит этот день. Помнит он и свои первые ханукальные светильники - глиняные лампы, на которых первые мудрецы-таннаи предписывали рисовать семиглавую менору. Ту самую, которую потом Тит, окончательно разрушив Храм, отправил в Рим вместе с другими трофеями. И которая потом, уже в Византии, превратилась в бочку золотых монет для нужд Четвёртого крестового похода.

Не сразу стали совмещать ханукальные светильники в одно целое. Столетием позже появились неповоротливые каменные ханукии. Раби Хаим помнит, как непросто было выдалбливать узкие глубокие щели для фитилей. Тогда было принято вырезать на них изречение: «Ибо заповедь - светильник, а Тора - свет».

Зато потом было проще, когда устаканились с формой и перешли на металл. Восемь плашек ставили ровно в один ряд - в честь восьми дней освящения Храма, а девятую крепили в стороне. Туда помещали служебный светильник - шамаш, от которого зажигали все остальные. Такую металлическую ханукию в Испании стали вешать на стены домов, с левой стороны от входной двери. Раби Хаим придумал делать их с полированной задней стенкой, чтобы больше давали света.

Лить бронзу лучше всего было в Италии. Объёмную стенку у хануки там украшали множеством барочных деталей - листья, фрукты, фантастические звери. Раби Хаим увлекался и просиживал ночи напролёт со своими гравировальными инструментами. Чашки для масла там продолжали отливать, даже когда в Германии уже сто лет как перешли на свечи.

Перебрался он тогда и в Германию, где предпочитали серебро и олово. Доводилось даже и золотые вставки делать - но тут раби Хаиму приходилось прикидываться местным, так как, по тамошним законам, евреям не разрешалось работать с драгоценными металлами. Впрочем, была бы охота!..

В Голландии всё было намного проще - там освоили штамповку по латуни, и всю душу вкладывали в чеканку. Цветы, птицы, раковины, магендовиды - но не так пафосно-вычурно, как в Италии, а очень по-домашнему.

В Польше, как и в Испании, любили поначалу заднюю стенку делать сквозной, будто переплетение веток сказочного леса, в котором просматривались птицы, львы и олени - но потом взяли моду изображать там арон-кодеш, шкаф для Торы. Это было торжественно и скучно, пусть даже и с грифонами, восседавшими на литом навершии. Раби Хаим отводил душу тогда в Пражском Граде Йозефовом, где было принято ставить по бокам ханукии статуэтки Моисея и Аарона. Они у него выходили задорно, хитро подмигивали, и на головах у них были шапки, какие носили тогда все пражаки.

В Галиции хасиды любили украинский декор - и раби Хаим тогда освоил технику филиграни. Пайка тонких проволочек и бесконечная укладка их в фольклорные узоры навела его на философские размышления. Мысленно продолжал он беседовать с Бааль-Шем-Товом, кому посвящались эти ажурные ханукии; вспоминал, как сумел отговорить его от поездки в Палестину - там тогда как раз дамаский паша Сулейман объявил войну галилейскому правителю, просвещённому бедуину Захиру. Но и время Галиции прошло.

Пробовал раби Хаим и современные стили - ар-нуво, брутализм, даже био-тек, не раз сиживал в художественном жури в компании с убелёнными сединами архитектурными старцами. Ничто не стояло на месте - всё куда-то двигалось, накренялось, взлетало - но потом всё это вкапывали на задний двор и забывали. Маятник качался, и на первый план выходили минимализм и юзабилити...

Раби Хаим оглядывает свою мастерскую - все его любимые инструменты: от бронзового долота с потемневшей каменной ручкой до штихелей, пуансонов и фрез. Как в иных кабинетах стены уставлены книгами со спрессованной вековой мудростью, так у него развешаны в идеальном порядке молотки, щипцы и пинцеты. Нет никакого времени. Все свечи горят одновременно, а всё сущее - лишь единый и вечный поток жизни и света.

Раби Хаим ставит на стол свою любимую мельхиоровую ханукию из белорусских Столбцов и зажигает восьмую ханукальную свечу.

И в дрожании воздуха над язычками пламени будто видится лестница, что тянется в небо - всё выше и выше, над облаками и звёздами; не та ли это лестница, по которой поднимался Иаков? Вот уже и последние ступени видны - упираются они в маленькое чисто выметенное крылечко,

дверь загодя распахивается. Там уже ждут раби Хаима, сидят за накрытым столом, машут руками, смеются -
и раби Зуся со своим одноглазым волком;
и раби Шмулик с рюмочкой оковиты;
и раби Захария со своим железным посохом;
и раби Янкель со своей рукописью;
и раби Йося со своей вечной сигаркой;
и раби Меир со своими ключами и голубем на плече;
и раби Ицик с кошкой Эстеркой на коленях, -
и раби Хаим тоже машет рукой и бежит к ним, и чувствует, как от жара свечей тают все его бесконечные годы и скитания, и остаётся только запыхавшийся мальчик, сбежавший с Храмовой горы.

Ну да, нечему там гореть.

А всё-таки горит!

Мы и идиш

Рассказы из жизни города Черновцы 1960-х-1970-х годов, в котором мы родились и выросли. В каждом рассказике есть слово или фраза на идиш. Слова и фразы на идиш мы слышали дома в детстве, и они, как осколки, засели в нас и не дают забыть о себе. Они нам и помогают выстроить город времён нашего детства и заселить в нём заново нас самих, Борю и Толика, а также наших друзей-ровесников.

Старьёвщик: халоймэс на ватине

(Халоймэс: что-то несущественное, пустое; ерунда)

Додик помнит, как к ним домой приходил старый старьёвщик. Он без стука входил в квартиру и сразу через несколько комнат направлялся в спальню, где стоял платяной шкаф.

- Что вы врываетесь в дом, у меня ничего для вас нет, – встречала его мама Додика.

- А когда у вас что-то есть? – и старьёвщик поворачивался и так же стремительно шёл в сторону выхода.

- У меня есть, но я вам ничего не дам. У меня всё хорошее.

Старьёвщик опять возвращался к шкафу, открывал его и начинал хватать вещи и бросать их на пол.

- Оставьте моё крепдешиновое платье, я его не продаю.

- А я его что, покупаю? Оно рядом с крепдешином не лежало. Я за него и двадцати копеек не дам.

Она вырывала у него крепдешиновое платье и делала вид, что вешает его обратно в шкаф. В это время он двумя пальцами поднимал с пола детскую бархатную курточку Додика. Мама выхватывала из его рук курточку, потому что ребёнок её ещё носит, но спустя некоторое время и курточка и платье снова оказывались в руках старьёвщика. Через такой же круговорот из шкафа на пол попадали и другие вещи: мама Додика начинала кричать и запихивать их обратно в шкаф, а старьёвщик орал на неё ещё громче и предлагал за кучу шматья, которую она хочет ему всунуть,

аж рубль двадцать. Мама закатывала глаза и выгоняла его из дома, чтоб его ноги здесь больше не было. Старьевщик доходил до двери, поворачивался и предлагал три рубля, но вместе с пальто, которое мама ни за что не хотела продавать, и которое покойная тётя Люба надевала только три раза.

Куча перед старьевщиком безостановочно росла, тон разговора всё больше накалялся, и Додику начинало казаться, что ругань и крики вот-вот перейдут в настоящую драку. Но, в конце концов, всё успокаивалось, и насупленная мама выводила из квартиры, как провинившегося ученика из класса, сердитого старьевщика, который тащил на себе тяжёлый мешок с вещами.

- Ну что, теперь вы довольны? – говорила в дверях мама. - Таки забрали тётину пальто на ватине.

- Эх, - отвечал старьевщик. - Вся наша жизнь - это халоймэс на ватине.

Родственники по дороге в Одессу: эйсэхвус!

(Эйсэхвус! – употребляется как отрицание чего-то ожидаемого)

Каждое лето Яша с родителями ездил в Одессу. В троллейбусе по дороге на вокзал мама спохватывалась, что забыла выключить утюг; на остановке выгружали чемоданы, чайник, раскладушку, надувной матрас, и всей компанией возвращались домой. Уже у дома вспоминали, что утюг взяли с собой. Со всеми «бобихами», как говорила мама, теперь уже спешили на вокзал, но всё равно ждали поезда ещё полтора часа.

Садилась в купе и сразу начинали кушать курицу – маленькому Яше всегда доставалась пулька. Родители говорили о маминых родственниках. Кажется, у всех черновицких были родственники в Молдавии, а поезд как раз проезжал эти места.

Под вечер прибывали в Бендеры, и на платформе их уже ждал мамин двоюродный брат Йося со своей мамой – они пришли повидаться. Поезд стоял в Бендерах 15 минут, папа опускал окно купе, мама целовалась с Йосей и его мамой через окно, и Йося тут же начинал с главного:

- Буся, что ты думаешь, ты одна скажешь, как есть. Ехать мне или не ехать?

- Об этом говори тише, - говорил папа, - у поезда есть уши.

Но тише через окно у Йоси не получалось, и потому он начинал говорить громче.

- Как я могу поехать? С чем? Мне нужна обстановка, мне нужно пианино, ты же понимаешь – я не поеду без пианино. Я попросил твоего Нолика: «Дай мне на пианино. Когда приеду в Америку, хорошо устроюсь – я тебе со временем отдам». Он мне дал? - эйсэхвус! Он сказал, что мне не нужно пианино, потому что я не играю на пианино.

Мама, конечно, могла и была готова высказать своё мнение, которого так ждал её двоюродный брат Йося, но он слишком долго говорил, и поезд трогался. Вслед поезду Йося кричал: «Кто же едет без пианино? Ты такое слышала?», а поезд уже направлялся к следующему городу, Тирасполю, где их тоже ждали родственники.

Между Бендерами и Тирасполем ели рыбу, Яше доставался хвост – папа говорил, что голову надо уметь кушать. Сам папа, конечно, умел есть голову, тщательно высасывая сок из-под жабер и ловко справляясь с рыбьими глазами.

В Тирасполе на перроне горели фонари. Под фонарями стояли Циля и Филя и терпеливо ждали поезда. Филя в который раз бросал Цилю и разводился. Мама писала им письма: «Что значит разводиться? Где вы видели, чтобы кто-то разводился?!» Теперь мама должна была их воссоединить. Папа открывал окно: это была его роль – открывать окно. «Ну», - говорила мама и с укоризной смотрела на Филю. Филя пытался объяснить свою сторону, но получалось сбивчиво и не убедительно. Циля всё время плакала:

- Сколько раз он обещал, что бросит играть в преферанс. Эйсэхвус! Он бросил меня, а не преферанс. Ты мне скажи, что мне делать?

Мама была уже готова сказать, что ей делать, но поезд снова трогался по направлению к следующим родственникам. Между Тирасполем и Кишинёвом ели сливы, персики и арбуз. В Кишинёв приезжали ночью. Там их уже ждали две семьи: родственники из Калараша и родственники из Сапотен. Никто точно не знал, каким боком они были родственники, но между собой это были двоюродные братья, и у каждого брата была большая дружная семья. Родственники встречали цветами и бутылками домашнего вина. У них всегда были хорошие новости: кто-то в семье женился, кто-то родился, кто-то заболел, но потом всё-таки выздоровел,

и за всё надо было выпить. Пока двоюродные братья разливали вино по стаканам, поезд трогался.

- Вино! - кричали родственники.

- На обратном пути! - кричал папа.

В Одессе родственников не было, туда приезжали отдыхать. Поезд прибывал рано утром, и они сразу на трамвае ехали в Аркадию. Считалось, что в Аркадии был черновицкий пляж; там, как у нас на Кобылянской, можно было встретить весь город. Папа в пять утра ходил на пляж занимать места под навесом. В центр не ездили, мама говорила, что не хочет «тарахкаться» в трамвае, когда можно подышать морским воздухом – и они все дни проводили на море, а через месяц ехали обратно домой.

В Кишинёве в 5 утра родственники из Сапотен и Калараша снова встречали их на вокзале. У них опять была хорошая новость, и папе в 5 утра приходилось пить вино: как тот стакан, который он не успел выпить месяц назад, так и второй, за новую хорошую новость.

- Попробуйте самое лучшее вино – из Сапотен, с наших виноградников.

- Ваше вино самое лучшее? Эйсэвус! Самое лучшее молдавское вино – из Калараша, из нашего винограда.

В Тирасполе, так и не дождавшись убедительных доводов мамы не разводиться, Циля и Филя встречали поезд, держась за руки. В руках у них были цветы, но не для Яшиной мамы, а друг для друга. В Бендерах Йося приходил без мамы и говорил, что решил купить пианино и никуда не ехать.

Рано утром поезд прибывал в Черновцы, и Яша начинал ждать следующего лета, чтобы снова поехать в Одессу.

Абехес: гройсэр пурэц

(Гройсэр пурэц – важный человек)

В наше время многие в Черновцах заводили какое-то домашнее производство: шили, делали шляпки, сколачивали мебель, и все вместе боялись ОБХСС. Папа Алика художого называл эту организацию «Абехес», и когда Алик художой был маленьким, он думал, что это страшное чудовище, и очень его боялся. Но «маленьким» Алика художого никто не называл даже тогда, потому что на улице жил другой Алик, которого называли «Алик маленький».

Хуже всего было то, что этого Абехеса страшились и родители.

- Вот увидишь, - постоянно говорил папа, - придёт Абехес!

Говорил он это уже не Алику, а своей жене, маме Алика. Папа был контужен на войне и получал небольшую пенсию, а мама где-то работала. Папа целыми днями стоял на главной площади города возле центрального общественного туалета, где собирались футбольные болельщики. Там он болел за минское «Динамо», хотя в нашем городе белорусская команда никого не интересовала.

Алик худой жил в доме напротив Толика, в квартире, которая официально называлась полуподвал. Когда Толик приходил к Алику, ему нужно было долго ждать, пока откроют. В это время за дверью он слышал стук молотка, непонятный скрип и суетливые шаги. Он знал, что это они меняют декорации в ожидании Абехеса: мама Алика худого, которая только что строчила платье для клиентки, бросала его сыну. Сын, поймав платье на лету, заталкивал его себе в школьный портфель, мама переворачивала машинку, которая укладывалась внутрь столика, а на столик набрасывала грубую скатерть. Она ставила на скатерть полные локти, доставала из кармана халата дырявый чулок и начинала чулок штопать. Папа Алика худого хватал большую доску и заранее заготовленными гвоздями-сотками забивал нишу в стене, где стоял чёрно-белый телевизор «КВН». Он слышал, что надо прятать предметы роскоши, и считал, что старый телевизор подпадает под эту категорию. Такая пантомима повторялась каждый раз, когда в дверь стучали или звонили.

- Придёт, придёт Абехес! - говорил папа Алика худого.

Приходил водопроводчик из ЖЭКа, приходили пионеры, которые по чьему-то навету взяли шефство над папой-ветераном. Приходила тётя Сима Патлажан, которая раньше никогда не приходила, а Абехеса всё не было.

И вот уже Толик прощался с Аликом и его семьёй перед их отъездом в Израиль, - в пустом сухом полуподвале, куда уже давно мечтал переселиться дворник из подвала. В углу стоял один ящик, в котором были упакованы и швейная машинка «Зингер», и телевизор «КВН». Гвозди-сотки нашли своё применение – ими и забили этот ящик.

- Ну вот, а твой Абехес так и не пришёл, - сказала мама.

- Да, не пришёл, - улыбнулся папа, и в этой улыбке Толик уловил что-то вроде разочарования.

- А вот к Шенкеру с третьего этажа ночью приходил Абе-хес, - продолжила мама.
- Что значит гройсэр пурэц! – произнёс папа.
И это был не вопрос, а утверждение.

Иудеи Ленина: азохнвэй!

*(Азохнвэй - произносится с тяжёлым вздохом
и ничего хорошего не означает)*

На выпускном экзамене по русскому предлагались три темы сочинения, две литературные и одна свободная. Темы были одинаковы по всей стране, держались в страшной тайне, и их присылали из Москвы в запечатанном конверте с грифом «Секретно».

За неделю до экзамена по городу начали расползаться слухи, звучали названия свободных тем, типа: «С чего начинается Родина?», «Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым», и, конечно, «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» – в том году был какой-то партийный съезд.

В ночь перед экзаменом в скверике на Театралке собирались толпы десятиклассников – тут можно было купить шпаргалки на все темы. Лучше всего шли маленькие бумажные гармошки, заполненные микроскопическим шрифтом, и особенно на свободную тему.

Неизвестно каким образом, но в ту ночь все уже знали темы сочинений.

- Хочешь шпору на ум, честь и совесть? – спросил Вову Вортмана парень из девятой школы. – Могу загнать по дешёвке.

- Слушай, - ответил Вортман, который никогда за словом в карман не лез, - к нам сегодня приходил водопроводчик пробивать унитаз, так и он знал, что будут идеи Ленина, а не честь и совесть.

- Не хочешь, как хочешь, - лениво ответил парень и пошёл искать дурака-покупателя на свой уже бесполезный товар.

Темы подтвердились. Экзамен длился шесть часов, но Вортман закончил его за полчаса. Он хоть и знал тему, но из-за природной лени не подготовился и на ходу сочинил поэму. Она состояла из четырнадцати куплетов, и так как Вортман в то время увлекался всем цыганским, там было

много образов из цыганского быта; например, он обращался к советской родине: «Ты шатёр раскинула над нами».

Прочитав Вовино сочинение, члены экзаменационной комиссии пришли в восторг, а директор предложил послать сочинение в Киев или даже в Москву в Министерство просвещения, и всё шло замечательно, пока молодая учительница не заметила ошибку в заглавии темы. Вместо «Идеи Ленина живут и побеждают» у Вортмана было написано «Иудеи Ленина живут и побеждают».

Мнения разделились. Одни учителя считали, что это описка, другие же в этом сомневались. «А, Вортман! Мы его знаем. Он вообще», - сказала завуч. Никто не знал, что кроется за этим «вообще», но было чувство, что это что-то нехорошее. Директор испугался и предложил послать сочинение в Киев или даже в Москву в КГБ, но тут молодая учительница, которая обнаружила ошибку, взяла резинку, стёрла лишнюю букву и соединила «и» и «д». Тогда все облегчённо вздохнули, а работу решили никуда не посылать, ни в Москву, ни даже в Киев.

В углу сидела пожилая учительница русского языка Мина Айзиковна. Она была одинокая, её мужа в своё время посадили за золотые дела, и там, в тюрьме, он и умер. Когда Мину Айзиковну спрашивали утром в учительской, как она спала, она отвечала: «Прекрасно! Проспала всю ночь с кавалером». В сталинское время роман Семена Бабаевского «Кавалер Золотой звезды» был в школьной программе, и все знали, что старая учительница, страдающая бессонницей, брала его на ночь в кровать – с «Кавалером» она сразу засыпала. Так вот, эта Мина Айзиковна тяжело вздохнула и сказала: «Азохнвэй!» Никто не обратил на это внимания, ведь и Мина Айзиковна была вообще... Но директор в городе был человеком новым, его прислали не то из Нежина, не то из Полтавы, и позже в коридоре он спросил Мину Айзиковну, что значит «азохнвэй». Та ответила, что по-казахски это означает: «Всё хорошо, что хорошо кончается». Все знали, что Мина Айзиковна была в эвакуации в Казахстане.

Память леса

- Серёжка, ну хватит, ну перестань уже...
- Не могу, руки сами как-то...
- Серёжка... Так, всё... Быстро прекрати...
- Ну-у-у, Лен...
- Серёжа! Ты, кстати, наших видишь?
- Так я не могу от тебя оторваться; вообще никого, кроме тебя, не вижу.
- Это мило, поставлю тебе плюстик. Но мне кажется, что как-то тихо стало, слишком тихо...
- Лен, ну не могли они так быстро – пока всё расскажут-покажут, пока церемония эта. Мы всего минут пять, как отошли.

Но, то ли заразившись Лениной тревогой, то ли желая её успокоить, Серёжа усилием воли заставил себя оторваться от девушки и осмотреться вокруг. Он отошёл немного в сторону и внимательно посмотрел в том направлении, откуда они пришли. Там, за деревьями, была небольшая полянка с ямами. На ней Серёжа ожидал увидеть своих, услышать отголоски песни, или стиха, или молитвы – всего того, из чего состояла церемония памяти (так они это называли). Он ничего не увидел и не услышал.

В животе возникло неприятное ощущение, как будто после длительного голодания одним махом проглотил большой кусок жареного мяса. Под ложечкой засосало. Голова как-то сама собой стала вертеться в разные стороны. Сжав кулаки, чтобы успокоиться – «ничего страшного не произошло, сейчас мы их быстро догоним, они только-только ушли» – Серёжа повернулся в сторону Лены и позвал её.

Лена тем временем приходила в себя: восстановила дыхание, вернула на положенное место лифчик, одёрнула кофту, поправила (как ей казалось) причёску. Серёжин голос девушке не понравился: он вроде был спокойным, но чуть более слабым, чем требовалось, чтобы она не стала тревожиться. Не дав себе возможности о чём-то подумать, Лена быстро, почти бегом подошла к своему парню. (Ей очень нравилось слово «парень». «Молодой человек» было как-то слишком нейтрально-официально). Она посмотрела

туда, куда был устремлён и его взгляд. Ничего, кроме деревьев и ям, она не увидела.

Лена взглянула на Серёжу. Тот отвёл глаза.

– Пойдём.

И они молча пошли в сторону ям. Не прошло и минуты, как ребята были у цели. На поляне никого не было. Серёжа вообще сначала хотел идти не к ямам, а сразу к выходу из леса, сокращая дорогу, но побоялся заблудиться. Поэтому он решил действовать наверняка: дойти до поляны, а оттуда по проторенной тропе уже догонять группу.

- Ленка, давай руку. Пойдём быстрее, а то автобус уедет без нас. Ну, чего застыла?!

Но Лена не могла сдвинуться с места. Она слышала, нет, скорее даже чувствовала идущий от земли не то гул, не то стон. Эта вибрация передавалась от её ступней по всему телу и попадала в ушные раковины откуда-то изнутри.

Она хотела поделиться этим ощущением с Серёжей, но, тот, видимо, уже тоже начал что-то чувствовать. Он схватил девушку за руку и, вместо того, чтобы потянуть её за собой, просто крепко сжал Ленину ладонь.

К стону земли, между тем, добавился шум и скрежет деревьев. Подул сильный ветер. Но деревья не раскачивались, а наклонились в сторону застывших ребят. Ветви будто хотели дотянуться до парочки оставшихся в лесу подростков.

Серёжа съёжился, но потом вдруг, словно собрав все силы для решительной схватки, распрямился, мотнул головой и медленно пошёл в сторону выхода из леса. Лена, не сопротивляясь, передвигалась за ним.

Вперёд было идти всё тяжелее и страшнее. Казалось, что деревья ожили и, по приказу лесного царя, хотят захватить ребят в плен. Они точно тянулись только в их сторону. Лена вдруг поняла: если хоть одна ветка коснётся кого-то из них, из леса им не выйти. Серёжа, видимо, почувствовал что-то подобное. Тогда ребята начали пятиться. Инстинктивно они крепко прижались друг к другу плечами, и медленно, шаг за шагом, отступали.

Если бы Серёжа был один, то он бы подумал, что со страха лишился рассудка. Но, взглянув на Лену, по её расширившимся от ужаса глазам понял, что она видит то же самое: от деревьев отделились тени-силуэты в мышиного цвета форме, сжимавшие в руках автоматы. Их было много, очень много. Разрезанным строем армия призраков бес-

шумно наступала на ребят. На призрачных лицах солдат застыли холодные безжалостные улыбки.

Теперь ребята уже не просто пятились. Не в силах оторвать глаз от ужасающего зрелища, они почти бежали спиной вперёд, будто кто-то в кино включил обратную перемотку.

Ямы огорожены не были. Лена с Серёжей назад не смотрели. Через несколько мгновений, при очередном шаге назад, они не почувствовали твёрдой земли. Ноги стали соскальзывать. Потеряв равновесие, оба подростка кубарем скатились вниз.

Первым пришёл в себя Серёжа. Он сел на колени, встряхнулся. Помог Лене сесть. Ребята молча смотрели друг на друга. Лезть наверх не хотелось. Совсем.

Вдруг оба почти одновременно вскрикнули. Кто-то дотрагивался до их голени. «Может, крысы?» - почти с надеждой прошептала одними губами Лена. Но дрожание земли и стоны, шедшие откуда-то из глубины, не оставили ребятам сомнений – крысы были ни при чём. Всё яснее становились голоса. Уже можно было различить отдельные слова, смысл которых ребятам был неясен.

Лена посмотрела наверх. Призраки в мышиного цвета форме топились вокруг ямы. Из-под земли несло: «Хильф-майне-киндер-идн-хильф».

- Ленка, давай лучше наверх! Вылезем. Глаза закроем и побежим. Наши сейчас вернутся. Уверен.

Серёжа пытался быть разумным. Внутри у него тряслось всё, что имело такую возможность. Ему казалось, будто он ощущал каждый орган своего тела. Лена кричала. То есть ей казалось, что она кричала. Звуки изо рта не вырывались. Слова Серёжи вывели её из оцепенения. Девушка встала и начала карабкаться вверх по стенке ямы навстречу мёртво улыбающимся солдатам-призракам. Молодой человек последовал за ней.

Лезть было сложно. Лодыжки, голени, ступни, пальцы рук ощущали невидимые глазу прикосновения. Ощущение было такое, будто теряющий силу пылесос собирается всосать ребят под землю. Руки тряслись от напряжения, всё тело – от страха. В какой-то момент Серёжа не удержался и сполз назад. Лена обернулась посмотреть, где он, и тоже скатилась на дно ямы.

Не обращая больше внимания на голоса, гул и дрожь в земле и в теле, ребята, немного отдышавшись, собрались сделать вторую попытку. Но посмотрев на стенки ямы, они

отшатнулись. Сквозь землю, словно барельефы, проступили силуэты измождённых людей, но не истлевших, как трупы, не жутких, как зомби, а обыкновенных людей – взрослых и детей. Барельефы не двигались, но лезть по ним ребята не решались. Глубоко вздохнув, Серёжа попробовал ухватиться за ближайший выступ, но тут же отдернул руку – выступ оказался там, где у одного из людей на стенке должно быть сердце. Лена посмотрела на руку Сергея с таким видом, будто у неё на глазах он вырвал чьё-то сердце. Серёжа попытался что-то сказать, но звук, вышедший из его горла, был похож лишь на нечленораздельное мычание.

- Извините меня, пожалуйста, - прошевелила губами Лена в сторону лиц на стенке ямы, и начала карабкаться вверх. Серёжа тоже промышчал нечто подобное и полез за ней. Лезли в пол-оборота друг к другу. Так было менее страшно.

Добрались до края. Солдаты-призраки их ждали. Один из них подошёл ближе и ударил Лену носком сапога в лицо. Удара никакого не было, но Лена не удержалась и скатилась вниз. Серёжа смог чуть подтянуться и перевалиться за край ямы. На солдат он старался не смотреть, а глядел вниз, в яму, туда, где была Лена. Она снова начала лезть. Он протянул ей руку и, не отрываясь, смотрел на неё, а она на него – так было легче.

Земля дрожала. Листья шумели. Солдаты стояли. Из ямы доносились голоса. Лена лезла вверх.

Третья попытка удалась. Схватившись за Серёжину руку, Лена смогла выбраться из ямы. Серёжа встал, помог подняться девушке.

- Смотри в землю, - смог выдать из себя он, сделав неимоверное усилие.

Они снова взяли за руки, и пошли по тропинке к выходу из леса. Сквозь строй солдат. Не обращая внимания ни на что. Шли медленно. Каждый шаг давался с трудом. Сергей попытался было обернуться, но Лена не позволила.

Всего каких-то пять минут, показавшихся им часом, - и они уже были у обочины дороги на краю леса. Силы оставили ребят. Они сели, - нет, не сели, опали - на дорожное полотно. Глаза закрывались сами собой. Их головы уткнулись друг другу в плечи. Редкие слёзы иногда стекали по щекам, оставляя светлые извилистые дорожки на испачканных лицах. Они ничего не видели и не слышали.

Не слышали они звуков подъехавшего автобуса, не видели, как открылась дверь, и из автобуса выскочили испуганные экскурсовод и руководитель группы. Ребята только почувствовали, что несколько рук подхватили их и куда-то повели, усадили...

«Бану ле кан, митахат ле шамаим...» - донеслись изда- лека до Сергея слова хорошо известной ему песни, которую так любил ставить во время поездки руководитель группы. Звук постепенно становился громче и, наконец, достиг привычного уровня. Серёжа открыл глаза. Он был в автобусе. Лена всхлипывала на его плече. На соседних сиденьях все занимались своими обычными делами.

Серёжа встряхнул свою попутчицу, заставил открыть глаза.

«Ат ве ани, ат ве ани» - донеслись изда- лека до Лены слова хорошо известной ей песни, которую так любил ста- вить во время поездки руководитель группы. Звук посте- пенно становился громче и, наконец, достиг привычного уровня. Она приходила в себя.

Дувшанит

(история нелюбви, фрагмент романа "Бабий Бункер")

...Кто-то из израильтян метко охарактеризовал ее – *дувшанит*, что на иврите означает "пряник". Нет, она не была толстой – а именно пряничной, излучающей неспособность отказывать себе в самых разных удовольствиях, но главное – почти всегда умела добиться того, что ей нужно, от других; по-детски надувала большие пряничные губы и принималась так жалобно скулить пряничным голосом, что отказавший ей в просьбе сам себе казался неотесанной дубиной.

Несмотря на девственную необразованность и безграмотность – надо же, а я еще предъясвляла какие-то претензии к Симоне! – тупой бы я эту девушку не назвала. Просто она понимала лишь то, что хотела понимать.

Познакомились мы с ней чуть позже, чем с Симоной и Амалией, и, как обычно, на работе – той, куда в кризисный сезон Амалия с тяжелым сердцем отпустила меня *перекантоваться*. Девушка мне сразу не понравилась своими эгоизмом и избалованностью, о которых я ей прямо и заявляла. Пожалуй, я была единственной неотесанной дубиной, на которую не действовало, а только раздражало ее пряничное нытье. Тем менее, объяснимо, чем я смогла ее привлечь, и какими пряничными речами ей удалось впервые затащить меня в гости, но в итоге мы сдружились.

Как я уже говорила, тупой она не была. Да, она не понимала многих аллюзий – того, что принято называть "культурными кодами" – самые простые понятия подчас приходилось объяснять с азов, но, обладая природной интуицией, правильно улавливала смыслы, удачно шутила и умела видеть смешное. Вдобавок обладала способностью чувствовать людей и сопереживать (*бедная Аня, у нее нет денег даже на детскую коляску! Но я нашла знакомых, которым коляска не нужна, и они ей ее отдадут!*). И с удовольствием дружила с людьми самых разных возрастов, от ровесниц до почти бабушек. Казалось, от дружбы она получает наслаждение не меньшее, чем от секса – а уж его-то она любила больше всего на свете!

Наша дружба – состоявшая из обсуждения коллег, религиозных взглядов (мы обе считали, что Бог един, и ему по

барабану, какой длины у тебя рукава и юбка), средств для волос и лица, нарядов, влюбленностей и секса – как правило, происходила на скамейке перед ее домом или в сквере неподалеку. Тогда как в самом доме мне бывать ужасно не нравилось, поэтому ей каждый раз приходилось волочь меня на пятый этаж упрямым грузом, а мне – каждый раз переступать через себя. Ну, хорошо, только поздороваться с бабушкой. Хорошо, *только на пять минут*, которые неизбежно превращались в метание на стол всего холодильника: салатов, борщей, макарон, матбухи, хумуса, оладий, апельсинов, кексов – *ну хватит, я уже правда больше не хочу!* – и безразмерное ожидание в липком времени, когда все это кончится и мы выйдем наконец на свободу. И хотя окна в доме всегда были распахнуты настежь, но то ли от слишком пристального внимания родных – которым я, особенно бабушке, сразу понравилась, и та уговаривала бывать у них чаще, – меня, действительно, преследовало ощущение постоянной нехватки воздуха и головной боли, и я вечно слонялась, не находя угла, между стулом, столом и диваном. Причем голова начинала болеть еще до попадания в квартиру, на последнем пролете лестницы – слишком крутая? слишком кривая? солнце светит в окна слишком ярко? У меня не было объяснения.

Бабушка, которой я казалась человеком взрослым и серьезным, делилась со мной тревогами за будущее внучки, всецело зависящее от того, кто станет ее мужем: правильный, безнадежно влюбленный очкарик и будущий инженер Стасик – но у него так воняет изо рта, что одна мысль о поцелуях вызывает у девушки содрогание; или же Кирюша, неизвестно на что живущий после увольнения из охраны – обкурившись, два дня не мог выйти на смену, – а неумной ревностью и слезкой вымотал ей все нервы, – зато красив, как греческий бог и, очевидно, хорошо пахнет. Я могла с уверенностью сказать, что опасения бабушки по поводу Кириллы напрасны – девочка-пряник понимала все сама и как кандидата в мужа его не рассматривала. Просто шла на поводу у страсти в ожидании развязки. Которая, ко всеобщему облегчению, наступила – Кирюша долго не мог найти новую работу и вернулся в Украину.

Сделанный от него первый в жизни аборт на возможность в будущем иметь детей не повлиял – слава израильской медицине! Правда, и вылился он в какую-то заоблачную сумму, разбитую по кредитке на платежи. Случилось это еще до увольнения Кириллы из охраны – помнится, в

тот день у него была утренняя смена, а у меня вечерняя – мы с Дувшанит уже не работали вместе. Ее маме тоже с утра нужно было на работу (за почти пятнадцать лет в стране, выучив на иврите единственное слово – *шалом*, та до сих пор мыла в поликлинике полы), поэтому я согласилась ее сопровождать – в десять начало, ну, сколько там продлится – часа два? Да если и больше, все равно успеваю на работу с большим запасом.

Ехать предстояло в Петах-Тикву. Правда, с этим израильским транспортом, его пробками и пересадками – клиника оказалась не в центре города, а в каких-то новостройках – мы добрались ближе к одиннадцати, а, отсидев в очереди и получив нужную бумагу, выяснили, что операция будет проходить не здесь, а в Рамат-Гане, куда снова предстояло добираться черт знает сколько времени, и где очередь оказалась просто немыслимой по сравнению с той, что в Петах-Тикве. Я начала догадываться, что на работу рискую не успеть, и на протяжении часа употребляла всю свою скандальность, чтобы не пускали всяких без очереди, а пустили без очереди нас. Иначе бы приняли еще на час позже. И так уже пришлось позвонить начальнику – предупредить, что опоздаю.

И тут была засада. Операция длилась недолго, но дело в том, что проходила она под общим наркозом, и после нее нужно было ждать еще минут сорок, пока подруга придет в сознание. Приходить в него она не собиралась, и я молча дёргалась на стуле. Держать ее в кабинете до вечера тоже не могли, поэтому хочешь не хочешь – просыпаться надо.

Наконец она начала что-то бормотать, после чего, не открывая глаз и схватив меня за руку, сказала, что меня очень любит, и заплакала. Доктор, все это время говоривший с нами на русском, очевидно, от смущения, перешел на иврит, обратившись вроде как в шутку:

- Мне кажется, она лесбиянка.

- Нет, – ответила ему по-русски девушка-пряник, по-прежнему не открывая глаз, – просто она очень хорошая подруга.

«Ах, вон что, – догадалась я, – так это он обо мне! Конечно, он прав, не я же пришла делать аборт. Плюс на мне эта уродливая куртка с эмблемой охранной фирмы, в которой я уже взмокла, но надела ее, чтобы успеть отсюда сразу на смену – к ночи похолодает. Дура, хоть бы нарядилась для приличия!» Мне кажется, в тот момент я испытала всю гамму чувств абсолютно гетеросексуальной девушки, которую

только что обвинили в лесбиянстве. Нет, я никогда не считала, что быть лесбиянкой плохо или стыдно – но не здесь, не в этой ситуации и... не с этой девушкой. Но самое странное, что посторонние, действительно, нередко принимали нас за пару. Что, с одной стороны, было смешно – что за глупости; а с другой – заставляло задуматься. Почему именно с ней? Это что – резкий контраст типажей плюс банальный стереотип о притяжении противоположностей? И дело не только во внешности – мы с ней на самом деле абсолютно разные во всем. Возможно, именно это и наводило людей на невольную мысль – хоть что-то же между ними должно быть общего! Ну, если совсем ничего, тогда остается секс!

Неправда. Лично мне, чтобы влюбиться, нужно очень, очень много общего! Впрочем, это долгая тема. Зато она влюблялась именно в противоположности – *как тебе объяснить, просто это совсем другая энергия!* Кроме художавого телосложения, у всех объектов ее страсти я подметила еще одну общую черту – глаза. Большие, задумчивые и словно лучистые от густых ресниц. Наверно, у той девочки тоже были такие.

Это была покупательница, на которую я, занятая очередью на своем конце прилавка, так и не успела взглянуть. И только зайдя в подсобку за новой порцией сыра, увидела там Дувшанит. Та сидела на стуле, подпирая ладонями раскаленные щеки.

- Скажи, она еще там?

- Кто?

- Девочка. Молоденькая. Невероятно красивая! Таких красивых я еще никогда в жизни не видела!

- Как выглядит?

- Светленькая, волосы длинные, шорты и белая майка – кажется, это какая-то спортивная команда, их было несколько человек. В общем, я ее уже обслужила, а она все стоит не уходит. Спрашиваю ее: "*что-нибудь еще?*" "*Нет*", – отвечает, и продолжает стоять. Просто стоит и смотрит, прямо на меня! Вот такими глазами! Не отрываясь! А сама такая красивая, что с ума сойти! Чувствую – у меня горит лицо, а она же наверняка это заметила! В общем, я не выдержала и убежала. Интересно, она еще там?

Я выглянула за дверь.

- Вроде, нет.

- Ахмед, дубина, это он ее прогнал! Нина послала его узнать, что со мной, а я только попросила проверить, там

она или нет... Он к ней подошел, спрашивает, не меня ли она ждет, а она отвечает: «Да!» - «Ты ее хочешь?» - «Да!» Так этот придурок ей сказал, что я ушла домой! Вот дубина! Она отошла в сторону, но еще стояла... я подглядывала. Она меня так ждала, бедненькая!

- Так ты ее хочешь?

- Да!!!

- Ну, так выйди в зал, догони, сунь записку с телефоном! Наверняка она еще в магазине.

- Как?! Нет, не могу. Был бы парень, я бы не испугалась, а такого со мной никогда не было... Это нельзя, это стыдно, это все увидят...

Еще с неделю Дувшанит горевала и злилась на дубину Ахмеда, надеясь, что спортивная команда вновь явится в «супер» за покупками. Но тут в мясной отдел напротив взяли новенького – длинноногого мальчику из арабской деревни, с модной стрижкой и задумчивыми, лучистыми глазами. Звали его Мухаммед.

– Какой сладкий, – прошептала девушка-пряник и забыла прекрасную незнакомку.

***

Знать бы заранее, что история с абортом так затянется – я бы, скорее всего, не согласилась. Но теперь отступить некуда. Начальство порвало телефон – *говорила, что опаздываешь всего на час!* Ну и что, что говорила?! Приехать, в лучшем случае, через полчаса на такси – значит бросить человека после наркоза посреди улицы, они это понимают? (Перекрикиваю грохот улиц Рамат-Гана). Что она там вызовет?! Еле ворочает языком и ничего перед собой не видит! Сползает и норовит сесть на тротуар. Да мы еще не начали его ловить, до дороги нужно еще дойти! Говорю же, нет, сама идти не может! Ждать, когда приеду. Уже не знаю – а то опять скажу, а впереди вон какие пробки!.. Да, только самолётом.

Не уволили. Штрафы при почасовой оплате тоже неактуальны. Словом, справились. А доктор, между прочим, имел в виду не меня, поняла я это позже – ведь со своими словами он обращался ко мне! В третьем лице? Так что обвинения сняты.

***

Иногда я брала экскурсию на Север, по святым местам Каббалы. И почти всегда ко мне присоединялся кто-нибудь из друзей, но не помню, чтобы хоть в одной из поездок со мной была Дувшанит. Помню только, что после каждой она

обижалась, уговаривая в следующий раз обязательно взять ее с собой. Но когда доходило до дела, что-то опять не складывалось – то именно на этот вечер их позвали к себе родственники, то чего-то она сегодня устала – а ведь это нужно всю ночь не спать, *но ты там обязательно за меня помолись, обещаешь?* И так было не только с Севером, но и с Иерусалимом, и с другими местами за пределами городка R, и даже в его пределах. Ее невозможно было вытащить ни в театр, ни в кино, ни в клуб (единственная корпоративная вечеринка не в счет). Декорациями нашей дружбе служили городские скамейки да кровать в ее комнате – *только на нее не садись, она не заправлена, можно вот сюда, на диванчик* – на которых мы раскладывали карты, задавая им разные вопросы.

- А давай спросим, какой у меня будет муж.

- Ты это уже спрашивала в прошлый раз.

- А я забыла. Ну, хорошо, давай я спрошу сама. Вот. Только не помню, что означает эта карта. Ну, подскажи! Ну, пожа-а-алуйста! Хорошо. А теперь давай спросим, *или он мне будет изменять?*

- А сейчас-то тебе зачем?

- Ну-у, я хочу знать! Мне важно.

- А без карт ты жить можешь? Если их постоянно терзать из-за каждой ерунды, они начнут врать. А решения нужно принимать своей головой, карты – это только на самый крайний случай.

- Это не ерунда, это и есть самый крайний случай! И мне действительно очень важно знать это именно сейчас!

***

Как-то раз Дувшанит отдала мне кожаную косуху, которая стала ей мала. Я знала, что она ужасно не любит в доме лишних вещей и постоянно от них избавляется, а не то чтобы как-то сознательно искупала вину. Да, дело в том, что косуха случилась несколькими годами позже того, о чем я собираюсь рассказать. Впрочем, я и сама порой раздаю вещи, когда-то любимые или совсем новые, если точно знаю, что носить их не буду – допустим, купила по настроению, а оказалось не мое, или взяла, не померив. Хотя проще всего бывает поставить пакет в нескольких метрах от помойки или, скажем, повесить на забор. Хотя могу, в свою очередь, принять что-то от друзей – получается такой круговорот. Косуха была действительно шикарная, так что я долго не раздумывала. На небольшой разрыв возле шлевки

в ателье настрочили заплатку – стала совсем как новая! Хотя, повторяюсь, искуплением вины с ее стороны это не было. Уверена, что о своем поступке она ни разу не пожалела и не вспомнила.

Стаж нашего знакомства как раз приближался к контрольным трем годам, когда я решилась на отъезд, и выбрасывать пришлось не только пакеты с одеждой. Я раздавала мебель, технику, книги. С собой забирала компьютер – поколения начала нулевых, один монитор которого весил как небольшой холодильник, ну, и по мелочам.

Однако, не зная еще, что меня ждет в Москве и не придется ли вернуться, даже если просто в гости, а если не просто – то от хорошей жизни не возвращаются, поэтому самый минимум необходимого на первое время сочла разумным оставить, дабы не покупать каждый раз заново. Зимнее пуховое одеяло и подушка, ужатые до предела, кое-как втиснулись в полиэтиленовый пакет. Прочее – комплект постельного белья, полотенце, электрический чайник, по паре столовых приборов и роскошная непромокаемая куртка с капюшоном – черный блеск, словно специально для израильской зимы – всякий, кто меня в ней видел, спрашивал, где купила?! – все это уместилось в старом клеенчатом чемодане на молнии. Том самом, с которым я шестью годами ранее иммигрировала в страну. Он был так мал, что по нынешним меркам его и чемоданом-то назвать нельзя – так, скорее, портфель. Ну, и личный противогаз – нам их раздавали в две тысячи третьем, перед началом войны в Заливе, на случай, если в качестве ответа американцам на нас нападет Ирак. Возвращать противогаз государству было необязательно, но в случае, если кто-нибудь снова вздумает на нас напасть (надеюсь, этого никогда не случится), нам положена бесплатная замена старого фильтра. Если же именно противогаз утерян, новый продадут за полную стоимость – несколько сот шекелей.

Вспомнился балкон Ритиной квартиры, заставленный чужими баулами, самыми настоящими чемоданами, коврами и даже тумбочкой. То были вещи ее подруги, уехавшей жить в Канаду. Слышала, что позже Рита переехала в квартиру подешевле. А это значило, что подружкины вещи ей тоже пришлось перевозить, - возможно, даже что-то доплачивать за перевозку, а затем искать им новое место в уже менее просторном жилище. Большинство моих друзей были такими же репатриантами и тоже жили на съеме, иногда

внезапно переезжая. Да и видела я эти жилища – свое негде поставить.

В принципе, мини-чемодан, пакет с одеялом и противогаз я могла увезти в Хайфу или в Ашдод, но тогда они лишались смысла предметов первой необходимости – в этих городах, в случае возвращения, я селиться не планировала. Девушка-пряник была единственной из моего окружения в Р, кто жил в квартире даже большей, чем когда-то у Риты, при этом – своей. То есть пока она, конечно, принадлежала бабушке с дедушкой – именно они, приехав в начале девяностых, брали на нее льготную ипотеку. Но главное, что от туда никто не собирался никуда съезжать, а у самой Дувшанит (*каждую встречу твердившей, как она меня любит, что я ее лучшая подруга, ну, прямо, почти сестра!*) в ней была отдельная большая комната с громадными встроенными шкафами и антресолями. В конце концов, за все три года дружбы я еще ни разу ее ни о чем не попросила.

Я увидела резко выступившую на щеках краску. Расслышала слова: *«Дедушка будет против, потому что эта квартира его»*. Только один противогаз... Но нет. Меня затошнило от унижения. *Почти сестра. Бедная родственница!* Хотелось провалиться вместе со своим противогазом. *Приходи к нам, тетя кошка, нашу детку покачать...* «Как я могла так себя опустить? Превратить в приходящую няньку! Почему не бабушка?» – пронеслось в голове. И тут же пришел ответ. Да потому, что у бабушки, чисто теоретически, я могла спросить, - тут бы все и выяснилось. А дедушка все равно глухой и с трудом выговаривает постинсультное "з-здра...".

До вылета оставался день. Бухарская пара хозяев минимаркета возле дома, который я покидала, предложила оставить вещи у них на складе – кроме них, туда никто не заходит. Я согласилась.

А в первый же приезд, спустя почти год, выяснилось, что то ли бухарцы кому не угодили, то ли обычная зависть конкурентов, но кто-то донес в полицию, якобы те хранят в магазине наркотики. Нагрянув, полиция разнесла к чертям склад, с особой яростью набросившись на мои вещи. Объяснений арестованных хозяев полицейские не слушали, вытряхивая на дорогу содержимое чемодана, а когда и там ничего не нашлось, с последним рвением расправились с именным противогазом, части которого так и остались валяться на дороге. Ничего не найдя, полиция на следующий

день бухарцев отпустила. Это случилось примерно через месяц после моего отъезда.

Бухарцы извинялись изо всех сил, будто были в чем-то виноваты. Сознаю, что, кроме противогаза, мне было жалко еще и куртку. Лучше бы кому-нибудь отдала. Не сомневаюсь, что ее в любом случае подобрали, но... я представила, с каким остервенением полицейские швыряли на дорогу мое, личное, как оно летело в разные стороны, растопырив руки. Нет, это не полицейские, это Дувшанит выбрасывала на улицу меня.

Ей я больше не звонила и не писала. Ни из России, ни когда приезжала в гости. Останавливалась в другом городе, поэтому не знаю, каким образом ей однажды удалось вычислить мое недельное присутствие в стране, подловив на телефоне. Набрала наудачу? Сообщение о том, как полиция расправились с моими вещами, она пропустила мимо ушей. Она очень соскучилась. Она меня очень любит и хочет видеть. Когда же я к ней приеду? Я пропустила вопрос мимо ушей. Да и вообще, была занята бурной развиртуализацией хайфского романа. Словом, с R меня больше ничто не связывало.

– Погоди, вот я сейчас вынула карту... что она означает? Это я спросила, выходить ли мне замуж за Вадима?..

Позже Дувшанит нашла меня на «Одноклассниках». Писала, что вышла замуж за Вадима. Расписываться ездили в Прагу, потому что он не еврей. Совсем не еврей. Умер дедушка. Она беременная. Очень скучает и ждет в гости. А потом в России случился кризис – компания, в которой я работала, распалась, но вместе с тем поступило хорошее предложение на год от израильской фирмы.

Так я, оказывается, уже третий месяц в стране и молчу?

- Умерла бабушка. Она, тебя, кстати, очень любила. Хочу тебя видеть. Как жаль, что ты теперь живешь в другом городе! Скажи, когда я тебя увижу?

- Когда сядешь в автобус и приедешь в город N.

В ответ раздался вопль возмущения, за ним последовали уговоры и стоны, а также веские доводы, что теперь она должна неотлучно находиться при маленькой дочке, с которой очень хочет меня познакомить.

Еще не один месяц пряничного мяуканья в трубку, а также сообщение, что специально для меня она решила приготовить суши – сработали. «Может, правда изменилась? –

допустила я. – Бывает же, что с рождением детей люди меняются, взрослеют».

Она действительно изменилась. Внешне. Теперь это был уже не пряник, а крупная хала – неработающая, вечно скучающая и вечно худеющая, из опасений, что если ей не удастся сбросить вес, она перестанет быть интересной для мужа. В последнее время они почему-то слишком редко стали этим заниматься. Может быть, он ей изменяет? Да, она помнит, что я ей говорила – нужно читать книжки. Она нашла в доме какую-то книжку и уже прочла две страницы. Вадим почти не бывает дома – вначале по утрам грузил в супермаркете ящики за минимум в час, а с тех пор, как у мамы начались проблемы со здоровьем – работать уборщицей стало тяжело, иврит и поныне там, а пенсия не скоро, – пришлось дополнительно пойти на стройку. Ну, а что, ему и так повезло – другие жильё снимают, а этот пришел в дом на всё готовое!

Разговаривать было больше не о чем, и Дувшанит старалась заполнять мучительные паузы непрерывным пополнением моей тарелки – всем подряд, что находила в холодильнике, тогда как сама я себя чувствовала далеко не в своей тарелке. Я виделась себе беспризорным псом, вежливо жуящим неудавшиеся суши под любопытными взглядами двух совсем не похожих друг на друга женщин – молодой и постарше, что привели его в дом покормить. Та, что постарше – худощавая, стеснительная до забитости, да и вообще вся какая-то бесполоая, пристально разглядывала меня со своего места на диване, время от времени невпопад исторгая какой-нибудь дежурный вопрос. Молодая, на целых восемь лет моложе меня, была теперь настолько несопоставимых со мной размеров (старая косуха ей точно больше не пригодится), что рядом с ней я казалась себе несерьезной букашкой. Внезапно она рассмеялась, радостно и по-детски: *"Как здорово, что ты наконец-то ко мне приехала!"* Я не знала, как реагировать.

Я не понимала: зачем я ей вообще нужна? Чтобы меня безостановочно кормить? Это она называет общением? Она со всеми теперь так общается или только меня держит за нищевродку, соблазвившуюся на обещанные суши? Я не нищая, у меня приличная работа, нормальный заработок, и по случаю даже небольшая московская рента, так что я в состоянии купить себе все сама. И сюда я пришла не для того, чтобы жрать. А правда, зачем я пришла? Мне снова стало не хватать воздуха. Снова вспомнился чемодан, но

тут же я устыдилась своих мыслей, глядя на сияющее детской радостью лицо Дувшанит. А вдруг она мне на самом деле рада? Вдруг не притворяется? Вдруг дело было и впрямь в дедушке? Да и эта унылая женщина из хорошей еврейской семьи, ничего на своем веку толком не выдавшая, кроме глухого украинского поселка с социалистическим названием, да швабр с унитазами в поликлинике израильского городка R – где ей было набраться изысканных манер? Словом, либо не стоило приезжать совсем, либо, раз уж приехала, о чемодане надо забыть. Хорошо. Дам ей шанс. Или, выражаясь языком компьютерной игры – *новую жизнь*. Жми кнопку "*продолжить*" и играй сначала, как в первый раз! Вот только жизнью в левом верхнем углу стало на одну меньше.

Мы вышли в парк. Едва присев на скамейку, женщина хала вынула из сумочки карты. Вопросов скопилось много. Теперь у нее появилась новая родня со стороны мужа, честными и нечестными путями потянувшаяся с Украины на заработки. Некоторые вели себя подозрительно, и ее справедливо интересовало, что у них на уме. Да, и обязательно нужно спросить, не изменяет ли ей Вадим. Как *это неважно? А если туда начнут уходить деньги?*

Прощение мое выражалось в том, что раз в пару месяцев, находясь проездом в R или поблизости, я соглашалась встретиться с ней в парке. А из поездок в Россию привозила ей зеленку (копеечное средство, которое в Израиле почему-то не продают).

Правда, сама ей больше не звонила – да я и ее-то звонки выносила с трудом! Скажет: "*Привет, как дела*" и молчит. Словно ждет чего-то. Чего ждет? Непонятно. Зачем звонила, если сказать нечего? Ждет, когда я начну ее развлекать? Поначалу я еще силилась выжимать из себя какие-то слова, но она оказывалась неспособной даже поддерживать беседу. В лучшем случае заполняла тягостную паузу растягиванием вздохов и междометий: "*Я-я-с-н-о-о*", – и опять молчит. Поэтому каждый раз, когда ее номер снова высвечивался, хотелось убиться о стену, но состав преступления отсутствовал – формально ее обвинить было не в чем! – и после долгих раздумий я нечеловеческим усилием заставляла руку жать на кнопку ответа.

***

Однажды ее звонок застал меня в больнице – через день после того, как я на себе испытала, что такое наркоз. Вер-

нее, такое уже было раз в детстве, но те ощущения забыты – тем более, тогда я еще плохо понимала, что к чему. Теперь же, как только по венам побежала бесцветная жидкость, а прозрачная силиконовая маска закрыла пол-лица, я приготовилась фиксировать ощущения, дабы отследить момент перехода в небытие. Сперва стало не хватать воздуха, хотелось глубоко вдохнуть, но не получилось. На минуту я закрыла глаза, но тут же их открыла, поинтересовавшись, когда начнется операция.

– Все готово.

– Так быстро?

– Два часа.

Ну вот, опять все пропустила. В то время как эти люди... нет, неправильно. Боги! Эти боги видели то, чего мне не увидеть никогда! А теперь, как ни в чем не бывало, мне улыбаются и со мной же разговаривают. Вот так и пилот – сажает борт, выходит из кабины и скромно стоит у двери, провожая пассажиров, и каждому говорит "до свидания". Совсем как человек. Во всяком случае, очень похож на человека – вот только глаза его, немного уставшие – боги ведь тоже устают, словно продолжают смотреть вдаль. Это мы, земные, приземлились благодаря ему, но сам он пока еще не здесь. Потому что видел, а может быть, до сих пор видит то, что скрыто от глаз простых смертных. Хирурги и пилоты. Антропоморфные боги. Я хочу сказать... Кстати, что у меня с голосом? Какой смешной. Говорю в полную силу, а выходит писк. Наверно, это от наркоза. Не ожидала, что будет так смешно. Почти сразу в послеоперационную принесли мои ценные вещи, которые все это время были заперты в сейфе – возможно, мне нужно позвонить. Да, нужно.

Но нормально соображать и разговаривать своим голосом я начала только наутро. Открыв телефон, увидела несколько пропущенных от Дувшанит. Как она снова догадалась, что я в стране? Как обычно, наудачу? Меня так долго не было. В последний раз я уезжала на учебу, вскоре после встречи с Амалией и Фернандо. Недельку как вернулась, и вот, угодила.

Раздался звонок. Дувшанит сказала, что приедет. Что было очень благородно с ее стороны. Должно быть, именно этот жест и позволил ей выиграть дополнительную *жизнь*, продлив игру в дружбу еще на три года.

Хотя какой-либо специальной необходимости в ее визите не было – добиралась я в оба конца все равно сама, а

условия в больнице – от сияющей цветным кафелем душевой в палате на двоих, до меню в столовой – были вполне четырехзвездочными, до сих пор вспоминаю с ностальгией этот недельный курорт в центре Тель-Авива. При том, что врачи не брали взятки, а нижний этаж больницы напоминал скорее зал международного прилета – с его киосками, аптеками, магазинами и кафе – на фоне которых, словно инопланетяне в толпе, несколько странно смотрелись спустившиеся на лифте с этажей люди в пижамах.

Тем не менее, жест я оценила. А через неделю после выписки даже согласилась приковылять на автобусе в R, чтобы поесть суши. Впервые в жизни Дувшанит не только не отказалась, но и сама предложила куда-то сходить! О нет, совершенно никаких претензий к ковылянию до города R! Больше того, это была рекомендация – ковылять тут прописывают чуть ли не сразу после пробуждения от наркоза! Через силу. Хотя именно в первые дни возникает вопрос: куда? Утюжить взад-вперёд больничные коридоры – скучно. Поэтому, конечно же, в *зал прилета*. Посмотреть, что есть в магазинах. Купить банку колы или пирожок. А можно – со стороны лестницы во внутренний двор, на скамейку с айпадом. Или – туда же, но не одной, а в компании тетки моей соседки по палате. И тетка, и другие родственники постоянно ее навещают, непрерывно сменяя друг друга. Большая дружная семья интеллигентных выходцев из Ирана, старающихся как можно реже оставлять больную наедине с тяжелыми мыслями – врачи сообщили пугающую новость.

Тетка иногда спускается с нашего восьмого этажа во двор покурить, предлагая составить ей компанию. Мне нравится ее компания. Да и вообще, нечасто женщина небольшого роста производит впечатление высокой. Для этого, полагаю, нужен особый темперамент, стиль и взгляд. Мне кажется, именно таким взглядом рулевой корабля смотрит вдаль за горизонт. На ней стильное ярко-голубое платье в полоску, с ремнем и аксессуарами. Оно ей очень идет (*спасибо за комплимент*), где она такое купила? Как не платье? А что? Джаллабийя? Праздничная рубаша мусульманских мужчин? Ни за что бы не догадалась! Ветер слегка задувает назад пружинистые, выше плеч волосы с налетом морской соли. Седину она не закрашивает – в черном кружевном серебре пока ещё больше черни, чем серебра. Ну, и, конечно же – капитанская трубка, редуцированная до сигареты. Черт, она не только одевается, она

даже курит красиво! С нее хочется писать картины. Не могу только вспомнить имя. Имя соседки помню, а ее нет. Может быть, Сара. Может быть, Эстер. Как еще могли называть еврейских девочек в Иране чуть более полувека назад?

- Слушай, а та женщина в палате что-нибудь про меня говорила?

- Сказала, что ты похожа на *дувшанит*. Знаешь такое слово?

- Кажется, есть такой цветок, очень пахучий.

- Это, оказывается, еще и пряник – от слова *мёд*. Я, например, тоже не знала, пряники тут почти не продаются – по крайней мере, в привычном нам русском виде.

- А что она говорила про меня еще?

- Да вроде ничего больше. То есть, я спросила ее, в каком смысле – *дувшанит*? А она говорит: ну, мол, вся такая *женщина-женщина!*

Подруга засмеялась. Чутье ее не подвело! Но в действительности я передала ей не все слова женщины-фарси – ибо подругам такое не передают. В общем, мелочь, но... а может, дело в другом? Не в самих словах, а в том, что внутренне я была с ними согласна и стыдилась это невольно перед ней обнаружить?

Да, к своему стыду – я стыдилась *Дувшанит!* При этом чутье не обмануло и меня – там, в больнице, пока она, такая благоухающая, такая несоразмерная нашей маленькой палате и ее обитателям, и такая – если не видеть гладкого лица и полудетского взгляда, не вязавшихся с оплывшим телом и туго зачесанными в дулю кудряшками – такая степенная и взрослая по сравнению со всеми нами, неловко ютилась на стульчике – ибо единственное кресло было занято женщиной-фарси еще до ее прихода, обе иранские женщины только делали вид, что заняты разговором, на самом деле тайком за нами наблюдая! Но самое ужасное – они к нам прислушивались! Они, говорившие между собой на иврите, прислушивались к нашему разговору по-русски, из которого все равно бы не поняли ни слова – если бы он был. Но его не было. Разговор не клеился, и это они слышали!

- Скажи, она правда твоя подруга? – спросила женщина-фарси, когда *Дувшанит* ушла, впрочем, до ухода той успев перекинуться с ней парой фраз – при этом *Дувшанит* вела себя крайне неестественно, краснея и чего-то смущаясь; похоже, за годы домоседства успев отвыкнуть от людей; и я

тоже испытывала за нее неловкость. Хотя посторонние могли истолковать это иначе.

- Скажи, она правда твоя подруга? «Черт, - подумалось с досадой. - И эти туда же». Ну, да, как видишь, а что? В глазах женщины-фарси мелькнуло сомнение. Ну, просто ей показалось, что мы слишком разные. А, ну да, я тоже так думаю. И тут – о, Боже! Я поняла, что ухмыляюсь! Я стесняюсь своей подруги! Я не хочу, чтобы эта женщина думала... чтобы вообще кто-нибудь думал, а возможно, еще и представлял себе всякие сцены... Фу, какая гадость.

И все-таки странно. Сколько у меня ни было в жизни подруг – ни с одной (за исключением разве что Симми, ну, и, возможно, еще максимум двух, с кем мы изначально подружились на почве любви) наши отношения не имели никакого сексуального подтекста. Наиболее близкие и многолетние были либо абсолютно, либо преимущественно гетеросексуальны – во всяком случае, сама мысль о выходе за рамки для каждой из нас показалось бы дикой. Но если бы кто-то со стороны принял нас за пару или нам бы самим пришлось притвориться, с целью избежать приставаний, – да пусть думают, что хотят, ведь на самом деле это не так! И только почему-то с Дувшанит мне было неприятно этим заниматься даже в чужом воображении.

Все же, кажется, что равнодушными ухмылками и прямым взглядом в лицо мне удалось убедить персидскую женщину, что – нет, нет там того, что им почудилось! *Пряник? Женщина-женщина?* Пожалуй, вы правы. Хотя... хотя, вообще-то, под словом "женщина" я привыкла понимать человека взрослого. Тогда как Дувшанит – мать теперь уже двоих – сама до сих пор оставалась младенцем.

***

Шампанское с долгими пузырьками (пила только я), и суши, и огненный том-ям (тоже только я) – были восхитительны, и мы с Дувшанит решили, что теперь это будет "наше" кафе. Отныне, бывая проездом в R, я не упускала случая в него заглянуть, при этом Дувшанит всегда выражала готовность присоединиться, но в последний момент, когда я оказывалась на месте, у нее случались срочные дела: *"Лучше приходи ко мне. Хорошо, посидим в парке, скажи, что взять из еды?"* Да вообще-то, я уже заказала себе суши, тебе взять? А, опять хуdeerшь. Хорошо, тогда сейчас свои доем и приду.

Она говорила комплименты моей манере одеваться и рассказывала о родственниках со стороны мужа. Если я начинала фразу словами: "Мы с одной подружкой были на...", или "ездили в...", или "смотрели...", или "этим рецептом со мной поделилась...", она искоса щурилась, якобы в шутку изображая сцену ревности: "Ага, подружка, значит. А я кто?", или: "Нет, я не тоже подружка, я твоя самая лучшая подружка!" Впрочем, о своих старых подружках она тоже рассказывала: эта долго лечилась от какой-то венерической заразы, а теперь, наконец, вышла замуж. За нелегала. Да ей уже было все равно за кого, лишь бы родить – с другими ничего не получалось. А кавказская красавица Оделия почему-то перестала узнавать ее на улице, и в телефоне заблокировала. Кажется, у той все хорошо. Я молча кивала.

– О, а давай спросим, что думает обо мне Оделия?

– Так, – говорила я, – в следующий раз я возьму с собой ноутбук, там у меня накопилась куча непросмотренных фильмов. Забыла иврит? По-английски не поймешь? Хорошо, будем смотреть на русском. Кстати, на следующей неделе именно в вашем городе будет идти русскоязычная премьера "Матильды", пошли!

– Да ну, ты что – а муж, а дети?

Я едва не поморщилась, но сдержалась.

– Окей, тогда в следующий раз я беру ноутбук.

– Хорошо.

Как читатель, вероятно, уже догадался, оба последующих – и последних раза ноутбук проездил в город R со мной зря. Здесь, в принципе, можно было бы поставить точку и в этой части романа, и в самих отношениях с девушкой-пряником, затянувшихся, как и повествование о ней, до неприличия. Да все уже с ней ясно, – возможно, скажете вы. На что захочется возразить: а развязка?! Для развязки нужен был повод – иначе все равно, что шёл-шёл и внезапно пропал с радаров. Но я на самом деле думала, что двух глав с нее хватит. Не хватило. Поэтому придется добавить еще одну. Прощальную.

Возможно, кто-то меня осудит за слабость характера, и будет прав – нежелание обидеть ту, что называет тебя лучшей подругой, должно быть, и впрямь признак слабости, если ты с этими словами в душе не согласна. Я снова ухмыльнулась. Напомнить про чемоданчик? Нет, это низко. И вообще, объяснять такие вещи – значит чего-то требовать,

унижаться. Их либо понимают, либо нет. Надеюсь, она поняла. На то они и друзья, чтобы понимать.

Ну, а другая причина, полагаю, крылась в том, что женщина-хала (уже не девушка-пряник) мне не нравилась внешне, и это заставляло меня чувствовать себя перед ней виноватой. Не знаю, но думаю – нет, дело было не в полноте – иначе бы это означало, что мне в принципе не нравятся толстые, а это не так. Напротив, многих я считаю привлекательными, а в некоторых и вовсе влюблялась. Согласна, что полнота ей не шла, но здесь было что-то другое. У толстых, которые нравились мне, были выразительные, думающие, эмоциональные лица, а тело не выглядело безвольным куском теста. Оно казалось заряженным – энергией силы духа, темперамента, интеллекта, в конце концов – обычным человеческим теплом. Словно природа умышленно выбрала сосуд покрупнее, дабы вместить в него содержание столь богатое, что и этот сосуд им оказывался мал. Это были люди-энергоносители. У Дувшанит собственной энергии не было, она казалась слишком мелкой для своего тела – осторожного и ленивого, словно распухшего от бесконечных удовольствий, а на лоснящемся лице застыло выражение безмятежной сытости домашнего питомца.

Как-то давно я сформулировала для себя мысль, что, оказывается, вне связи с сексом, друзей мы тоже выбираем по внешнему признаку – нет, не за красоту в общем смысле, а за то, что на элементарном физическом уровне нам кажется приемлемым, не создающим помех для дальнейшего узнавания. Это еще не дружба, а некая биологическая валентность, первый этап деления на своих и чужих. Свои всегда кажутся красивыми. Такими мне казались мои подруги – все, кроме женщины-халы. Я чувствовала: познакомься я с ней сейчас, скорее всего, уже бы не подружилась – и сама себя за это ругала: какое мне дело до ее внешности! Меня же никто не заставляет с ней спать! Ведь главное – отношение, главное, что она моя подруга, которая всегда меня так ждет и хочет видеть – неужели трудно доставить человеку эту маленькую радость? *Совершить мицву.* Не уподобляться же *предательнице Оделии!*

Карты были убраны в сумочку. Смотреть фильм ей не захотелось, и мы принялись молча любоваться эвкалиптовым садом. В конце концов, такие минуты тоже бывают необходимы – вырваться из непрерывной суеты, остановиться и тупо попялиться на эвкалипты. Хотя это можно

сделать и в одиночку. Я автоматически стала пролистывать в телефоне фейсбук, время от времени что-то вслух ей зачитывая. Дувшанит внимательно меня разглядывала, не меняясь в лице. И я поняла – она меня не слышит! Ее не интересовали ни новости, ни смешные рассказы, ни сетевые срачи – соцсети она вообще не читала. Оба аккаунта – на «Одноклассниках», с которого она писала мне сообщение, и на фейсбуке – ей завел Вадим, добавив несколько друзей, ибо сама она едва ли знала, как включается компьютер. Книжка, которой лет десять назад она мне похвасталась, что начала читать, так и осталась заброшенной на второй странице, - и другие в руки не брались.

Чем она, не работая, занималась целыми днями, пока дети находились в школе и в садике, а в доме, помимо одной бабушки, вот уж несколько месяцев как водворилась вторая, приехавшая с Украины понянчить внуков? Пялилась, вместо эвкалиптов, на стены? У Вадима, открывшего свой бизнес, появилась машина, и затариванием закромов тоже занимался он. Что он за человек, понять было сложно – замкнутый, весь в себе, он опускал очки в пол и почти не общался даже с женой, хотя было заметно, что детей своих любил.

Медленно, растягивая слова, женщина-хала спросила, влюблена ли я в кого-нибудь, и я соврала, что нет. От ее вопроса мне сделалось грустно. Помолчали. В Израиль вернулся Кирюша. Она боится. Только бы не позвонил! Нет, не его. Себя. Ведь она не устоит. А ей в ее положении это совсем не нужно. «Это – последний?..» – спросила я себя.

Но вскоре получила сообщение на «вотсап»:

– *Привет, хочеш пиджак?* – фото прилагалось.

– *Не моё.*

Затем – несколько свалявшихся свитеров с выцветшим воротом (ага, разбирает шкафы) и пара роликов. Посмеявшись роликам, от свитеров я отказалась. Свое девать некуда – и это несмотря на то, что покупаю я только то, что нравится. Вот так что прямо уйти не могу. Нет, я не перебираю вешалки в поисках, чего бы купить, а сразу вижу издалека: вон, висит! Недавно в Эйлате увидела платье. Еще не подойдя, в голове – сколько? Если не больше пятисот... Двести пятьдесят? Какое счастье! А так-то, на каждый день, в нашем городе можно найти вполне приличное и за сорок, а то и вовсе за двадцать.

Кажется, именно в тот момент, когда Дувшанит в очередной раз по мне невыносимо соскучилась – в трубке по обыкновению прянично заскулило, – я выходила из дверей Соцстрахования, что на нашем языке зовется *Битуах Леуми*. Опять ничего не вышло. Клерки запутались и, спохватившись, в сто пятнадцатый раз отослали к начальнице – пусть та решает. И в сто пятнадцатый раз начинался заколдованный круг – одно невозможно, другое невозможно. Почему все было возможно, только не у нас, а в какой-нибудь Хайфе, Эйлате, Ришон ле-Ционе? Будто живем не в одном государстве! *Где ты такое слышала, быть этого не может!* Нет, она из меня еще и дуру делает – то есть мало того, что десять лет назад, когда, предвидя будущие проблемы, я всеми силами стремилась их избежать – кажется, она? да, именно та же гадина – на вопрос, как я могу платить взносы из-за границы, ответила:

– Оставить на счету нужную сумму.

– Но я не знаю, как надолго собираюсь уехать, деньги со счёта мне нужны сейчас; то, что я оставляю, скоро закончится – ведь новых поступлений не будет, и начнет копиться долг! Люди рассказывали, будто бы как-то платили иностранной картой. Как? Куда? Дайте реквизиты!

Никак. Никуда. Она не знает, кто эти люди.

А через несколько лет государство мне вчинило огромный долг. Чтобы не возникало вопросов, придется пояснить – за неуплату налогов. Ибо каждый совершеннолетний житель страны обязан ежемесячно платить налог в Соцстрахование. Нет ни зарплаты, ни пенсии, ни пособия – тогда из своего кармана. Фиксированную сумму. И Соцстрахование не волнует, пинал ли ты все эти месяцы балду, учился ли в вузе или жил за границей, а может, просто сломал ногу и не успел донести куда надо справку, чтобы государство назначило пособие, с которого само снимет то, что ему причитается. Временно от налога в Битуах Леуми освобождаются лишь солдаты да свеженькие репатрианты, и пожизненно – домохозяйки. То есть, жены работающих мужей. В том числе просто плящущиеся на стены.

Стоит ли рассказывать, как при взгляде на цифру в письме внезапно расхотелось жить? По крайней мере, в этой стране. Сбежать куда глаза глядят, отказаться от гражданства! Не тут-то было. От гражданства отказаться нельзя – только от резидентства, но тогда нельзя будет здесь работать, а долг никуда не денется и будет расти,

пока, однажды въехав в страну, выехать из нее не удастся. Позднее мне доводилось встречать москвичей, по одной лишь этой причине закрывших для себя въезд в Израиль пожизненно. В Израиле у них остались дети.

Стоит ли рассказывать, как выматывают регулярные банковские списания, когда им не видно конца? Как зарабатываемые суммы тают на глазах, давая понять, что – куда там откладывать! – просто жить можно будет начать не скоро, и годы уходят, а то, что сейчас – разве эту зависимость можно назвать жизнью? Так или иначе, за два года половина долга была выплачена. И вот теперь, когда денежного дохода, по счастью, привалило больше обычного, хотелось одного – как можно скорее от всего этого избавиться. Приблизить долгожданный конец нежизни. Я была готова разом погасить половину остатка! А если и следующая пара месяцев будет такой же удачной... Но в кабинете начальницы сидела все та же, десятилетиями не сменяемая гадина. Погасить половину нельзя. Или сразу всю сумму – да откуда же у меня вся?! – или продолжай платить, как платила. Иначе у нее запутаются компьютеры.

Тогда я поняла, что единственный выход – найти город, в котором компьютеры не путаются. В принципе, им мог стать любой, стоило в нем лишь на время прописаться. Хоть на две недели – в Израиле с этим никаких проблем! Только заплачу и вернусь. Ну, и желательно чтобы он находился не очень далеко – письма, поликлиники, да и тот же Битуах Леуми – все это будет теперь там. Таким городом стал для меня Эйлат, за пару месяцев даровав вожденную свободу. Дорога до Эйлата в одну сторону занимала всю ночь.

Но почему не R, наш старый знакомый R, который находился всего в полчаса езды от дома? Тем более что в Израиле, где только по официальным данным – не учитывая съемщиков комнат и всякого рода приживальцев, более трети населения живет на съеме, - так называемая "прописка", она же "смена адреса" – дело пяти минут. Ибо у каждого резидента должен быть адрес. Ни к праву собственности, ни к размеру коммунальных платежей отношения не имеющий.

Иные владельцы домов на Севере, уезжая на заработки в Центр, арендуют там жилье и в нем же прописываются. Так удобно всем – и им, и государству. Вся процедура – прийти в МВД, где тебя с твоих же слов запишут по новому

адресу, автоматически сняв со старого. А твои дела уже переданы в другой муниципалитет.

Главное, называя адрес, не ткнуть пальцем в воздух. То есть в какой-нибудь супермаркет или школу, или – неизвестно, что хуже – несуществующее сочетание квартиры и дома. Впрочем, я помнила некоторые из своих старых адресов. Ради правдоподобия можно назвать не их, а соседние. И тут мне пришло в голову: а ведь по существующему адресу непременно кто-нибудь живет. Кто – мне неизвестно. Хорошо, если такие, как мы – находя в почтовом ящике банковские отчеты на имя каких-то Мантельмахеров, о которых никто в нашем доме не слышал, мы попросту выкидывали их в мусор. А сколько кругом мошенников, ворующих личные данные, подделывающих удостоверения – увы, я и еще несколько знакомых, чьи данные были однажды похищены тружениками публичного дома, впоследствии насилу отмылись. Не хватало потом еще и этих проблем.

Нет уж, лучше назвать адрес тех, кого знаю. Дувшанит. Заниматься всякими махинациями она точно не станет. Хотя делать это молча, с моей стороны, конечно, некрасиво. Нужно обязательно предупредить. Вот приеду - и поговорим.

***

Рошаль была красива – самой настоящей, взрослой, аристократической красотой. Она читала на трех языках. Делала "мостики" из положения стоя и сходу садилась на поперечный шпагат. На стенах висели ее акварельные и масляные работы – не ученика, а мастера со стилем. Старые рисунки она хранила в шкафу. У нее был по-детски искренний, увлекающийся темперамент и серьезные взрослые глаза. Рошаль было восемь. В тот день мы забрали ее из школы, поэтому, прежде чем уйти в парк, первым делом поднялись в дом. Наблюдая за нашим общением, Дувшанит светилась счастьем и гордостью, время от времени якобы от лица дочки приговаривая – *тётя Майя, приходи к нам почаще!*

Присев на скамейку в парке, откуда-то из-за спины она достала прозрачный пакет. На, посмотри, может быть, что-то из этого захочешь. Приоткрыв пакет, я увидела в нем сваленную вперемешку грудку невнятного допотопного тряпья – заношенные майки, лифчики, кружевные боди... спасибо, не трусы. Что это? Зачем? Ты правда такое носила? Как не ты, а кто? Тётя Вадима? Работает у людей уборщицей, и они ей это каждую неделю отдают мешками? Да нет,

дело не только в том, что *я такое не ношу*. А что место всему этому даже не на заборе. На, забери.

- Нет, мне не нужно. Повесь куда-нибудь.

Так. Вообще-то, по-хорошему, повесить должна была она. Да такое даже вешать стыдно! Я огляделась в поисках урны. И тут настал решающий момент. У меня есть реальная проблема – в нашем городе мне не дают быстро расплатиться с долгом...

А теперь – спокойно. Никаких резких движений, обвинений, уходов. Это унижение мною однажды уже пройдено. И если теперь я приводила в ответ какие-то аргументы, то не из желания уговорить – а лишь по причине крайнего, безграничного изумления! Причем не знаю, чем в большей степени – дремучим невежеством этих людей или их подлинным ко мне отношением? На недоуменные доводы, что я – да не только я, а вообще любой с улицы мог назвать в МВД ее адрес, ни словом ей не обмолвившись; и о законе, по которому единственный посторонний человек, имеющий право требовать раздела имущества по суду – это гражданский супруг, при наличии свидетельских показаний соседей, чеков о совместных покупках в дом на протяжении пяти лет и прочего, прочего... А ведь я, кстати, целых шесть лет была прописана в квартире у одинокого мужчины – вот бы кому стоило волноваться! – но нет, обретя более-менее постоянный адрес, всего лишь мирно выписалась. Вот дура-то, скажи? Оказывается, у меня были все шансы ограбить мужика? Надо же, какой идиот. Как, впрочем, две трети населения страны. Арендодатели не догадываются, чем рискуют, а арендаторы – что теряют. Ну почему, ведь это так просто! Да что уж, прямо в первые дни и ограблю – в конце концов, жить и быть прописанной в разных местах ужас как неудобно...

Словом, на любые мои аргументы по застывшему лицу женщины-халы лишь сильнее разливалась краска, а безвольный рот, едва переводя дыхание, продолжал бормотать – да, она все понимает, но мама не разрешит. Потому что есть опасность, что я буду претендовать на квартиру. Опасность. Я представляла опасность для унылой женщины из хорошей еврейской семьи, ничего на своем веку толком не выдавшей, кроме глухого украинского поселка с социалистическим названием, да швабр с унитазами в поликлинике израильского городка Р. За тридцать лет жизни в стране выучившей на иврите единственное слово – *шалом* – и перехитрившей две трети местного населения.

Сама, в Москве? Нет, друзей не прописывала. Прописывала узбекскую пару – нашего дворника с женой. Чтобы их дочку взяли в ближайшую школу. Они не были моими друзьями.

Еще раз – никаких резких движений. Высказать всё в лицо – значит спровоцировать ненужные разборки, апелляции, замякивания зубов, на которые она такая мастерица. У нее было пятнадцать лет. Удар судьейского молотка: «Апелляции не подлежат!» Компьютерная игра окончена. Нет, это не обида. С обидой у этого чувства не было ничего общего. Обида – это когда ждешь, жаждешь объяснений, когда на них не жалко времени и слов. Это и была та стадия, когда любые слова – лишние. Жизнь слишком коротка, чтобы размениваться на нелепую роль няньки при безмозгом, ничемном куске мяса, одаривающем меня чужими обносками. Ее можно потратить на близких, любимых, друзей. Интересных собеседников. Книги и путешествия. В конце концов, просто полезных знакомых. Мне слишком дорого мое время и силы, чтобы этим убогим посторонним людям позволить себя грабить. Никто никому ничего не должен. Я в том числе. Ну, она попробует поговорить с мамой, но скорее всего... А еще спросит соседку...

- Соседку? – не сдержалась я. – При чем тут соседка, которую я ни разу даже не видела?! И ей на руки будут приходиться мои документы? Я ей кто? Впрочем, все равно она тебе откажет, и будет права. Я бы на ее месте отказала.

- Я ее буду очень просить...

Боже, и этому человеку без малого сорок лет! Нет-нет, все кончено. Осталось только вежливо попрощаться. Хотя, думаю, она все же что-то почуяла. Ибо через пару дней позвонила, но не со своего номера – иначе бы я не взяла трубку, а с чужого. Позвонила сообщить, что ни мама, ни соседка не согласились. «Да при чем тут соседка?!» – отмахнулась я. А через минуту заблокировала и этот неизвестный номер, и на всякий случай ее собственный.

Однако, выждав паузу примерно в месяц, она объявилась через «вотсап» и принялась раз в неделю мне что-нибудь посылать. Картинку. Ролик. Напоминание, что сегодня переводят часы. Поздравление с праздником. Я не отвечала (не скрою, что наблюдать за этими жалкими конвульсиями - вызывало во мне нечто вроде садистского любопытства). Затем, назвав меня уменьшительным именем, спросила, как дела. Я не ответила. А после сообщения:

"Привет такое платье хочешь?" – чужой обносок прилагался – отправила в бан и не вспоминала о ней до зимы.

***

Обледенелые окна забрызганы грязью. Кажется, я вообще ошиблась маршруткой и куда-то не туда еду. Что за "К", откуда мне знать, что у вас тут за "К"! Стоп, телефон. Звонок с московского мобильного – наверно, по работе. Но это была не работа. В трубке я услышала знакомое мяуканье. Да мне без разницы, что она тут делает, в Москве! Сброс. Погодите, а куда мы вообще едем? Где ближайшая остановка? Снова звонок – уже с другого московского мобильного. А, ну теперь точно по работе. Что за черт, опять она! Да дайте же мне где-нибудь выйти! Только до конечной? Вот засада! И телефон, как назло, не умолкает, замучилась сбрасывать! Даже выключить не успеваю – для этого нужно, чтобы он хоть несколько секунд помолчал! Представляю, как достала моя музыка всех пассажиров, не только меня. Я выругалась матом. Вот дура настырная! Когда же до нее дойдет! *Не хочу*, неужели не ясно! Но она была не из тех, до кого доходит. Она понимала лишь то, что хотела понимать – одна из фатальных форм невменяемости. А главное – на экране каждый раз высвечивались разные номера! Поэтому ее невозможно было даже забанить. И я догадалась – это разные коммутаторы. Она в Израиле. Купила специальную карту для России, приготовила речь. А я срываю ей планы.

Ну, нет, во второй раз замаякать себе зубы я не дам! Во мне закипала волна злобы. На тебе, на! Пшла вон! В мусор! К обноскам! Бесполезно. С настойчивостью автомата она брала меня измором – дальше, очевидно, полагаясь всецело на свой талант. Волна подступила к лицу и обожгла глаза. Хочешь – получай! Хватило секунды, двух слов и отбоя. Ответить она не успела. Ни крика, ни мата. Всего два слова. Красноречивее которых была, возможно, интонация.

Больше она не звонила. А остальное меня не волнует, и пусть думает, что хочет – что я обиделась, что хотела ее использовать или что ее, такую хорошую, в очередной раз предали (*привет, Оделия!*); пусть недоумевает и спрашивает у карт, коли нет своих мозгов. Любые объяснения – трата времени. Пустая, как и сама Девушка-Пряник.

Амалия! Но ты-то со мной так за что? И даже хуже. Ведь после твоего же поцелуя на парковке – ты не сказала мне и этих двух слов!

Ветер

Он обернулся к ней в метро. То ли в тесноте, то ли просто так случилось, но их плечи соприкоснулись. Он был высокий (не то, чтобы она первым делом отмечала именно это в мужчине), темноволосый (или в свете плавленного сыра лампочек в вагоне ей так показалось). С ямочкой на подбородке. И как это бывает в самых неправдоподобных фильмах, она поняла, что это знак. Начало. И внутри куда-то улетело, ухнуло с огромной силой то, что очень кратко называется сердцем.

Он сказал:

- Качает, как на восточной арбе.

Она кивнула и сглотнула. Ей стало жарко. Исказилось изображение. Объявили её остановку. В голове пронеслось: «Как быстро», и ещё «как странно». Она медленно вышла из вагона. Услышала:

- Вы знаете, где выход ко Дворцу Республики?

Она знала, поняла, что он вышел вслед за ней. Махнула рукой куда-то, хотя этот дворец был в другой стороне. Они разговаривали сбивчиво, перебивали друг друга.

- Вообще-то надо идти... туда...

- ...Даже не сам дворец. Просто он – как ориентир.

- ...Было время, я работала рядом, возле цирка...

- ...Цирк – это кодовое название? А, это тот дом с короной на крыше... Цирк, на самом деле...

- ...Цирк, да, я там недалеко...

- ...А я в командировке... Смешно... Ваш город красивый. Похож на Вену.

- Да уж, Вена, - скажете тоже... Преувеличение, всякому жителю приятное...

- Я в «Потсдаме» остановился...

- Это совсем близко...

- Пошли туда. В «Потсдам».

И она пошла.

Проскользнули мимо портье. Зелень ковра возле лифта была похожа на обложку книги сказок, что стояла у Наташи на полке много лет. Гостиничный номер был большой, с кованой кроватью, белой шторой и зеркалом в раме изумрудного цвета. Чтобы скрыть неловкость, она остановилась у

зеркала и с притворным интересом его разглядывала. Он сказал: «Ты не видела зеркал?», - и порывисто её обнял. Наташе показалось, что мать, суета, магазины, которые кидались в глаза рядами картофельных и свекольных полок, обледенелые ступени к дому, по которым скребли тонкие каблукы её лаковых блестящих сапог, шум на городской улице в полдень – всё исчезло. Он целовал и шептал: «Милая, милая». Это было немного неловко и прекрасно.

Шелестела ткань. В зеркале отражались два тела. И потом уже одно, но с двухцветными соединёнными головами.

Она очень долго не была в том состоянии, когда важно и нужно всё то, что в повседневной жизни прячешь. Стараться не замечать. Ноги. Грудь. Нервный смех, когда остаёшься без одежды. И потолок, который плывёт, движется. Уходит в городское небо, не задев кроны деревьев и электрические провода.

Потом она стояла в дверях, поникшая, и не знала, что сказать. Он, кажется, тоже не знал. Наташа так давно жила в кругу «мать-ребёнок-работа-мать», что забыла, что существует иная сторона. Планета. Тихая улочка, как расстеленная лента, сбегаящая к морю.

Потом она, как человек, вставший с одра болезни, вспомнила о доме, покупках, времени. И что-то снова шевельнулось внутри, как подавленный вздох.

- Пока, - бросила она с напускной беззаботностью.

Голос дрогнул. Он кивнул. Неловко сунул ей в кармашек сумочки свою визитку. Она вышла в гостиничный коридор.

Она ехала в метро, шла по улице, поднималась по ступеням к своему дому, одиноко возвышавшемуся над соседними постройками. Улица пахла борщом из третьесортного ресторанчика. В каналах дремала сизая застоявшаяся вода. Кто-то кричал у подъезда:

- Шкура, убью, скотина!

Наташа не видела и не слышала ничего. Привычная дорога скользила мимо сознания, будто не она, Наташа, шла между кумушками на скамейке, вдоль уродливой клумбы, которую словно нарочно, из протеста против красоты, забрасывали всяким сором.

Мать выскочила из комнаты с воплем: «Где шлялась?!». Сын высунул пухлую мордочку из своей комнаты: «Ма, помоги с математикой». Мать пошла за ней на кухню.

- Купила творог?

- Нет, забыла.

- Ясно, тебе семья до одного места...

Наташа размотала платок, налила воды в стакан. Повесила плащ на вешалку. Пошла в свою комнату. Мать не отставала:

- Курица, я с тобой говорю! Ты оглохла?

Наташа кивнула невпопад.

- Тебя уволили? Что стряслось?

Отвечать было нечего. И думать ни о чём не хотелось. Она сказала самой себе: «Тишина», - и села за компьютер. Нашарила в сумочке визитку. Две цифры номера телефона были заштрихованы черным фломастером.

Ветер за стеной свистел и пыхтел. как забытая кастрюля. Мир шурился в запалённое окно. Тикали старые часы с инвалидной, сломанной кукушкой. Во дворе шло соревнование, кто виртуознее ругнётся.

Сердце в беличьих лапах

Лера стала тихой и грустной. Словно потеряла себя в последние дни, отравленные тоской. Вообще-то и тоску, и ту правду, которую она позволила себе осознать, Лера создала сама. Говорила себе: «Всё нормально, всё правильно», - и плакала горько, навзрыд, словно внутри неё прорвало невидимую границу, снесло потайную дверь. Влад был её выдумкой. И боль, которую он приносил, тоже, скорее всего, была выдуманной.

Ранним утром, когда автобус, сонный и вялый, ехал в новый день, Лера замирала в углу, стараясь не касаться других людей ни локтем, ни взглядом. Автобус катил, дёргался, в полумраке салона поблёскивали поручни. Полумрак и полудрёма ей помогали. И музыка, которая грохотала в наушниках. И детективные сериалы, от которых в памяти оставались мужественные криминалисты и следователи, по-американски накачанные, ведущие принципиальную борьбу с циничными, но остроумными преступниками.

Когда Лера дома смотрела в зеркало, она будто не видела себя. Её взгляд находил в серебряной зеркальной луже маленький старый бюст Бетховена на столе возле компьютера, картину на противоположной стене. Картина отражалась в зеркале – и Лера видела написанный маслом жёлтый букет пионов и курительную трубку, которая лежала на кружевной, цвета клюквенного морса скатерти.

Неделю назад она ушла от Влада. То есть она могла сколько угодно говорить себе, что она это сделала, что она решилась, что нашла в себе силы и прочее. Но её уход был уходом только в её представлении. Влад не придавал этому серьёзного значения. Не отреагировал. И уж точно не понял, что это расставание. В его жизни ничего не изменилось. Лера была для Влада чем-то вроде радио. Или газеты. Мелкое безобидное хобби, ни на что принципиально в жизни не влияющее. И никак не мешающее его жене и дому. И – она это точно знала! – общение с ней шло по значимости для него ступенькой ниже любимой собаки Джулии, которая никогда его не раздражала...

Лера была всегда в стороне. Своими радостями и бедами он с ней не делился. Лера оказывалась на повестке его дня, когда возникало короткое время передышки между делами, пауза, островок в плотном графике. Тогда он звонил ей. Иногда беседа длилась больше часа. Иногда он даже приходил к ней. Всегда внезапно, заранее не предупредив. Второпях перед уходом роняя:

- Ах, мне бы времени побольше, я бы тогда... Ну, ты понимаешь...

Она понимала. Никак не выражала недовольства – зачем? Он бы всё равно не изменил ничего в их отношениях. И Лера помещала своё сердце в чашечку цветка, который ориентировался на Влада, как на солнце. Жил им. Влад был с ней всё время. И чем неотвязнее она продолжала его ждать и тянуться к нему, тем равнодушнее и отстранёнее был он. И тем глубже она погружалась в тяжёлую свинцовую воду. И тогда она решила измениться. Не подходила к телефону. Пила валерьянку. Слушала «Немецкий реквием». Потекли дни, длинные, серые, похожие на салон автобуса и на тусклое утро, которое переходит в новое тусклое утро, а между ними - ничего.

Лера понуро брела домой. Рассматривала трещины на асфальте, мятые упаковки от всякой еды, устилавшие путь. Солнце затёртой медной монеткой светило из облака. Из подъезда её дома вышла молодая женщина с маленькой нарядной девочкой. Девочка ступала осторожно, мелкими кукольными шажками. Каблучки женщины стучали горделиво, одежда на ней сидела, как на манекене – ладно, красиво, точно по фигуре. И платье, и пиджачок словно жили собственной жизнью и не собирались помяться или испачкаться никогда. Женщина была красива. Девочка лет трёх. с огромными светлыми глазами, тащила за лапу плюшевую

огненную белку и вызывала восторг своей кукольной, хрупкой прелестью. Ямочки на круглых персиковых щёчках, яркие лепестки-губки и льняные локоны до плеч делали её похожей на героиню мультика.

Женщина спросила, обращаясь к Лере:

- Вы здесь живёте?

Лера кивнула:

- Да, вот уже три года. А вы новенькие? Я вас вижу впервые...

Женщина сообщила, что переехала вчера, что хозяин жмот и хапуга, а бывший её муж – скотина. Белка выскользнула из пухлой ладошки и шлёпнулась на каменную выщербленную дорожку. Женщина нервно дёрнула дочку и сказала низким и злым голосом:

- Лорин, что это?! Держи как следует. Тут грязно, ни черта не убирают, не видишь...

Девочка подхватила белку. Испуганно, неловко. Зажала её в розовых ладошках.

- Кошмар, бестолочь... Да вот папаша обещал забрать её, мы давно договорились - и не отвечает на мои звонки. Я просто телефон оборвала... Никакой жизни. А я, по глупости, столько запланировала. С ней ничего не выйдет....

И тут Лера, неожиданно для самой себя, быстро сказала:

- Всякое случается. Может, занят. Или телефон разрядился... Если вы не против, я могу с ней побыть. Мне нетрудно.

Новая соседка расцвела. И затараторила:

- Ой, правда? Я даже не знаю... Неудобно... Я обычно так не делаю. Мы совсем не знакомы с вами. Но бывший муж так меня подвёл, так разозлил... Её зовут Лорин. У вас какая квартира? Седьмая? Это над нами, прекрасно! Вы её не кормите, не надо; а то станет жирдяйкой, таких сейчас много... Меня зовут Элизабет. Я быстренько – и сразу её заберу.

Лера взяла девочкину теплую ручку. Малышка тихо позвала: «Мама, мама», - но руку не отняла. А мама помахала ей, изящно повернулась - и исчезла, ускользнула на острых каблучках.

Лера пошла с Лорин к лестнице. На первой же ступеньке девочка сказала жалобно: «На ручки...». Лера подняла её – и ощутила нежные мягкие косточки, запах мыла и тёплых волос и щек. Она поднялась по ступенькам и вошла в свою съемную квартиру. Зеркало отразило женщину с напряжённым бледным лицом, в скромной блузке. Женщина держала

на руках девочку, маленькую, чудесную, которая сжимала игрушку-белку.

- Будешь компот? - спросила женщина в зеркале у девочки в зеркале. Девочка молча кивнула. И они пошли на кухню. Сначала малышка пила компот, потом попросила булочку. Очередь дошла и до бутерброда с медом, и каши. В кухне и в комнате возник тот разгром, который говорит о присутствии ребенка. Ложки и вилки были высыпаны из ящика и разложены по росту. Банка из-под кофе и подушечка с дивана стали треном для белки. Все Лерины украшения были рассмотрены и одобрены. Косметика понесла некоторые разрушения, румяна совсем рассыпались, помада отпечаталась на маленьких ладошках в виде алых роз. Но Лере не было жалко, уж очень забавно и зачарованно юная гостья обращалась со всеми этими штуками. Она деловито оторвала ручку-цепочку от Лериной косметички, пристроила её на хвост белки и шумно восхищалась этой красотой. Лера не ругала её, - ей было приятно и хорошо.

Потом Лорин пожелала сказку. Лера вспомнила ту сказку, которую ей в детстве рассказывала бабушка. Потом никогда эта сказка ей не встречалась; возможно, бабушка сочинила её сама. Это была сказка про злую королеву Черногорку-молнию, которая не хотела ни игрушек, ни балов, ни книжек, а только ждала, когда её слуги поймают в лесах янтарного оленёнка. Рассказывая, Лера заменила оленёнка белкой. Лорин была в восторге. Повторив несколько раз «Лера, Ле-ра», она благосклонно сказала:

- Моя белка будет Лера. Так хочу!

День скатился в вечерний лиловый ковш, как мяч или кегля. Лорин уснула, утомлённая заботами о новом хозяйстве; в её распоряжение перешла Лерина брошка с жарптицей, серебряная ложечка с сердечком и, разумеется, цепочка от сумочки-косметички. Лера тоже немного устала - но была абсолютно всем довольна. Она расправила на спящей девочке платице, отвела с лица льняную прядку волос. Прикорнула рядом.

Её разбудил звонок и одновременно стук в дверь.

- Ну, как вы тут? Она хорошо себя вела? А если нет, будет наказана!

Лера заторопилась сказать, что все было хорошо, они играли, спали, ели... Лорин показала свою коробочку с подарками – брошкой, цепочкой и ложечкой.

- Спасибо! А то из-за моего идиота я бы не смогла выйти, пришлось бы всё отменять и сидеть, как в тюрьме! - щебетала мамаша.

На пороге розовая от сна и тепла девочка чуть помедлила – и протянула Лере белку.

- Вот. Лера. Играй.

И пошла вслед за матерью вниз по лестнице.

Вечер перешёл в ночь, ночь накрыла и мир, и Леру своим густым пледом. Лера спала. Белка сидела рядом, глядя в темноту бусинками чёрных пластиковых глаз.

=====

Вышла в свет новая книга Якова Шехтера «Ангел-водопроводчик» из серии «рассказы о неожиданном». Печальные, смешные, мистические, мимолетные, глубокие истории, сопровождающие жизнь евреев веками - играют на страницах «рассказов о неожиданном» всеми красками жизни земной и внеземной. С героями повествования постоянно происходит что-то необыкновенное и опасное, они рискуют жизнями ради высоких целей и познают природу человеческую с бесстрашием истинной страсти.

Книгу можно приобрести через журнал «Артикль».

=====

Король, капуста и гломерулонефрит

В середине XX века жила в Ленинграде одна женщина-врач, детский нефролог; назовём её Августинович. Она работала в Педиатрическом институте, учила студентов и занималась наукой. Результатом её многолетних трудов стала докторская диссертация, где она убедительно доказывала, что микрогематурия (следы эритроцитов в пробе детской мочи) есть свидетельство серьезного поражения почек – нефрита. Блестяще защитившись, Августинович получила ученую степень доктора медицинских наук. А поскольку в то время шла широкая кампания по внедрению научных достижений в жизнь, - во все детские поликлиники был разослан циркуляр о регулярной проверке всех младенцев на микрогематурию.

Примерно в это же время, вне всякой связи с жизнью и трудами доктора Августинович, одна замужняя студентка родила своего первого и, как выяснилось в дальнейшем, единственного ребёнка – девочку. Молодая мать была женщина современная и просвещенная, она училась на последнем курсе филфака Ленинградского университета имени А. А. Жданова и к возвращению младенца отнеслась со всей ответственностью. Она тревожно следила за здоровьем маленькой дочери, и не напрасно. Заметила, например, что складки на ножках несимметричны, стала допытываться, почему так, и надо же: оказалось, это врождённый вывих бедра, пропущенный врачами. Девочке вовремя наложили специальную шину, и вопрос был довольно быстро решён. А иначе осталась бы навсегда хромой.

И конечно, студентка-мать регулярно носила ребенка на осмотр к педиатру в районную детскую поликлинику.

Её муж, молодой инженер, в этих вопросах полностью на жену полагался. Его отцовским делом было ежедневное гуляние с ребенком – в будни после работы, а в выходные – днём. Кроме того, он был единственным, кроме тестя, кормильцем: у жены была только стипендия, у тещи, - которая, не дожидаясь пенсии, ушла с работы сидеть с внучкой, – вообще ничего. Лишь тесть был худо-бедно рабочим-технологом. Зять же имел ту самую, неприличную зарплату советского инженера без выслуги лет. Чтобы хоть как-то

укрепить шаткие финансы семьи, он всё время пытался подработать: то вёл за небольшую мзду дипломные проекты, то чертил на заказ. Выгадав время после еды, когда с единственного в доме стола уносилась посуда, он вытаскивал из-за шкафа большую доску, устанавливал её на столешницу, прилаживал рейшину, прищипливал кнопками ватмановский лист, и вскоре на широком белом поле возникал изящный, элегантный даже, чертёж очередной промышленной холодильной установки. В нижнем правом углу чертивший тщательно выводил таблицу с техническими надписями, которые обретали у него едва уловимый ритм любимого им стиля модерн. Папа называл это халтурой – в том смысле, что делал он это помимо основной работы.

Однажды мама принесла домой пачку направлений на анализы. Через день женщина в белом халате уколола крошечный пальчик специальным «карандашиком» со спрятанной на конце иглой и через резиновую трубку всосала капельку крови в стеклянную трубочку. Урина же, заранее собранная дома в стеклянную баночку из-под майонеза, была оставлена в специальном ящике в лаборатории. И надо же было в ней оказаться тем самым следам эритроцитов – красных кровяных телец...

- Гломерулонефрит, – сказала участковая, пожав плечами.

Молодая мать взвыла.

- Если не верите, - сказала участковая усталым голосом, - можете сходить в педиатрический и спросить у Августинович.

И выписала направление. Мама понеслась в Педиатрический; Августинович подтвердила диагноз и написала рекомендации. Наблюдение у нефролога. Или хотя бы у уролога. Контрольные анализы каждые три недели. Тщательно беречь от охлаждения и простуд. Кутать.

Мама стала жить в постоянной тревоге и соблюдать рекомендации.

Дальше я уже помню сама.

Мне пять лет. Я рисую, люблю танцевать и петь. Я не люблю кукол – они резиновые, нехорошие на ощупь. Зато люблю кошек и двадцать четыре прелюдии Шопена. Под них я как раз и танцую – у нас есть пластинка. У меня темные волосы, я мечтаю о светлых. У меня стрижка и бант, я мечтаю о косах. Как это в пять лет ещё не бывает косичек? Вон, смотрите, идет девчонка маленькая, не старше двух, и уже с косами. А ещё мне нельзя ничего солёного, кислого,

острого, жареного, даже мясного бульона нельзя, потому что у меня – почки. Это маме сказали в нашей поликлинике на улице Пестеля.

Поликлиника находится в большом и красивом доме. Когдаходишь туда, отворив одну за другой две двери (сначала тяжёлую наружную, с резьбой, потом внутреннюю, полегче, со стеклом), попадаешь в небольшой вестибюль с узорной плиткой на полу. В вестибюле стоит белая деревянная будка, застеклённая, как веранда на даче. Это справочное. Рядом с ним начинается широкая лестница, которая ведет на второй этаж – к регистратуре. В регистратуре, за высоким деревянным барьером с прозрачным верхом, сидят в полукруглых окошках суровые женщины в халатах и шапочках, а за их спинами рядами стоят стеллажи с медицинскими карточками. Есть карточки толстые, как моя, есть тонкие, но все они одинаково склеены из бурых листов. Только корешки у них разного цвета: для каждой полки – свой. А на некоторых наклеена поперёк цветная полоска – это если ребёнок стоит на учёте. У меня две полоски: жёлтая и розовая. Я стою на учёте у уролога и у ларинголога.

От регистратуры можно пойти направо, в узкий зелёный коридор, где обитает «Ухо-горло-нос» (так написано на табличке, я уже умею читать). Рядом с «Ухо-горло-носом» в особой витрине выставлены странные предметы – пуговицы, бусины, винты, гайки, хорошенькая фарфоровая фигурка и небольшой карандаш. То есть предметы самые обыкновенные; странно другое: почему они здесь, в этой витрине, как древние монеты в Эрмитаже, где я уже была с папой? Потом я с содроганием узнаю, что это вовсе не предметы, а инородные тела, извлеченные из носов и ушей непослушных детей, опрометчиво их туда себе запихнувших. Воображение отказывается рисовать, как всё это могло поместиться в носу или ухе. Теперь витрина притягивает, она жуткая и стыдная. Если бы мне ненароком пришлось что-то в себя засунуть, а потом это бы из меня вытащили и выставили напоказ, мне было бы очень стыдно. К тому же несчастных детей для этого разрезали – делали операцию.

А если от регистратуры идти не направо, а налево, попадаешь в большой светлый холл. Там стоят огромные растения в кадках, а на стене намалёван окружённый большими зверушками Айболит с крупным градусником в руке и пакостной улыбкой. Но самое интересное, конечно, не это, а те висящие на стене штуки, которые, наверное, и есть «волшебные фонари». Из стены выступает плоский ящик с

темными стеклянными квадратиками, тоже похожий на веранду, только ночью. Рядом – выключатель, и если на него нажать, внутри ящика зажжётся свет, и квадратики превратятся в картинки, на которых нарисованы различные медицинские наидания. Например, что ни за что нельзя трогать уксусную эссенцию. Там кадр за кадром, как в диафильме, рассказывается история девочки. Вот она открывает шкафчик на кухне. Вот в шкафчике на видном месте стоит некая бутылка с ярлыком. Вот девочка бутылку эту берёт. И вот уже эта девочка с искажённым от боли, каким-то недетским, мужским лицом кричит и держится руками за глаза. Уксус я знаю, но уксусную эссенцию не встречала никогда. Что такое уксусная эссенция, мама? Девочка, держащаяся за глаза, тоже и ужасает, и притягивает.

Иногда мама ходит туда без меня, и там ей выдают шершавые бурые бланки – направления на анализы. Дома тогда сразу откуда-то появляются знакомые майонезные баночки, хотя майонез мы едим только по праздникам. Перед употреблением в медицинских целях эти баночки долго кипятятся в кастрюле – они должны быть стерильными.

Через день мама получает те же бланки заполненными: в каждой клеточке написаны цифры, и некоторые обведены красным. Теперь это уже не направления, а «анализы». В поликлинике, пока врач беседует с мамой, а я просто томлюсь, медсестра клеивает «анализы» склизким канцелярским клеем в пухлую «карточку», из которой во все стороны вылезают края разношерстных бумажек. Она наклоняет пузырёк с клеем и возит по бумаге его розовым резиновым наконечником, похожим на толстую соску.

Потом мы идём домой.

У меня ничего не болит, но мне очень много всего нельзя. Нельзя после купания сидеть на пляже в мокрых трусах, нельзя прыгать с табуретки. А ещё мне нельзя того, что я люблю больше всего на свете: кислой капусты и солёных огурцов. Конечно, я их всё же пробовала, раз знаю их вкус, – но очень и очень мало, совсем не столько, сколько мне хочется.

Мой папа, кстати, тоже обожает огурцы и капусту.

Мы живём прямо около Дворцовой площади, и со мной гуляют или в Александровском саду, или в Михайловском. Я ещё не очень осознаю, что на прогулку в Александровский мы идем мимо Эрмитажа, а в Михайловском я играю прямо у Русского музея. Я этому не удивляюсь – это просто мой мир, и он так устроен. По вечерам и в выходные со

мной гуляет папа. Мама – главная, она работает, занимается моим здоровьем и принимает все решения, бабушка хлопочет по дому, кормит меня и ругает за беспорядок, эра дедушки начнется чуть позже, когда он выйдет на пенсию и купит домик в деревне, куда меня будут привозить на всё лето. А с папой я гуляю, и это важная, волнующая часть моей жизни.

Мой папа прекрасен.

Во-первых, он читал мне сказки про Братца Кролика, а с тех пор, как книжка кончилась, каждый вечер сам придумывает новую сказку. Братец Кролик у нас уже и в Париже был, и летал на Луну, и торговал арбузами.

Во-вторых, папа потрясающе танцует с мамой танго, хотя в комнате совсем тесно.

А в-третьих, он не так безоговорочно соединён со мной, как мама.

Когда меня спрашивали, кого я больше люблю, маму или папу (кто ж это, интересно, задавал мне такой идиотский вопрос? Должно быть, соседки по коммуналке), я всегда отвечала, что папу и дедушку. Потому что маму как-то и любить отдельно странно: мама – часть меня, а я – часть её; да и с бабушкой, в общем, так же. А чтобы любить, да ещё больше всех, - нужна, наверное, некоторая недосыгаемость. С папой так у меня и было.

В отношении ребёнка он никогда не принимал решений сам. Тут он ревностно исполнял мамину волю, лишь иногда дополняя её от себя каким-нибудь затейливым штрихом. Он всячески подчеркивал, что мама у нас главная – это было, как я поняла потом, одним из знаков беззаветного служения любимой женщине. И со мной он был связан не напрямую, а как бы через маму. А мне так страстно хотелось напрямую. Мама, юная и веселая, легко шутила и возилась со мной, и это было так же в порядке вещей, как Эрмитаж под окнами. Папа же развивал меня интеллектуально, водя в музеи и рассказывая об архитекторах и царях. Но когда я, разбегаясь, внезапно напрыгивала на него сзади, как рысь, он пугался, нервно стряхивал меня и серьёз сердился. И если мама просто следила в холодные дни, чтобы меня не продуло, то папа настаивал, чтобы я была наглухо закрыта со всех сторон. Не знаю, считал ли он сам, что от расстёгнутой пуговицы заболевают. Но он очень боялся простудить ребенка и огорчить жену.

Мне было обидно. Непринужденной близости всегда что-нибудь да мешало. И моя жажда этой близости оставалась неутолённой.

Когда мы гуляли не в Александровском, а в Михайловском саду, и шли не через Дворцовую, а через Конюшенную, на обратном пути мы заходили в магазин за продуктами. Папа оставлял меня стоять у стенки, а сам шёл в кассу и в отделы. Магазин находился в полуподвале того закруглённого дома, вдоль которого улица Желябова плавно перетекала в Конюшенный переулочек. Войти туда можно было с двух концов. В какой отдел вела дверь из переулка, я не помню. Кажется, там было что-то макаронно-жёлтое. Яичная вермишель. Но всё, что связано с другой дверью, я помню в мельчайших подробностях. Через неё мы попадали в овощной отдел.

Сначала надо было спуститься ступенек на шесть по наружной лестнице, утопленной в тротуаре, и войти в дверь. За ней были ещё три ступеньки вниз – полукруглые, из серого камня. Само помещение было тёмно-зелёным, с красивыми росписями, на которых были изображены гирлянды фруктов и райские птицы, не хуже, чем в Эрмитаже. Впрочем, возможно, что и росписей не было, а просто эти два образа прекрасного – Эрмитаж и овощной отдел – наложились у меня один на другой. Две кассы с кассиршами в торце небольшого зала помещались в высоких зелёных будках – со стеклянным, должно быть, верхом, потому что я смутно помню старинные кассовые аппараты: высокие черные клавиши и чёрный же корпус, крутой, как горка на замёрзшем пруду в Михайловском. Где я однажды свалилась с санок, и папа нёс меня на руках, судорожно дыша от ужаса. И, кажется, я даже помню ручку, которую кассирши со стрёкотом крутили вручную.

С двух сторон от касс располагались красивейшие прилавки в виде витрин. В одной из этих витрин были, наверное, какие-нибудь яблоки или свекла, но я помню не это, а стеклянные конусы с разноцветными соками, выпускавшимися в стаканы через специальный краник. Рядом с ними всегда стоял гранёный стакан с неопрятной солью и воткнутой в неё серой ложкой – для сока томатного. В другой же витрине стояли белоснежные, медицинского вида ёмкости – закруглённой формы лотки, смутно похожие на ванночки, кюветки или весы для младенцев, как в поликлинике. Один лоток всегда был заполнен кровавым месивом – томатной пастой. Это меня не интересовало. В другом лежа-

ли огромные солёные огурцы цвета солдатской шинели, мятые и скользкие – я уже знала, что те, которые вкусные, выглядят не так.

А остальные лотки были заполнены разных сортов капусты.

В одном она была грубо нарубленной, сероватого цвета: «Капуста квашеная».

- Это только если на щи, – объясняла бабушка, когда случилось прийти в магазин с нею.

В другом капуста была желтовато-белая, нашинкованная длинной соломкой; в ней попадались оранжевые спичинки резаной моркови и бордовые клюквины. Это была «Капуста салатная» – если домой что-то и покупали, то именно её.

И, наконец, в третьем лежала совсем райская пища – «Капуста провансаль». Она была заметно дороже. Кусочки капусты, нарезанной крупными квадратами, перемежались не только с клюквой, но и с ломтиками яблок, и с настоящими зелёными виноградинами. И если чайная ложка «салатной» время от времени всё же появлялась на краешке моей тарелки рядом с диетическим пюре, то «провансаль» я пробовала лишь однажды – в гостях.

Я стояла у стенки, привалившись к мраморному столику для упаковки сумок. Я была рослая, так что столик доходил мне до шеи, но он меня несколько не занимал (подумаешь, мрамор! В нашей коммуналке все подоконники из мрамора, даже на кухне). Я издали, как всегда, печально кружила взглядом по недоступной капусте. Была зима: тяжёлое пальто на ватине, мутоновая шапка, завязанный сзади шарф.

Папа быстро прошёл мимо меня в другой отдел. Он торопился: ребёнок может вспотеть. Я проводила его глазами – и вдруг увидела, что теперь на столике что-то стоит. Должно быть, папа, пробегая, оставил свою покупку рядом со мной. И это была миска, до краёв полная капусты. Сомнений нет – наша, знакомая, эмалированная миска, белая, с чёрным ободком и небольшим сколом. Полная до краёв. Папа! Он купил это для меня. Он угадал моё тайное желание! Я ощутила незнакомое, сладостное чувство: это была взрослая, женская благодарность. Можно сказать, что в тот миг и произошла моя гендерная идентификация.

Капуста была серой и вонючей – конечно, ведь папа не бабушка, он, глупенький, этого не знает, он не обязан понимать про щи. Тёплая волна восторга и умиления охватила меня.

Терпеть не было сил. Мысленно исполнив пылкий ритуальный танец, я запустила в миску обе руки и стала быстро жрать капусту.

Всё произошло мгновенно. Вихрем налетев на меня, папа молча сгрёб меня в охапку и одним прыжком выскочил из магазина. На улице он ещё некоторое время тащил меня подмышкой, почти бегом, пока не свернул под арку нашего проходного двора. Там он меня поставил. Не помню, ревели ли я.

Миска оказалась не наша. Откуда мне было знать, что именно такие миски, с чёрным ободком и щербинами отбитой эмали, есть в каждой советской семье.

Что же касается гломерулонефрита, то потом, в седьмом классе, меня положили в Военно-Медицинскую Академию, два месяца обследовали и точно выяснили, что его у меня нет и не было. Но я всё равно, по привычке, никогда не сижу в мокром купальнике – вылезаю из воды и тут же переодеваюсь, как дура.

Людочка

К завтрашнему Людочка готовилась уже два дня. Перебрала все шкафы, но так и не нашла ничего подходящего. Поэтому оббегала все магазины одежды, о которых знала, и потратила заначку на деловой костюм и строгие туфли. Поход в парикмахерскую и покупка новой косметики опять откладывались до следующей зарплаты.

Людочка улеглась спать в половине десятого, и ещё долго ворочалась с боку на бок, во всех подробностях представляя завтрашнее утро. Вот она уверенным шагом входит в здание, по длинному коридору идёт к кабинету, стучится в дверь... нет, уже не надо стучаться... и говорит: "Здравствуйте. Я – Людмила Николаевна..."

Девушка на разные лады произносила своё имя-отчество. Сначала осторожно, будто пробуя неизвестный экзотический фрукт. Затем её голос обрёл уверенность от значимости сочетания: "Людмила Николаевна!" И, наконец, распробовав, произнесла по слогам: "Люд-ми-ла Ни-ко-ла-ев-на".

Но утром Людочку неожиданно сковало оцепенение. Время, которое девушка пыталась максимально растянуть, улетучивалось. Выйдя из квартиры, она вдруг не воспользовалась лифтом, а пошла пешком с шестнадцатого этажа.

Хлипкая деревянная дверь подъезда внезапно стала невероятно тяжелой. Девушка навалилась на неё всем телом, и дверь, с раздражённым визгом несмазанных петель, поддалась.

Людочка зажмурилась от пронзительного солнечного света, ударившего в лицо, и оглохла от обрушившегося птичьего щебета. Август был аномально жаркий, и первый же осенний денёчек оказался полностью солидарен с летом.

Чем ближе Людочка подходила к родной школе, тем сильнее от волнения перехватывало дыхание. Привычная размашистая походка замедлялась с каждым шагом и, наконец, замерла. Туфли будто пустили корни и срослись с асфальтом. "Красный..." – промелькнула мысль. Людочка не замечала ничего вокруг, но перед светофором сработал автопилот, и на трассу девушка не шагнула. Зажёгся зелёный свет, но она не сдвинулась с места.

От резкого хлопка по плечу Людочка аж подскочила и обернулась. Дорогущий костюм, яркий макияж, голливудская улыбка - Катя...

– Ну, наконец-то! А то я кричу-кричу, зову-зову! Ноль на массу!

Людочка рассеянно кивала, отходя от оцепенения. Но Катя - Катерина Олеговна уже схватила её за руку и тащила через дорогу.

– Они тебя заждались!

– Но ты же сама сказала: «Приходи на час позже, мне надо их подготовить», – Людочка попыталась вырваться.

– Я поговорила с ними ещё вчера, – сияла улыбкой Катя. – Сегодня тебя на перекрёстке отлавливаю. Решила, что поддержка понадобится.

– Скорее, шокотерапия, – Людочка выдавила улыбку в ответ.

Звонящую тишину школьного коридора нарушил резкий хлопок двери и эхо от стука четырех женских каблучков. На двери с облупившейся краской щеголяла новенькая табличка "5-А". Людочкина рука потянулась и замерла на холодной дверной ручке. И тут же воровато спряталась в карман пиджака. Катя улыбнулась, подбадривая, и, мягко отстранив подругу, вошла в кабинет. Людочка, зажмурившись от страха, шагнула через порог, как в бездну.

– Дети, это ваша новая классная руководительница Людмила Николаевна, – представила Катя подругу и одноклассницу. – Я вам о ней рассказывала.

На Людочку уставились тридцать пар изучающих глаз. Затем полненькая девочка с огромными бантами на голове робко подняла руку.

– Да, Ксюшенька, – лучезарно улыбнулась Катерина Олеговна.

– Катерина Олеговна, мы вам не понравились? – пискнула Ксюшенька и тут же разрыдалась, трогательно растирая слезы кулачками.

Спустя неделю у Людочки рыдал уже весь класс.

– Уходите! Вы плохая! Мы хотим Катерину Олеговну! – верещала красная от слёз Ксюша.

– Мы пожалуемся на вас директору! – угрожал безупречно одетый Дима, делая на слове «вас» особое ударение. – Он вас уволит.

– Давайте ей стул клеем намажем! – предлагал веснушчатый Ромка.

– Или доску мылом можете намазать... – почти беззвучно проговорила Людочка.

Она сидела на жёстком неудобном стуле, помнившем еще её "классную" – Нину Николаевну. Как объяснить детям, что их горячо любимая Катерина Олеговна выходит замуж и улетает за границу? И надо ли рассказывать, как Катя умоляла Людочку срочно «усыновить» её "5-А", иначе класс «захапает» Вяленая?

- Что я буду тебе рассказывать?! – упрасивала подруга. – Вместе получали линейкой по пальцам!

И как её – неопытного специалиста – не хотел брать классным руководителем директор. Причём в когда-то родной "А"-класс...

Через три недели Людочка любовалась фотографиями Катиной свадьбы и писала подруге о том, какой у Кати замечательный класс. А потом закутывалась в плед и долго-долго плакала...

Шесть пузырьков газа оторвались от дна бокала и всплыли на поверхность вина... Шесть лет...

– Людмила Николаевна, вы плохая! – заныла Ксюшенька, ставшая на полторы головы выше своей «классной».

– Бросаете нас, – фальшиво всплакнул Ромка, которому костюм сковывал движения, поэтому пиджак уже валялся на траве, а галстук свисал из кармана брюк.

– Вы хоть в "скайп" заходите, – добавил Дима.

– Каждый вечер! Обещаю!

Людочка слегка осоловела. То ли от шампанского, то ли от событий, буквально свалившихся на голову месяца назад и нарастающих с каждым днём, как снежный ком. Ей, вместо стажировки за границей, предложили там постоянную работу. Так что загранпаспорт, неполных семь лет пылившийся в ящике, неожиданно пригодился. Сегодня Люда улетает вечерним рейсом.

Когда после торжества «Последнего звонка» школьники разошлись, учителя устроили свой последний звонок. Людочка, сославшись на поездку, через полчаса покинула учительскую... - чтобы быть подкарауленной частично переодетыми (и когда успели?) ребятами, и уведенной на озеро - на пикник.

Когда Рома стал наливать шампанское в стаканчики, Людочка запротестовала: неприлично пить с учениками. Но Рома, подмигнув ей, достал из сумки коробочку. Аккуратно

открыв её, вынул красивый хрустальный бокал. Вручил его Людочке и наполнил шампанским.

После тоста Людочка пригубила вино – ребята уже не её ученики официально. Девушка давно считала их своими друзьями. Как так получилось, ни учительница, ни дети не успели понять: трое ярых противников «классухи» после трехлетних «баттлов» стали с Людочкой неразлейвода.

Сегодня они говорили "до свидания": Димка – потомственный адвокат. Задиристый Ромка, которому лень было переодеваться, и который надорвал дорожную рубашку, неся два рюкзака – Ксюшин и свой. Ксюшенька, перевоплотившаяся из плаксивой девчонки в кандидата в мастера спорта и чемпионку по баскетболу. И молодая учительница английского, получившая работу переводчиком...

– А на десерт – новость!

Людочка таинственно улыбнулась. Ребята тут же придвинулись к ней.

– Катерина Олеговна, ваша бывшая учительница и моя бывшая одноклассница – вернулась и снова берёт "пятый А".

– Как в прошлый раз? – ухмыльнулась Ксюша.

Димка, поправив очки, продекламировал:

– История цикл...

– Не умничай!

Ромка оборвал его на полуслове, лихо хлопнул по плечу так, что Димка подался вперёд, и с хохотом и воплями «Квач!» сорвался с места.

– Ах, ты!..

Дима, сняв очки и отдав их в надежные руки Людмилы Николаевны, погнался за Ромкой.

Над озером раздавался заразительный смех, почти заглашающий крик перепуганных уток.

Посылки

Родители обсуждали отъезд. Детей в расчёт не брали, говорили при них открыто, но в беседу не включали, потому что и в голову не приходило: дети - это дети, куда родители, туда и они. Мои тоже активно участвовали, что-то доказывали, объясняли, но никуда не ехали, - мать владела убийственной формулировкой «лучше первыми здесь, чем последними там», хотя никакими первыми мы здесь не были. В Славуте почему-то обсуждали горячее и уезжали чаще, в Иванове же дальше разговоров дела не только у нас, а практически у всех не продвигались.

Я слушала, и мне всё это казалось другой планетой. Америка, Нью-Йорк, Израиль, невесть откуда взявшаяся, сладкая и долгая, как леденец, Австра-а-алия-ааа, всегда идущая под руку с Новой Зеландией. От них вообще дух захватывало. И вдруг оказывалось, что какие-то знакомые, твёрдо глядящие с домашних доотъездных фотографий, там живут, и у них проблема со школами для детей!

Эти нереальные, потусторонние персонажи присылали посылки, в которых потрясало всё, и особенно «юпочки» - не твёрдые юбки или «убочки», а любовно-нежные «юпочки», - короткие мини, несуразные миди и в пол - макси. Миди были джинсовыми, от них умирали и млели. Ирочке купили, но надевать разрешали в кино, в гости и на базар. Юбка была велика, ноги торчали из-под неё спицами, да ещё Ирочке приходилось всё время держать руки в карманах, подтягивать, чтобы не свалилась. Ни у кого такой юбки не было, с металлическими кнопками по бокам, с металлической пуговицей без дырок и английской буквой R сверху, с карманами впереди и сзади, и кожаной наклейкой «Raider». Завидовала я ей безмерно, мечтала юпочку хоть раз поносить, хоть дома, но за Ирочкой и её гардеробом строго следили.

Бабушкины подруги на базаре говорили: «Это что же они там носят, если сюда нам - такое! - присылают?!» Представить себе это было невозможно!

Разноцветные дни посылок радовали всех. Кроме Перл. Перл не одобряла. Из кухни слышалось:

- Мало тебя тягали? Мало-мало. Подписала бумагу, сиди - молчи. Швестра у ней, и что?! Так надо бегать по этот хлам?! И как много щастя ты с него имела? - и твёрдо пристукивала в такт мужскими ботинками.

Я из всего этого мало что понимала, и однажды всё же спросила отца: что они там каждый раз ругаются? Он ответил на удивление просто:

- У них в Америке младшая сестра. После войны она прислала посылку, и их из-за этого их чуть не посадили. Ну, такие были времена. Ладно, иди, играйся.

Играйся? После этого?! Значит, у бабушки была сестра за границей, в самой Америке? И она знала адрес в Славу-те, и что-то прислала? Прямо вот так пошла на свою американскую почту, купила посылочный ящик, приколотила крышку мелкими гвоздочками, написала адрес... А на каком языке она написала адрес? На русском? Может, на украинском? Так если она живёт в Америке, то, наверное, говорит по-английски. А как же тогда с русским? А что было в посылке? Интересно, а сумочка там была, такая, с кошелёчком? А джинсовая юбка?

Мысли захватили и потащили...

- Не морочь мне голову, сестра-шместра... Иди, играйся. Бабушка отмахнулась, но Перл была начеку.

- А, что (все буквы произносятся) я тебе говорила?! Нет, тебе нужны эти трапки! А люди болтают. А тебе это надо? Или, может, ей это надо?

Перл направила стук ботинок в мою сторону.

- И что ты стала и стоишь, как засватанная?! Иди, играйся!

Подробности я неожиданно услышала, навещая бабушкину подругу Фруму. В отличие от всех других бабушкиных подруг, Фрума не была соседкой. К ней нельзя было забежать за яйцами или мукой, она не заходила вечером «до вас чаю попить чи шо». К ней шли в гости. Сначала пекли коржики. Замешивали и раскатывали тесто, перевёрнутым стаканом делали ровные кружки, посыпали сахаром с корицей и ставили в печку. Я крутилась у плиты, ждала подгоревших или неровных - их стыдно было нести с собой, и они ещё горячими доставались мне.

Фрума жила не в доме, а в городской квартире с ванной, и непривычность её жилья делала визит ещё более официальным. Одевались с особой тщательностью, перебирая гардероб, чтобы не хуже, чем у людей, «через весь город идем, а у Дома офицеров всегда кто-то стоит...». Бабушка

наставляла: ничего не есть в гостях, ничего не просить, вести себя «как люди», и играть с Фруминой внучкой Таней.

Таня - щедущее существо с паучьими ручками и тоненькими короткими волосами, была на несколько лет младше. О чём с ней играть - я не представляла. Она сильно старалась понравиться и сунула мне в руки покачать желтого медведя, завернутого в большое полотенце. Медведь смотрел коричневыми стеклянными глазами с чёрными точками зрачков посередине.

- Давай сделаем ему домик, - предложила я.

Таня засуетилась.

- Домик было бы хорошо, но тут не из чего.

Она и я критично осмотрели комнату. Из строительного материала предлагался только сам медведь и его полотенце.

- Из шторы.

Я подняла белый тюль и потянула вперёд. Таня открыла створку недалеко стоявшего шкафа, ею мы прихлопнули край занавески, - и вот так вот получился хорошенький треугольный домик, с настоящей стеной из шкафного бока и кружевной дверью. Таня, я и медведь влезли внутрь.

- Я буду мама, я старше. Ты - старшая сестра, а он - младший брат, только народился, будем его купать. Разворачивай одеяло.

Шерсть у медведя слегка кололась, а на животе была мягкой и цыплячьей жёлтой; уши и лапы темнее, как шоколадные батончики. Живые глазки смотрели прямо на меня и улыбались. Я влюбилась.

- Хочешь? Бери. Мы всё равно уезжаем, а взять его родители не дадут - ограничения багажа.

Таня вытащила из кармана платья маленький карандаш, взяла его между указательным и средним пальцами, поднесла ко рту, зажала губами в трубочку и выдохнула невидимый дым.

- Мать курит, - объяснила она, царапнув взрослым словом "мать". - Нервничает из-за отъезда. А вы - когда?

- Ты сейчас о чём?

Я всё ещё была под впечатлением неожиданно свалившейся на меня щедрости, Таниной взрослости, сигареты-карандаша и медвежьих шоколадных ушей.

- Мы - в сентябре. Получили разрешение. Я на лето здесь; ну, родителям надо собраться, то да сё. Сейчас моя

твою про родственников расспрашивает. Может, пригодится, помогут чем.

- Про каких родственников?

- Про твоих. У вас их там полно.

Таня кивнула в правый бок, где, наверное, было "там". Потом, оценив мой ошалевший взгляд, добавила:

- Ну, в США и в Израиле, конечно.

- У нас? Где?! А крокодилы, случайно, у тебя не летают, так низенько-низенько...

Недавно услышанный анекдот был как никогда кстати.

- Ты чё, не знаешь? Да мне просто баба Фрума кое-что рассказала, и я сама много слышала, когда в прошлый раз они на кухне говорили. Ну, ты ещё тогда не пришла, вы с Инной в кино ходили. Ты, правда, ничего-ничего? Ну, про отца тёти Шейндл, твоего прадеда, что жена у него умерла, оставила его одного с четырьмя сыновьями. Он женился на вдове, у которой была одна дочка...

Начало напоминало «Золушку», и я уже ждала чего-то вроде «и была она такая красавица...». Но услышала другое:

- У них потом ещё родилось тринадцать детей. Твоя бабушка была восемнадцатой.

Всё остальное я в этот же день без - к моему удивлению! - большого труда вытаскала из Шейндл. Старшие четыре сына стали активистами БУНДа; ещё до рождения бабушки двое уехали в Америку, один в Палестину, один в Канаду. Оттуда регулярно присылали деньги и проводников, вытаскивая семью. К моменту, когда бабушке было лет десять-одиннадцать, в Славуте из четырнадцати братьев и сестёр остались три самых младших девочки и Шоша. Шоша застряла, потому что каждый раз, когда подворачивалась okazия уехать, она или была беременной или кормила новорожденного; до остальных очередь подошла, когда подросли.

Приехал очередной посыльный; начали собираться, искать покупателей на мебель и дом; провожатый давал деньги и торопил, Шоша страдала из-за каждой тряпки, а когда почти всё уже, кажется, было готово, вышел какой-то закон, по которому нельзя было больше свободно выезжать. Хорошо хоть дом не успели продать. Какой закон, почему - всего этого бабушка не помнила, только подробности о том, что брали, что продавали, и как потом пытались всё вернуть назад.

Посыльный сказал, что раз такое дело и уехать легально поездом через границу не получится, то можно нанять лодку, заплатить кому надо и переправиться по одному или по двое. У него в этом был опыт. Шоша даже не дослушала:

- Куда? Какая лодка? С детьми?!

Она ещё не сошла с ума!

Перл тоже отказалась: что там, в этой Америке, чтобы так рисковать? Да и Шоше кто-то же должен был помогать с малыми, но Шейндл и Яха пусть едут.

Им собрали один на двоих чемодан. После проводов к реке пошли втроём - девочки и провожатый. У берега Шейндл остановилась. Начала плакать, схватилась за младшую сестру; слёзы не останавливались. Провожатый что-то говорил, за икотой и рыданиями она ничего не слышала. Только увидела его длинный палец и глаза у своего носа.

- Прекрати эту комедию, ах ты, упрямая коза! Не хочешь, я волоком не поволоку. Ну, что молчишь? Яха, оставьте ей чемодан. Там рай, всё есть, братья-сёстры всё тебе купят, а она остается в аду.

Сели в лодку, поплыли. Шейндл смотрела с берега. Ей махали, что-то кричали громким шепотом, она не двигалась, не вытирала лицо, только икала. Когда лодка стала меньше, повернулась, подняла чемодан и пошла назад, домой.

Яха часто писала, при любой возможности пересылала деньги в Торгсин. Отвечали ей только с редкими случаями в Польшу - боялись. Когда началась война и эвакуация, все всех потеряли. Яха шесть лет искала семью через Красный Крест и в 1947 году нашла. От неё пришли две большие посылки. Чтобы их получить, нужно было заплатить пошлину - огромные деньги, почти всё, что Перл и Шейндл скопили за два послевоенных года. Перл твёрдо отказалась: деньги собирали на зимние пальто детям, старые, ещё довоенные, совсем не лезли. Шейндл умолила взять хотя бы одну из двух.

Пошлину заплатили на почте, а получать надо было в милиции. Офицер открыл посылку, заглянул внутрь, начал медленно вытаскивать вещи. Все трое смотрели на растущую кучу сначала с недоумением, потом с растущим злым разочарованием. Синие жёсткие невиданные штаны с оранжевыми стежками прямо сверху. Кому и куда такой страх носить?! Шёлковые платья, но без рукавов, - не надешь... Какие-то майки чи шо, с рисунками и надписями по-английски. Узкие туфли на тонком каблуке...

Перл и бабушка донашивали солдатские кирзовые сапоги, выменянные на толкучке ещё в войну.

- Лучше бы она прислала хороший отрез шевиота. А уж если бы ратин...

Вторую посылку, понятное дело, забирать не стали. Офицер строго посмотрел:

- И на что вам эти родственники в Америке? Времена меняются, мы больше не союзники. Вот, подпишите бумагу и откажитесь. А мы им сообщим, что адресат выбыл, и всё чисто.

Не сговариваясь, подписывать не стали.

- Не хотите? Ну, подумайте. Я имею право любого на семьдесят два часа задержать. Так что, гражданки Мазяр, вы задержаны.

- Да ты шо? У нас же дети!

Но конвой уже подошёл.

На следующий день они всё подписали, и письма с посылками прекратились.

Через тридцать один год бабушка получила письмо без обратного адреса, присланное из каких-то неведомых Чебоксар. В конверте был меньший конвертик, в нём письмо на русском от Яхи. Она писала, что кто-то из её синагоги ехал с миссией в Россию освобождать российских евреев, и взял письмо, пообещав поискать Шейндл и Перл напрямую, через местную справочную; что она нашла русскую женщину, и та перевела её письмо с английского; что она надеется и молится, что её сестры живы, что мечтала бы их увидеть, хоть и жизнь прошла, и в памяти только лодка, чемодан, слёзы Шейндл при отъезде, - будто она, а не Яха, была младшей; и как они пели песни у Шоши на крыльце. Ещё было что-то о муже, да упокоится его душа, о сыне, бизнесмене и прекрасном отце, о внуках, и две фотографии. На одной три мальчика в яркой одежде сидели вокруг большого грузного мужчины с маленькой круглой шапочкой на голове. Все четверо чему-то радостно улыбались. На другой, спиной к морю стояла стареющая кинозвезда в широкополой кружевной шляпе и неземном платье. Подпись внизу была на идиш: «Шейндл, узнаёшь ли ты в этой старой еврейке свою маленькую сестричку Яху? Я всегда тебя помню и люблю».

Мы ехали в маршрутке

Над водительским местом круглый небольшой портрет Сталина. Не люблю эту маршрутку, портрет довлеет, но выбирать не приходится. Сталинист-дагестанец возит резко и раздражённо, возможно, выражая этим своё отношение к ростовчанам. Впрочем, не он один так водит маршрутку; мы уже привыкли.

Перед мостом водитель пытается уговорить очень худого, жилистого, с татуировками на обеих руках пассажира:

- Ну куда ты, земляк, садись в транспорт в таком виде?

- Братан... Мне недалеко... Я щас... Щас поднимусь, тут только...

- Да ты дверь отпусти! И поднимайся, не стой там!

- Да щас, б.... Ступенька у тебя... высокая...

- Мужчина, аккуратнее!

- Да пошла ты!.. Аккуратнее...

- Мужчина, что вы материтесь? Тут дети, между прочим! Водитель, зачем вы пьяных пассажиров берёте?

Водитель не отвечает.

- Щас пешком пойдёшь, поняла, женщина?

- На поликлинике выходят?

- Да, выходят! Вот - она выходит! Ты - сейчас выходишь, поняла? Куда отвернулась? Брат, останови маршрутку - она выходит сейчас.

- Никто не выходит!

- Нет, ТЫ выходишь! А куда ты денешься? Думаешь, за тебя вступится здесь кто-то? Вы ж, славяне, никогда за неё не вступитесь... Ну, кто? Я спрашиваю: кто готов её защитить?! Никто, видишь. Ваши мужики никогда за тебя не вступятся.

В напряжённой тишине несколько мужчин тоскливо смотрят в окна. Связываться с нетрезвым дагестанцем, да ещё и недавно отсидевшим, похоже, никто не хочет. Лица людей напряжены, каждый уговаривает инстинктивно проснувшуюся уязвлённую честь терминами прагматичной логики нашего времени: поддаться на манипуляцию и устроить драку в маршрутке - что может быть глупее?

Один из пассажиров, впрочем, не удержался.

- Эй, ты! - очень молодой голос с заднего сидения. - Ты там охренел, что ли? Ты что несёшь? Сейчас выйдешь отсюда, понял?

- Это ты – мне говоришь?

- Тебе говорю! Стой там тихо!

Худой дагестанец в татуировках решительно направляется в конец салона, но со своих мест немедленно встают и преграждают ему путь несколько очень полных и крепких женщин.

- Так, а ну стой, куда пошёл?! Ты что, не видишь - там парень молодой совсем, пацан! А ты пожилой уже - не стыдно так себя вести?

- Им же пить нельзя! А он выпил - у него уже и крышу снесло!

- Выпил - так сиди тихонько!

- Тебе сколько лет, что ты себя так ведёшь?!

Горец попытался обойти с другой стороны. Другие женщины - тоже полные - так же решительно встали у него на пути. Одна из них обернулась назад.

- Ты, парень... Ты тут - единственный мужик в маршрутке... Один ты из всех – красавчик... Остальные вон сидят - будто и не слышат ничего...

Усмехнувшись, дагестанец оборачивается на вопрос водителя, присаживается на коробку с ним рядом. Женщины тоже садятся, нервно посмеиваются.

- Да... Это не шутки - мы ехали в маршрутке...

Одна из защищавших парня с заднего сиденья женщин вдруг с неподражаемым сарказмом, с издёвкой в голосе, пародируя кого-то, произносит:

- А давайте песни петь! Наши, донские! Это так сближаа-ет!

Маршрутка молчит. Думают все примерно об одном: сейчас парень выйдет, и этот выйдет за ним следом.

Но парень спокойно пишет в телефоне. Сейчас на остановку подойдут его друзья - Андрей, Максуд и Закир.

Крестоносец

Никакого дорожного знака с нарисованной коровой вдоль трассы не было. Переходить дорогу она вздумала в совершенно неподобающем месте. С чего бы - непонятно. Видимо, от жары утратила бдительность. Машин почти не было, знойный полдень висел золотым маревом. Мозгов ей Аллах

не дал, и побрела она, сердешная, через все четыре полосы скоростной трассы прямо за поворотом, невидимая за деревьями летящему по хорошей дороге Чугункову.

Его особенно радовали виражи - машина послушна, дорога широка, асфальт новый, в салоне не жарко - жизнь прекрасна! И вдруг его потрянуло, заслонило белый свет, отшвырнуло и развернуло поперёк дороги. На полминуты он замер, боясь шелохнуться, чтобы не рассыпался его такой хрупкий и уязвимый, как выяснилось, мир. Потом осторожно повернул голову, подвигал руками, ногами, осмотрелся. Ещё через минуту съехал на обочину и осторожно, дрожа коленками, ступил на пыльную траву.

И тут увидел корову.

Она лежала рядом, на обочине, в двух метрах от него. Крови не было. Но она уже не дышала. Чугунков даже не сразу понял, что это он её... Присев на корточки, внимательно глядел в её умиротворённо раскрытые глаза. Рядом затарахтел мотоцикл.

- Японский городской... Когда ж она успела? Я только за хлебом в аул съездил... Как же ты, парень, не видел её, что ли?

- Слышь, а... дорого стоит?

- Что?

- Корова.

- Да уж... Немало. Есть, правда, выход.

- Какой?

- Пока она свежая - снять шкуру, разделать - и в город, на базар. Хоть часть долга погасишь. Остальное потом заплатишь.

- Давай. Только я не умею... А нож у меня есть. Хороший. Вот! - он вытащил из-под сиденья широкий охотничий резак, незаменимый иногда в дороге.

- А тебе и нельзя.

- В смысле?

- Ну, у нас же как? Корову должен резать правоверный мусульманин, понимаешь? Он сперва над ней суру прочтёт, помолится - и тогда уж только... А иначе - грех большой.

- Ну, а ты - мусульманин?

- Я-то да... Но мне сегодня нельзя. Вчера племянника женили, вино пили...

- Да кто ж на базаре про это узнает? - и споткнулся об укоризненный взгляд.

- Аллах всё видит.

- Блин... Что же делать?

- Да вон, мечеть в ауле. Зайди, попроси кого-нибудь. А я посторожу корову.

И правда, под горкой метрах в ста белела мазанка с полумесяцем над крышей. Чугунков, всё ещё потрясённый случившимся, помчался туда. Он совершенно не осознавал, что до сих пор держит в руке большой охотничий нож. Служка у входа отпрянул, увидев его. Он беспрепятственно вбежал внутрь и сразу спросил у молящихся:

- Мусульмане среди вас есть? – видимо, головой он всё-таки хорошо приложился.

Около двадцати пар глаз глядели на его нож. Он выбрал мужика покрепче и, тыча в него ножом, спросил:

- Вот ты... Ты мусульманин?

- Да... - пробормотал оцепеневший горец.

- Пошли со мной, - и повернулся к выходу.

Через минуту из мечети донеслось громкое пение - крестьяне молили Аллаха о защите от внезапно настигшей беды.

...Ахмад сидел на траве и хохотал. Чугунков его торопил:

- Пошли, а то жарко становится. Мухи слетятся.

- Пошли, дорогой, пошли, - ещё не веря своему спасению, он был готов на что угодно. Через двадцать минут шкуру с коровы сняли, а чтобы рассечь грудину, требовалось тушу перевернуть и придерживать.

- Один не справлюсь. Ещё одного надо, - сказал Ахмад.

- Понял. Сейчас.

Чугунков опять побежал к мечети. Когда он вырос на пороге, уже без ножа, но весь забрызганный кровью, все встали и попятились к стене. Мулла отступал последним. Он широко раскинул руки, пытаясь прикрыть ими всю свою паству.

- Ещё мусульмане есть? - прогремел над ними роковой голос Чугункова. В ответ - тишина.

- Вот ты, ты же, наверно, мусульманин? - резонно спросил у муллы Чугунков. В ответ мулла что-то пробормотал одними губами, а затем вдруг осенил себя широким крестным знаменем и произнёс:

- Вот те крест - не мусульманин...

...Эту байку мне рассказали в Кабардино-Балкарии, с доброй улыбкой, лет пятнадцать назад. Что в ней правда, а что нет - судите сами.

Кони-качалки Евы Нортон

(фрагмент романа)

Вот я сижу в «хижине», рядом со своим рыжим чемоданом, и как будто опять жду поезда. То, что я ещё жива, наводит на мысль, что для меня остается какая-то невыполненная задача. А может, и была с самого начала? Если так, то она должна скоро обозначиться: времени у меня совсем мало.

Я знаю, это выглядит красиво, если смотреть из окон дома: моя «хижина» светится в темноте сада, как каретный фонарь. Когда осеннюю крону дерева будоражит порыв ветра, по крыше начинает ритмично стучать стаккато каштанов, словно дерево напоминает о себе, пытается выступить какое-то слово, или напомнить какой-то мотив. В общем, я не одна. Меня не боятся ни дикие голуби, ни белки. А вот лиса давно не появлялась. Ведь лисы никогда не приходят просто так.

Granny's reading shack – «Бабушкина хижина», так маленький Филипп прозвал этот летний домик в самом конце сада, и прозвище прилипло. Я любила уходить сюда читать, а в совсем доисторическую эпоху - дрянной, заброшенной девчонкой - тосковать по маме, Гроссмутти, Оскару, плакать и писать дневник на языке, который только и остался мне от дома (чтобы не забыть ни того, ни другого).

Окно «хижины» велико, можно сказать, стеклянная стена, и я, когда рассветает, поднимаю жалюзи и смотрю на дом, в котором прошла жизнь. До него примерно пятьдесят шагов. Спасительных, как оказалось. Он сейчас спит, родной, полный памяти, с закрытыми глазами занавешенных окон: я просыпаюсь рано, ещё темно. Но фонари яркие. Мне видно, что глициния облетела. Над окном гостиной - голый ствол, как старая, толстая, мудрая змея. Она - моя подруга, свидетельница, соучастница, ей больше трёхсот, как и дому, в который она выросла. Он и назван в её честь Wisteria House. Дом Глицинии. У нас общая память. Глициния тоже выжила в то воскресенье, хотя и была сильно изранена бомбами.

Не подумайте, из дома в «хижину» меня никто не выгонял. Патриша боялась, что я заражусь вирусом, поэтому отселила меня сюда год назад. Она была прямо вне себя от

беспокойства. Я хотела сказала ей тогда, что напрасно она беспокоится, что не надо бояться, но в голове почему-то крутилось по-чешски: «neboj se, neboj se». Так я и не сказала, что меня, наконец, отпустил главный человеческий страх, так сильно и так долго мучивший всю жизнь, с того самого дня, в магазине деда...

А смерть я представляю так. Как огромные галапагосские черепахи, тащим мы на себе свою многотонную костяную память, она вдавливают нас в песок. А потому мы ползём к солённому океану, в который можно войти и поплыть, и там тяжкий груз становится невесомым, и ты свободен.

Моя память мне оставлена целиком, и я не знаю, милость это или наоборот, а вот то, что мне оставили способность ходить, хотя и медленно (а где вы видели стремительную галапагосскую черепаху?), более-менее видеть, слышать, разводить себе растворимый кофе и пока ещё управлять нижним отделом тела - милость вне всяких сомнений.

Всё получилось удачно, потому что ещё до всякого вируса Патриша наняла целый отряд поляков в камуфляже, которые (с помощью понятных слов, например, "gówno") превратили летний домик в тёплый флигель со всеми удобствами. Получилась одна большая комната-студия с книжными полками, письменным столом, креслом и кроватью, крошечная кухня у стены - приготовить растворимый кофе (без кофеина; другого Патриша мне не покупает), но уж его я пью с тёмным шоколадом - настоящим!), и в пристройке - маленькая ванная. Так что больше нет никакой необходимости ходить в дом и слушать перебранку Филиппа и Эвелин. И видеть, как много они пьют вина из головастых высоких бокалов на опасно тонких ножках, и как, стараясь заглушить свой страх, кричат друг на друга: о таянии ледников, о власти корпораций, о вакцинах, о колониализме, ещё каких-то «измах», - словом, о чём угодно, но молчат о том, чего действительно боятся.

Я никогда не забываю дней рождения. Филиппу 1-го июня исполняется 37, Эвелин 5-го декабря - 31, а Патрише 20-го августа - 60. Моя единственная, я родила её поздно, уже не чая. Мне, увы, нечем их успокоить, как в детстве. Что-то тёмное всё сильнее вторгается в нашу жизнь; не могу избавиться от этого чувства, но я не могу понять, что это, откуда это. Новостей я не смотрю и не слушаю давно, но мне не нужны для этого новости. Печально, что ни Филипп, ни Эвелин ко мне больше не приходят, не садятся рядом

для разговора. Мы не разговаривали уже целую вечность. Понимаю: для них я уже, видимо, пережила «превращение» и стала частью сада, а возможно, превратилась в каштан, или в лису. Они очень боятся. Даже называют смерть inevitability – «неизбежность». Слово «смерть» изгнано, запрещено. Они очень ранимы, я понимаю. Хорошо, что эпидемия кончилась.

Угораздило же меня народиться в день Гая Фокса и его неудавшегося «Порохового заговора», когда по всей Англии жгут костры, рвутся салюты и петарды, и небо окрашивается оранжевым. Как тогда, в ночь бомбардировки. Но там, где я родилась, понятия не имели ни о Гае Фоксе, ни о подобном празднике, ни об английском городе Норич. Патриша сказала, дети планируют завтра, в ночь Гая Фокса, какое-то торжество. Это хорошо, я по ним скучаю, если честно, по разговору, даже по их перебранкам. И по бокалу доброго совињона, который мне запрещён.

Ноябрь, кстати, выдался тёплый, хотя темнота теперь надолго вползает в короткие дни и устраивается по-хозяйски. Не беда: дорожка от дома к моей «хижине» отлично освещена садовыми фонарями и ведёт по ровному покрытию, которое пружинит под ногами - не споткнёшься (об этом позаботилась Патриша).

С Патришей мы хотя бы перекидываемся парой слов, когда она, - до того, как к ней приходят ученики, - приносит мне одну разрешённую чашку настоящего кофе в день. Она думает, я не знаю о её диагнозе. Это трудно, пусть наберётся духу сама произнести эти слова. Она также думает, я не знаю, что её телефон показывает внутренность моей хижины, на всякий случай. Меня так и подмывает высунуть язык глазку над окном, который за мной следит, как у Оруэлла, но сдерживаюсь и только иногда как бы случайно набрасываю на него занавеску. Тогда Патриша находит предлог ко мне заглянуть. Да, я злоупотребляю этим методом для общения. Кажется, она догадывается. Ведь, кроме Патриши, я не говорю ни с кем, и если бы не вела бесед с птицами, с каштаном и сама с собой, не читала бы вслух книги и мамины письма, то, наверное, забыла бы все человеческие языки. Однако, они, наоборот, возвращаются. И не только родной чешский, но и немецкий, когда-то с такой упрямой силой задавленный мной.

Письма все, конечно, на немецком. Поэтому столько лет я не могла, не находила в себе сил открыть этот чемодан,

спрятанный в дальнем углу под лестницей в Доме Глицинии. Не могла читать на этом языке, произносить его звуки. Этот детский чемодан, с каким уехала из Вены в тридцать девятом, я решилась достать и открыть только в ту ночь, когда опять осталась одна. Я похоронила Мартина как раз двадцатого августа шестьдесят восьмого года, когда по Праге, взрывая асфальт, лязгали русские танки, и этим лязгом были полны газеты. В ту ночь у меня, почти сорокалетней, впервые получилось отделить язык детства от языка зла.

Теперь я могу спокойно читать вслух, например, *Die Verwandlung*. «Превращение». Я хорошо помню зелёную обложку в руках мамы. Мы с мамой и Оскаром, в нашу последнюю осень вместе, жили тогда на чердаке, в Йозефове. Однажды спросила маму, о чём она читает, и она ответила: «*Darüber, wieein Mensch aufhört, ein Mensch für seine Familiezusein*» - «О том, как человек перестаёт для своей семьи быть человеком». Столько забылось, а это почему-то запомнилось.

Старость хороша ещё и тем, что непримиримость теряет смысл. Дед не успел постареть и простить маму. А самого большого его *Schaukelpferd*, пони-качалку в яблоках, с витрины, изуродовали и сожгли.

Совсем рассвело. Ева пила кофе. Каштаны били по крыше.

- *Yak vas zvati?* (Как вас зовут?)

Детский голос. Ева вздрогнула. В дверном проёме её «хижины» стояла девочка, примерно четырёх или пяти лет, в розовой шапке, и смотрела на Еву большими серыми глазами.

Ева ответила.

- Моё имя - Лана. Ты здесь прячешься от *rakety?* - сказала девочка, старательно выговаривая английские слова.

- Ракеты? На них летают в космос.

Ева сделал жест куда-то вверх, и взметнулся широкий рукав её синей, толстой, фланелевой «ночной» куртки.

- Нет. Не в космос. Они *vbyvayut'*. И-и-и-и-и, бум! И-и-и, бум!

Девочка так серьёзно и точно изобразила свист и взрыв, что Ева вздрогнула опять.

- Это в фильме, ты смотрела фильм? - спросила Ева по-английски.

Девочка замотала головой отрицательно.

- Не фильм.
- Как ты оказалась в моём саду? Где твои родители?
- Мама и Алекс там, в комнате, - девочка махнула в сторону Дома Глицинии. - Они rozbyrajut'... вот это!

В поисках неизвестного слова Лана указала на чемодан, стоявший на полу у ног Евы. Ева подняла его и положила на стол перед собой.

- Это называется suitcase.

Девочка послушно повторила, запоминая:

- Suitcase, suitcase...
- Кто такой Алекс?
- Мой брат. Мы живём там, - девочка вытянула маленький указательный палец по направлению Дома Глицинии, который виднелся в окне. - Потому что пока война.

- Война? Война давно закончилась! - сказала Ева с беспокоеством.

Девочка посмотрела на Еву недоверчиво.

- Ещё не закончилась. А что в нём лежит? - девочка подбородком указала на чемодан.

- Зайди ко мне, покажу. И закрой дверь, холодно. Ты молодец, знаешь английский, кто тебя учил?

Девочка зашла и затворила за собой дверь. От её одежды пахло гарью.

- Babusya учила, она была vchytel'ka anhliys'koyi language, at the big school (учительницей английского языка в большой школе).

Еве было всё понятно.

Оглядевшись, девочка полуспросила-полувоскликнула:

- У тебя есть voda?!

И прежде чем Ева успела ответить, метнулась к крану за спиной у Евы, отвернула его и пила долго и жадно, судя по всплескам. Ева нацепила на нос очки, став похожей на Овцу из «Алисы», громко щёлкнула тронутыми ржавчиной замками и откинула крышку.

Лана подошла к её столу. Только в очках Ева заметила её растрескавшиеся губы и мучнистую сухость кожи. На подбородке оставляла влажную дорожку крупная капля. Ева достала игрушку и установила её на столе, рядом со своей недопитой чашкой кофе.

- Что это?
- Rocking horse (конь-качалка).

Девочка опять повторила дважды:

- Rocking horse. Rocking horse. Какой хороший. Как его зовут?

Ева хотела ответить, что никак, но потом её осенило:

- Оскар. Его зовут Оскар. Да.

Ева легонько подтолкнула качалку артритными, узловатыми пальцами, и коник стал качаться на столе радостно, ритмично и споро. Девочка засмеялась и захлопала в ладоши.

Дед подарил его Оскару в тот день, когда бабушка привезла их в Вену, и они спустились в его совершенно сказочный магазин «Кони-качалки Голдштейна».

- Здесь хорошо. Оскар. И вода. Я ещё приду. Сейчас надо к маме. Иногда они и днём прилетают.

- Кто?

- Rakety.

И девочка быстро, чуть пригнувшись, побежала к дому - розовая шапочка с помпоном на зелёной дерновой дорожке виднелась несколько мгновений - и вскоре исчезла за кустом пампасной травы.

Из дома до «хижины» донеслась музыка. Это к Патрише пришли ученики. Малер. Пятая симфония - безошибочно узнала Ева, тут же подумав, что когда Патриша принесёт ей настоящего кофе, надо бы обязательно спросить её о новых гостях. Ева, - это давно стало для неё уже необходимым ритуалом, - достала из рыжего чемодана с металлическими уголками фотографии, программку «Волшебной Флейты» из Венской оперы, рисунки Оскара и немецкие письма мамы, читанные тысячу раз, и стала, следя глазами по строчкам, шептать их наизусть, как стихи. Стук каштанов по крыше точно попадал в такт, как метроном, и в этом ритме качался и качался коник в яблоках - искуснейшее творение из орехового дерева с «настоящими» гривой, сбруей и стременами - хотя уже давным-давно, давным-давно уже должен был бы остановиться...

Мы с мамой и Оскаром уже жили тогда на большом, холодном, но замечательном чердаке в Йозефове, с круглыми окнами, как на кораблях в книжках, а из окон было видно целое море красных и зеленых крыш. Мы там давно жили, когда уже родился Оскар. А до этого мы жили в больших комнатах, под которыми текла река, и виден был Карлов мост. И там с нами ещё жил дядя Макс, у него на самом верху была комната, где всё было заляпано краской - жёлтой, красной и синей, и на специальных подставках стояло три картины, а остальные стояли у стены без подставок. Это значит, они уже были готовы, и за ними приезжал грузо-

вик, и куда-то их забирал. Картины мне нравились, потому что вместо людей он рисовал белые кружочки, и вместо деревьев - зелёные, вместо домов - красные, и даже небо было из синих кружочков. Мама строго-настрого запретила называть его папой. Меня он называл «дитя». «Дитя, иди в свою комнату, не мешай». Иногда мы ездили на пикник, за город, и мы с дядей Максом играли в бадминтон, он хорошо играл, а я плохо. А Оскара тогда у нас ещё не было. А потом мы пошли гулять по набережной, и там мама и дядя Макс стали ругаться, и мама плакала. Но я спустилась к воде, где сидели рыбаки и ловили прыгучих, серебристых рыб, и я не слышала, о чём они ругались наверху.

А мама и дядя Макс стали ругаться каждый день, и мама кричала: «Я никогда не смогу этого сделать, никогда!» А потом она сказала мне собирать вещи, и я уложила в рюкзак очень красивое, очень пахучее розовое мыло, которое так приятно было трогать, и после этого руки пахли розами, и свою куклу-марионетку «Моцарта», которую дядя Макс купил мне на прошлое Рождество, и мама собрала наши вещи и целый чемодан своих книжек, и вызвала такси. И мама очень плакала, а я видела в заднее окно машины, как дядя Макс стоял и грустно смотрел на нас в окно. Но мне его не было жалко. Так мы приехали сюда, в Йозефов.

А здесь уже жили Милена и Клара, это их чердак, и кухня, и вся квартира, но и нас они пустили жить к себе за деньги. А потом мама стала толстеть и толстеть, и родился маленький такой Оскар, как раз на Рождество, как подарок! И Милена с Кларой за ним смотрели, когда мама уходила на работу, танцевать. Ну и я помогала, конечно. Пока не пошла в школу. Школу я не люблю совсем.

Мама очень красивая и всегда целует нас перед сном, уходя на работу. Она носит с собой в большой сумке лаковые красные туфли на высоких каблуках и купальник с блёстками. Я один раз хотела посмотреть, что она носит в сумке, но она закричала на меня, чтобы я не смела лазить по её вещам, и я перестала. Мама возвращается, когда мы уже завтракаем с тетей Кларой (у которой глаза смотрят в разные стороны), и её дочкой Миленой. Мама обычно очень уставшая, даже говорит с трудом. И когда приходит домой, пахнет странно и никогда нас не целует утром, а поднимается на наш чердак спать, и спит до обеда, а Милена забирает меня из школы и мы идем гулять: и на Карлов Мост, и

в Храдчаны, и по набережной Влтавы, и в парки Летна, или в Стромовку. Милена очень весёлая и никогда нас не ругает. В Летне дети катаются на самокатах – и на блестящих серебрястых, и на обычных деревянных. И нам с Оскаром ужасно хотелось самокат, но мама сказала, что об этом нечего и думать. Но я всё-таки спросила у одного рыжего мальчишки, где покупают самокаты, и он ответил, что самокат ему сделал отец. Тогда Оскар сказал, что когда вырастет, то сделает нам по самому лучшему самокату. Глупый. Я сказала, что когда он вырастет, да ещё и станет плотником, у него появятся жена и дети, а я уже буду совсем старой, как Клара. Вот если бы у нас был отец, он сделал бы нам самокат прямо сейчас.

Оскар сделал ещё одну глупость: заплакал вечером, когда мама собиралась на работу и наклонилась нас поцеловать; и сказал, что хочет, чтобы у него был папа, как у всех. У меня хотя бы дядя Макс был, пусть мне и нельзя было называть его папой, а у Оскара вообще никакого папы никогда не было.

На маму, когда она это услышала, просто страшно стало смотреть. Она встала и закричала, но не на Оскара, а в потолок кому-то:

- Что ты от меня хочешь?! Я и так делаю всё, что могу!!

И сердито загрохотала каблуками по деревянной лестнице, чуть не споткнулась, а я не спала всю ночь, и всё слышала её крик, и думала, кому она кричала, а Оскар немножко поплакал и заснул, как ни в чём не бывало.

...В городе мы всегда видели много интересного: например, бледного человека с бородой и в солдатской фуражке, без рук от локтей, который возил за собой на тележке большую печатную машинку с заправленным листом бумаги. Он садился, где хотел, ставил машинку перед собой и печатал на ней большими пальцами ног так быстро и ловко, как и руками иной не сможет. И печатал всегда одно и то же: “Kde domov můj? Kde domov můj?” Мы пели эту песню в школе. Она называлась «гимн». Люди собирались вокруг и бросали ему деньги. Интересно, он смог бы сделать самокат своими умелыми ногами?

А на Карловом мосту духовой оркестр играл очень красивую музыку, и люди в чешских костюмах танцевали. А в парке Стромовка мы кормили синих уток на пруду чёрствым хлебом, который продавала старая женщина, похожая на ведьму, но на самом деле она была добрая и несколько раз давала нам «утиный хлеб» бесплатно, когда видела, что у

нас не было денег. А ещё там был человек, одетый Робин Гудом, и когда у Милены были деньги, у него можно было взять лук и стрелы и попытаться попасть в цель с нарисованным на ней чёртом - с рогами, страшными жёлтыми глазами, горбатым носом и красными губами. Один раз, когда Милена пошла есть мороженое со своим Карелом, мы с Оскаром залезли в розарий в Стромовке и искололись все, но нарвали для мамы букет - яркий-яркий, как её помада, но она так рассердилась, что пригрозила сдать нас за это полицейскому, и Оскар страшно ревел, и мы больше такого не делали.

А зимой, на День святого Стефана, мы смотрели, как мужчины в одних трусах ныряли в ледяную реку и кричали от холода всякие нехорошие слова, которые Милена приказала нам никогда не повторять. И ухажёр Милены, Карел, тоже кричал и прыгал. А потом, когда он опять оделся в свою солдатскую форму, мы все пили горячий чай с яблочным штруделем в кофейне «У моста», а Карел пил ужасное горькое вино, которое называлось «сливовица», и нам давал попробовать, а когда мы выплёвывали его, громко хохотал. А я случайно немножко проглотила, и у меня голова закружилась.

...Днём мы обычно обедаем с мамой втроём, на чердаке. Он же такой большой, что в одном углу поместился круглый стол, прямо под окном в крыше. Иногда на окно садятся голуби и смотрят на наш стол круглыми глазами. Варит мама внизу, на кухне у Клары, всегда одно и то же: хлеб, куриный суп с картошкой, или с чечевицей и луком, а по пятницам – иногда яблочный пирог из лавки «Усатый пекарь», очень вкусный. Мама ест мало, чтобы быть красивой, как она говорит, а нам накладывает своими худыми руками полные тарелки. И мне её почему-то всегда жалко. Иногда Клара и Милена приносят ей письма, которые оставляет почтальон, но мама, только увидит конверт, разрывает их на мелкие-мелкие кусочки или бросает в железную печку (если она топится) в углу чердака на железном листе, а если не топится, то выбрасывает обрывки в круглое окно, и они медленно, как снег, падают на крыши.

Мама не пришла утром. И днём не пришла, и даже когда стало темнеть. Клара и Милена испуганно переглядывались. Я тоненько выла и причитала, представляя, что мама попала под машину, их так много, огромных и быстрых. Уже ночью Милена побежала куда-то и вернулась с Карелом и

его братом. И они вместе пошли маму искать. А я стала так реветь, что мне не хватало воздуха, и я поняла, что сейчас умру. Клара дала мне понюхать на ватке какого-то ужасного лекарства, которое ударило меня в нос, и в лоб, и в глаза, и я не умерла. Меня уложили внизу на диване, который пах клопами. Я так быстро заснула, как никогда не засыпала.

А утром на завтрак было только молоко, хотя я и его не хотела пить, и Милена сказала, что мама в больнице на Франтишку. «Она сильно простудилась, и прямо из театра её отвезли туда, но она жива. И скоро поправится. Но к ней пока не пускают». Когда Милена врала, то у неё всегда приподнимались брови, и я видела, что она врёт, но очень хотела поверить, поэтому мы бросились вместе с Оскаром и с разных сторон её обняли. А она сказала:

- Ну хватит, хватит!

А Клара, которая, громко шуруя лопаткой, подкладывала уголь в печь, тихо сказала непонятное:

- Вечно мы вытаскиваем у жизни короткую соломинку. Куда нам их теперь? У тебя их адрес есть?

И Милена так же тихо ответила:

- Есть.

Потом осторожно наши руки разомкнула и освободилась.

...А потом, в четверг - Клара всегда в четверг стирала, и в кухне пахло серым кислым мылом - к нам постучала какая-то богатая старая дама в чёрной шляпке и кожаных перчатках. Худая, как мама. Клара пригласила её в кухню, где та поставила на пол дорожную сумку и так устало опустилась на стул, словно её ноги больше не держали. Так же, как делала мама, когда приходила с работы. Дама даже шляпу не сняла, и, не отрываясь, смотрела на нас из-под своей вуальки так, как некоторые люди смотрели на безрукого, который печатал ногами.

И вдруг сказала по-немецки, что её зовут Дора Голдштейн, и она наша Grossmutter, бабушка. Вот те раз. И что она прямо сейчас забирает нас к себе, в город Вену. Я сказала, что никуда без мамы не поеду. Оскар хотел подбежать к ней, но я его остановила. А Клара, обтирая о фартук красные руки и рассматривая шляпку этой Доры, сказала по-немецки, хотя и плохо (раньше она никогда по-немецки не говорила), что мама ей была должна за три месяца. И у неё тоже приподнялись брови, как у Милены. Но дама молча достала из юбки кошелёк, и спросила, как найти больницу, и где найти ближайшее такси. Когда она открывала кошелёк, пальцы у неё сильно дрожали.

...В поезде наша новая бабушка ничего не спрашивала про маму, только про мою школу, и про учителей, и как я учусь. Но я же видела, что она совсем меня не слушала, а смотрела в окно и сильно-сильно моргала, как будто старалась не плакать. Наверное, потому что люди на нас смотрели. Тогда я стала нарочно говорить по-чешски, а она даже не заметила, не слушала совсем. Мне она всё-таки немного понравилась, хотя и не сразу, а после того, как купила нам с Оскаром самый замечательный шоколад, целую плитку. Самая лучшая еда на свете, это даже вкуснее, чем ванильное мороженое или штрудель! Плитка была тёмно-коричневая, в блестящих обёртках, и на каждом квадратике - маленькие буквы, которые таяли во рту...

Бабушка смотрела на нас как-то странно, как будто мы были больные. И вагон трясло, и её сетка на шляпке подпрыгивала. А сетка эта называется «вуаль».

Город, куда мы приехали, Вена, был красивый, как торт в витрине пекарской «Свадебные торты» в Храдчанах, но лучше всего был, конечно, магазин деда «Кони-качалки Голдштейн», и особенно витрина с большущим пони в яблоках, совсем как настоящая лошадь. Пони качался сам собой, потому что был механическим, как объяснила Grossmutter, и его заводили большим ключом, как часы. Магазин был хороший, а дед - плохой. Он даже ничего не сказал, когда мы вошли, а сидел в кресле, в большой зелёной комнате, где был тёмный стол со стульями и большущий буфет, и пахло сажей. Он притворялся, что читал газету. И бабушка держала нас за руки, и мы сказали: «Здравствуйте, дедушка Зигмунд», как она научила. И потом ещё раз. А Оскар подумал, что он, наверное, не слышит, и заорал во всю мочь: «Здравствуйте, дедушка Зигмунд!» Тогда дед посмотрел поверх газеты так, как будто мы его чем-то обидели. Конечно, не нужно было Оскару так орать. Потом отшвырнул газету на пол и сказал:

- Удружила на старости лет!

И прошипел куда-то в закопчённый потолок с люстрой, тоже непонятно кому:

- Спасибо, тварь такая!

И Оскар хотел поднять газету, помочь ему, чтобы дед не наклонялся, но бабушка стала красная и злая, и потащила нас наверх, где была маленькая белая комната с очень высоким потолком, двумя кроватями с тумбочками, комодом и окном на улицу, как раз над вывеской магазина. И улица была вымощена булыжниками, как в Праге. И по ней ездили

чёрные горбатые машины, как жуки, и люди ходили, и проходило много солдат, которые шагали красиво, рядами, и пели песню, но слова я не разобрала, а все прохожие внизу тоже говорили по-немецки. А улица называлась Wipplingerstrasse. Гроссмуттер Дора написала это слово на бумажке от шоколада для меня ещё в поезде, а Оскар ведь читать всё равно не умел - и заставила заучить наизусть, если мы вдруг потеряемся или что-то случится.

На ужин бабушка покормила нас на кухне невкусной рыбой, а дед один ел, в зелёной комнате, ведь дверь была приоткрыта, и я видела, как он наливал и пил, наливал и пил тёмное вино из графина. И наступил вечер.

Я совсем не могла спать, потому что так хотелось к маме, что было холодно спине и больно дышать. А вдруг, мама... никогда не поправится, и мы здесь останемся навсегда, с этим ужасным дедом? И Оскар тогда один у меня теперь в целом свете, потому я легла рядом с ним, обняла - волосы его ещё пахли поездом - и вымочила их слезами, но он спал крепко и не заметил. Оскар всегда засыпает быстро и хорошо спит, не то, что я...

Да, и ещё бабушка сказала, что в школу я здесь ходить не буду, а учить она будет нас сама, дома, потому что в школу нам нельзя, verboten, но почему нельзя, не сказала.

А на стене над комодом висел отрывной календарь, который давно никто не отрывал, потому что на листочке стояло 25 октября, а я видела на вокзале, куда мы приехали, большущий календарь с механическими цифрами, и там было 31 октября 1938 года. Я видела.

Суламита

Памяти Марины З. посвящается.

При рождении тебя назвали Ханной. Мы помним, в какой именно стране проходили детство и юность, поэтому, чтобы облегчить жизнь, в официальных документах тебя записали Анной. Но, любимая, я-то знаю: твоё настоящее имя и сущность – Суламита!

Это сказано не просто так!

С ранней юности, когда в первый раз случайно попала на глаза «Песнь Песней Соломона», поняла: это твоя книга о тебе!

И занесло тебя судьбою, в 2000-х, на израильский юг.

Звал меня царь. - Пойдём же, - пряча в очах восторг.

Усмехалась ты, осваивая жизнь провинциального городка. Да, милая, был царь. Ну, конечно, не совсем царь, - но это же песня, как же без преувеличения. А это был человек весьма авторитетный и могущественный в своей среде. И всё бы хорошо, но не жила в твоём сердце любовь к нему. Поэтому, хоть и был ***мёд у него под нёбом***, не для него ***твой нарד дивно струил свой пряный, тонкий свой аромат.***

Вся его велеречивость и красноречие не привлекали, не нужны были. А всё, что тебе было от него надо – это его власть, могущество, сила и авторитет. Но плохо, тоскливо и муторно было с ним. Если нет любви, никакие богатства мира не дадут её!

И не была ты ни черна, ни смугла, и не имела братьев. Но нужно было стеречь ***виноградники братьев своих***, потому что у каждого человека есть свой долг перед Всевышним, а у тебя он был велик и труден. Но с каким достоинством и честью, с какой радостью этот долг исполнялся! Да, тяжело приходилось. Экономила на одежде, пользовалась дешёвой косметикой. Но, несмотря на это, как же изящна была, как грациозно себя преподносила! Насколько дивной, как обворожительной. И ***красотой Кидарским чёрным шатрам равна.***

Но грусть и печаль жили в сердце постоянно. Тосковала по любви сущность, по-настоящему близкому человеку ду-

ша. Но не было его нигде; **ни странники и ни стражники: никто не встречал его.**

И да, жила надежда на любовь в сердце. К кому – ты ещё не знала.

О Всевышний! Безмерна мудрость Твоя! Как же правильно Ты выбрал время для встречи, как точно назначил момент! К нам благоволил особенно и устроил свидание именно тогда, когда надо. В любой другой фазе бытия мы бы ни за что не смогли соединиться. Но сретение произошло в момент поздней молодости, когда тела и души тянулись, жаждали настоящей любви, а разум уже смог отбросить всю фальшивую шелуху и увидеть настоящее!

Какой же был прекрасный день!

Тель-Авив, конец апреля! Даже природа нам благоволила. Наконец-то выглянуло ласковое солнышко, и земля проснулась после долгой в тот год зимы, и облеклась в зелёную мантию, разукрасившись всем великолепием своих тонов. Распустились цветы, кровь в жилах побежала быстрее, нашим телам особенно остро захотелось жить, а сердца вдруг стали верить в лучшее!

Ты стояла у центрального входа на автовокзал, и лишь взглянула на меня своими карими бездонными глазами, - я понял, что пропал! В ушах раздался серебристый звон, а со зрением вообще приключилось нечто небывалое: окружающий мир сжался, и остался только небольшой кружок – зато такой отчётливый и яркий, что каждая попавшая в него деталь будто источала сияние. Именно в этот волшебный кружок и угодило твоё лицо. И всё же самым поразительным в тебе были не черты внешности, а наполняющая их жизнь, и ещё - грациозность движений.

Голос оказался хрипловатым, но было в его звуке нечто, заставившее меня на миг опустить глаза. И вдруг весь мир в моих глазах предстал сейчас в новом облике. Чахлые деревца, – это **кедры и буки**, которые упоминаются в «Песни песней». Кошка, перебегающая дорогу с грациозностью, лёгкостью и осторожностью, присущим лишь бродячим котам - одна из **пугливых полевых ланей**, про которых упоминается в «Песни песней». Местные женщины и девушки, по большей части нелегалки, превратились в **дщерей иерусалимских**, что упоминаются в «Песне песней».

- Девушка, вы не меня ждёте? Я - Алексей, - и вручил тебе розу.

- Тебя, тебя, кого же ещё мне ждать-то, - ответила ты, вынув наушник из уха, и засмеялась.

Смех, в отличие от голоса, был отнюдь не хриплый, а чистый и звонкий.

И вдруг мне опять послышался отзвук «Песни песней»: **Со мною иди, невеста, со мною иди с Ливана.**

Почему именно эта строка – понятия не имею. Но, Боже, как цветок ты выглядела, **как лилия Саронская.**

- А что за музыку ты так увлечённо слушала?

- Это Михаил Круг.

- Ну, если слушаешь такую музыку, то, наверное, и на мотоцикле ездить не боишься? - спросил я, помня частый и печальный опыт предыдущих свиданий. Что делать, многие женщины плохо относятся к мотоциклам как к транспорту. Но ты оказалась отнюдь не из их числа.

- А у тебя что, «байк» есть? - обрадовалась, улыбнувшись искренней, почти детской улыбкой.

- А как же! - улыбнулся в ответ. - Куда же я без мотоцикла?

Ну, мотоцикл - не совсем верно. Маленький мотороллер. Но когда ты села сзади и чуть приобняла, я почувствовал, что еду на **колеснице царской** из «Песни песней».

Можно было доехать несколькими дорогами, но я, стремясь произвести хорошее впечатление, повёз по бульвару Ротшильда. Мимо юных пар в обнимку, родителей с детьми, хозяев собак, выгуливающих своих питомцев. Минуя стайки молодёжи и просто беззаботно гуляющих людей. Таких вальяжных, вежливых, безмятежных, расслабленных, умиротворённых. Мы приехали в кафе на берегу моря. Кальян, кофе, немного вина. Ах, как же красива была, как же эффектно смотрелась! Какой прекрасный был тот вечер, великолепный вид из окна, и ты, любующаяся закатом. И всё нам благоволило.

Естественно, кафе было выбрано не случайно, а то, которое возле моего дома.

А наши тела и души тянулись, жаждали настоящей любви. И конечно же, вполне логичным оказалось моё предложение «просто пойти посмотреть, где я живу. Да это тут, совсем рядом».

Вечернее небо над Тель-Авивом, освежающий морской бриз, мы целуемся под небольшим навесом в моём дворике. Я тону в твоих глазах, очарован твоим ликом.

Послезавтра опять поехал встречать тебя на автовокзал.

Всё вокруг цвело, наполнилось запахами весны, хотело жить с новой силой.

***Пробудились холмы, цветами
пламеня на плавных склонах.
Время пенья настало. Стаи
птиц гнездятся в зеленых кронах.***

В том мире, в котором мы оказались через час после того, как я тебя привёз, никаких слов не существовало, и существовать не могло, они только помешали бы. Я и ты ринулись навстречу друг другу, будто два встречных поезда, по роковой случайности оказавшиеся на одной колее. Дальше – известно что: сокрушительный удар, столб дыма и пламени, а посреди этой вакханалии – мы, ласкающие друг друга.

Но, к сожалению, люди утратили интуицию, перестали чувствовать сердцем, поэтому, даже встретившись со своей настоящей второй половиной, - не то, чтобы ничего не чувствуют, но просто не понимают, не отдают себе отчёта, а может, бояться себе признаться, что это именно она!

Ты исчезла. Сначала лепетала по телефону что-то невразумительное, отказываясь приезжать, а потом просто перестала отвечать на звонки и сообщения.

И спустился я в сад свой, и блуждал меж лилий, и искал тебя среди других женщин, но ничего подобного не находил.

***Запертый сад — невеста моя. На нём
тайны печать: и днём не найти с огнём.
Чистый источник, скрытый от всех родник.
И только я устами к нему приник!***

И вдруг мне в голову пришла отличная мысль: я вспомнил – ведь ты Суламита. И «Песнь Песней» Соломона - это твоя книга о тебе! Поэтому завоевать расположение легче всего с помощью «Песни песней». Я старался, как мог, но получилось лишь горбатое четверостишие:

***Впусти меня, Суламита,
Довольно же узреть твой кров,
Пламенеющие ланиты
И очей твоих сладостный зов.***

Но этого оказалось достаточно. Ты сразу прислала смс-кой ответ:

***Нам быть под единым кровом,
вкушать за одним столом.***

Лёша, приезжай, - и указала адрес.

С этого момента я жил словно бы в двух не сообщающихся между собою мирах: солнечном и лунном. Первый был наполнен работой, рутинными делами, хлопотами по хозяйству и содержанию дома. Но к тому моменту, когда в

небо выкатывалась луна, я погружался в ночной, настоящий мир. В этом мире было прекрасно всё, с самого начала: и ощущение полёта, и звук мотороллера на пустынных шоссе и улицах, и ощущение лёгкости, когда я, шагая через две-три ступеньки, поднимался на последний этаж, и металлический скрежет открывающегося замка.

***Ты в дом материнский, в горницу
украдкой его ввела.***

***И пела душа, как горлица
на ветке, что расцвела.***

Для того, что происходило в эти ночные часы, слов не было, да и быть не могло. И дело даже не в том, что речь немеет либо сбивается на пошлости, когда нужно говорить о слиянии двух тел. Нет, здесь было что-то иное. Когда мы любили друг друга - то жадно и просто, то неспешно и изощренно, - мною овладевало пронзительное, непередаваемое словами ощущение: счастье есть – вот оно. Лучше не будет никогда и ни с кем!

***Но ревность — люта, словно адский костёр. Она
сквозь металл щита проникает огнями стрел.***

- А ты хорошо устроилась: с одной стороны муж, с другой любовник.

- Ну, Лёшка, хватит, прекрати! Сам же понимаешь ситуацию. Да и не муж он мне вовсе.

- Ну, скажу проще: уверенность и покой с одной стороны, а романтика – с другой. Это звучит лучше. Но суть дела не меняется. Хочется обладать одним и не упускать другого.

Но у неё своя «песнь».

- Ну, зачем, ну, не надо так. Он добрый, по-своему хороший. Лёшенька, что же делать. Жизнь такая. Такая вот!

- И я такой!

Поднялся и уехал домой!

И вдруг: тяжело на душе, тоскливо, тошно, одиноко, плохо без тебя!

Раздаётся трель моего телефона:

- Лёшка, я скучаю, мне плохо без тебя.

С быстротой молнии в мозгу пронеслось – домой её везти нельзя! Мой срывающийся от волнения голос:

- А давай посмотрим, где я работаю.

- Вот и отлично, вот и увижу, где ты пасёшь своих козлят. Насколько же ты мудрее меня!

Шум моего мотороллера в ночи. Мы приезжаем в Пардес-Кац, где располагается будка охранника.

И только ты ступила за ограждение, всё вдруг заговорило словами «Песни песней». Зброшенная стройплощадка – **дворец**. Обветшалый, покосившийся караван – замок. Штакетник, сваленный возле будки, – это **кедры и буки**, которые упоминаются в «Песни песней». А ветхие, неприглядные домишки Пардес-Каца - это роскошное царское подворье.

А уже через полчаса **мы с тобой друг в друга перетекали, словно реки, пока округа ветром шуршит по склонам**.

- Анька, зайди скорее в будку. Ты же голая, из окон видно.

- Лёша, ты не понимаешь. Мне хорошо. Я хочу, чтобы они видели, как мне хорошо!

И замолчала.

О, как сладко с тобой молчать, уйдя в забвенье.

- Знаешь, Лёша, - продолжила, выбросив сигарету, - нам нельзя друг друга ревновать, нельзя тратить на это время и силы. Мы просто не можем изменить один другому.

И после недолгой паузы добавила:

- Покуда мы живы, нам никогда не уйти друг от друга!

И мне кажется, что никогда, никогда ещё ты не была настолько Суламифью из «Песни песней», как в эту минуту...

Телефонный звонок взорвал тишину мирной рутины, и моя походка перестала быть упругой и пружинистой, плечи опустились, взгляд потух. Моя жизнь разделилась на «до» и «после», на «жить» и «доживать». Тебя не стало! **Не стало нарцисса Саронского, не стало лилии долины!**

Где ты сейчас? Я очень надеюсь, что там, где тебе хорошо. Может быть, ходишь в неге и спокойствии по тем местам, где тебе приятно и уютно, слушая свой любимый «блатняк». И с улыбкой ждёшь меня.

Я думаю – если я назову тебя истинной Суламитой, это будет комплимент для Суламифи из «Песни песней».

Ну что же, конец печален. Лучше вернёмся в начало.

Когда ты родилась, тебя назвали Ханной, в документах записали Анной, но настоящее твоё имя и сущность – Суламита!

Спасибо Ирине Евса за поэтический перевод «Песни Песней Соломона».

Клопы фон Ляша

Когда прокурор Заловкин вышел в отставку, то поселился в Крыму, купив небольшой, но добротный дом в десяти километрах от Евпатории. При доме имелся хороший сад, в нём росли виноград, инжир, грецкий орех, хурма - его мечта, некогда жителя северного региона страны. Через несколько дней после переезда бывший прокурор нагнал из винограда чачи и с удовольствием пропускал каждый день несколько стопок виноградной водки. Супруга Заловкина впервые наварила инжирного варенья. Купаться на пляж они ездили по два раза в день на автомобиле. Переезжая в Крым, бывший прокурор наконец купил модный белоснежный «Крузак», а до этого всю свою карьеру Заловкин неприметно ездил на отечественных автомобилях.

Деньги на дом и на дальнейшую безбедную жизнь он накопил ещё в ельцинские времена, крышуя в районе продажу палёного спирта. Мужики умирали как мухи, но Заловкину было всё равно; доходы от дилеров смертельного бизнеса он менял на доллары, понимая, что при существующей инфляции рубли неизбежно превратятся в прах. Банкам доверял, но боялся высветить неправомерные и нелегальные доходы.

Прокурор Заловкин с началом эпохи перестройки начал пописывать краеведческие статьи на модную тему разоблачителей политических репрессий. Писал он сухо, иногда и вовсе невнятно, но, имея по служебному положению доступ к правоохранительным архивам, вытащил на свет божий документы о польских военнопленных, за что, к неудовольствию начальства, получил польский рыцарский крест. С этим белым крестом он сидел на коллегиях прокуратуры, хотя выглядел комично.

Природа одарила Заловкина маленьким ростом и непомерно большой головой, а из-за лица землистого цвета от проблем с желудком, он напоминал сказочного гоблина. Даже его супруга Раиса Петровна во время ссор называла мужа «пингвин коротконогий».

Коллеги шептали в спину Заловкину, да так, чтобы он обязательно слышал: «Это как же нужно родине нагадить, чтобы от проклятых ляхов крест получить?!» Но Заловкина

это не смущало, крестом он гордился, чувствуя незыблемую либеральную конъюнктуру в стране. Всё время, боясь разоблачения с продажей палёного спирта, он провоцировал начальство своим поведением, рассчитывая, в случае возбуждения уголовного дела против него, выставить свою персону как некую жертву новых политических репрессий. Но ушёл на заслуженную прокурорскую пенсию достойно и спокойно.

В семье Заловкина была трагедия - единственный сын Сергей вырос алкоголиком. Отец смог его по блату пристроить в саратовскую юридическую академию, надеясь на создание целой прокурорской династии. Но дитяtko за год учебы, как позже выяснилось, ни разу не появилось на лекциях. Сергей все эти месяцы беспробудно пил. Забирала его из Саратова мать. Раиса Петровна, любящая единственного сына слепой материнской любовью, а после укоряла мужа: дескать, если бы она настояла снять для сына отдельную квартиру, он не жил бы в общежитии, где друзья-однокурсники часто выпивали. В ответ Заловкин только крутил пальцем у виска и пенял жене: «Ты сама из сына идиота вырастила, до сих пор его прихотям потакаешь». На что Раиса Петровна ехидно возражала: «Это он в твоего папашу, в своего дедушку, алкоголик! Свекор, как помню, напьётся, так ещё задом наперёд на велосипеде по деревне ездит, и ведь не шлётся ни разу! И не работный тоже в деда; тот нигде на работе больше трёх месяцев не задерживался».

Сына мотало по стране, он всё искал место в жизни, и в конце концов осел в далёком Калининграде. Сергей был ещё и коллекционером-любителем нацистской символики. Выпросив у отца деньги на покупку квартиры в Калининграде, присмотрел её в бывшем немецком доме, в тайной надежде найти там клад, оставленный депортированными после войны немцами. А когда узнал, что в этой квартире некоторое время жил комендант Кёнигсберга, немецкий генерал Отто фон Ляш, то мысль завладеть именно этой квартирой перешла буквально в одержимость.

Известно, что клады в Калининграде будоражат умы искателей, с весны 1945 года. Тогда и началась история с поисками сокровищ и ценностей уехавших немцев. Сергей знал, что это не вымысел и не какая-то спекуляция сведениями. Возможно, мифы и легенды несколько искажают реальную историю событий, но в народе бытовало мнение, что Калининград является «клондайком».

В столице Восточной Пруссии немцы, уезжая, прятали свои сокровища, надеясь на возвращение, - но так и не смогли их вернуть. Когда Советский Союз прекратил своё существование, железного занавеса не стало, и немецкие граждане приезжали на бывшую родину. Тогда и появились слухи о якобы найденных ими тайниках. Клады до сих пор находят и калининградские искатели. Но это в основном бытовые вещи, посуда, столовое серебро, домашняя утварь.

Деньги на бывшую квартиру фон Ляша Сергей вымогал у отца несколько месяцев, угрожая написать заявление его начальству о нелегальной торговле спиртом. Своего он добился. Но, купив вожделенную квартиру, никакого клада там не нашёл и ещё больше запил. Однако тайник всё-таки в квартире был. Сергей нашёл в чулане нишу в стене, из разобранных кирпичей, впоследствии грубо заклеенную обоями. От соседей он узнал, что в 1991 году в дом приезжал дальний родственник фон Ляша, и квартиру снимал на несколько дней.

Женился сын на какой-то полубомжихе. Она родила ему девочку и тут же исчезла. Сергей умер от цирроза печени в 32 года. Внучку из Калининграда привёз бывший коллега-прокурор, а квартира ушла чёрным риэлторам. Последний год они спаивали Сергея, вогнали в долги и заставили подписать нужные документы. Заловкин даже не успел вмешаться, а судиться стало практически бесполезно.

Внучку Дашу, худенькую некрасивую девочку в сарафане на вырост, с непропорционально большой, как у Заловкина, головой, привезли с одним полиэтиленовым пакетом - всем её бедным имуществом. Пакет неделю простоял в коридоре у вешалки, а когда Заловкин достал вещи девочки, на пол упал бордовый клоп. Заловкин клопа немедленно раздавил, отчего по квартире пошёл запах старого коньяка. Он выбежал из дома и выбросил пакет с одеждой внучки в мусорный контейнер. Но было уже поздно. На следующее утро Раиса Петровна проснулась в аллергических волдырях от укусов клопов. Укусы насекомых Заловкин обнаружил и у себя на теле, но с меньшими последствиями.

С клопами супруги стали бороться с помощью дихлофоса; они обильно поливали диван и двуспальную кровать, старясь обработать все щели и складки. Клопы исчезали, но через некоторое время появлялись снова.

Заловкин расспросил внучку, были ли у них клопы в Калининграде. Даша рассказала неутешительную историю.

Клопы в калининградской квартире не только были, а, по рассказам соседей, их не могли вывести ещё с немецких времён. Кусали они тамошних обитателей так нещадно, что однажды, в сильном подпитии, Сергей попытался квартиру сжечь!

Заловкин вызвал работников санэпидемстанции, и те провели полную дезинсекцию, посоветовав всё-таки выбросить мягкую мебель. Заловкин совет немедленно выполнил, предварительно заказав новые диван и кровать. В своей квартире супруги не жили несколько дней, снимая на это время номер в гостинице. Но клопы всё равно никуда не исчезли.

В одну из беспокойных ночей бывшему прокурору, в полудрёме и в полузабытьи, явилось сновидение. Он увидел себя в злополучной немецкой квартире. Все было явственно: цвет обоев, электропроводка на керамических шашечках поверх стен, планировка квартиры с колоритом начала XX века. Голос свыше прочитал ему лекцию о быте немцев того времени, в ходе которой Заловкину разрешили брать в руки любые предметы, открывать дверцы шкафов, мерить старую одежду и заводить патефон с речами Гитлера. Себя же он увидел в большом зеркале в форме шарфюрера гестапо. Квартира состояла из прихожей, гостиной, спальни, подвала, кухни и чулана. Даже в большом чулане стояла добротная мебель из натурального дерева с красным оттенком. Горничная пригласила на кухню, где за дубовым обеденным столом сидел и явно ожидал его комендант города и крепости Кёнигсберг генерал Отто фон Ляш. Он величественным жестом пригласил Заловкина сесть за стол и приказал горничной принести знаменитый кёнигсбергский чай с марципаном и французским коньяком.

К своей чашке ошеломлённый Заловкин так и не посмел притронуться, а фон Ляш, добавив в чай коньяк и тростниковый коричневый сахар, помешивая серебряной ложечкой, обратился к нему на немецком языке с баварским акцентом: «Предчувствуя падение, как казалось фюреру, неприступного Кёнигсберга, и взятие его советскими войсками, чтобы сделать проживание русских в Кёнигсберге невыносимым, я три месяца назад поручил профессору Рудольфу Вайглю создать в секретной лаборатории уникальных и ничем не победимых клопов, поскольку на немецкий дух и арийскую доблесть я потерял всякую надежду...». При этих словах Ляша бывший прокурор Заловкин громко икнул.

А генерал продолжал: «Эти клопы, я полагаю, ныне и есть совершенное биологическое чудо-оружие Третьего Рейха. Они не восприимчивы к ядам, могут впадать, если будет необходимо, в столетний анабиоз, и это делает их практически бессмертными. Пусть существование и проживание русских в нашей Восточной Пруссии, в нашем прекрасном древнем городе - городе коронаций, вынудят русских осознать тот факт, что человеческие несовершенства способны привести к катастрофам не только немцев, но и сегодняшних победителей. Конечно, русские сегодня могут лишиться тысячи людей всего, ради чего стоит жить: родины, имущества, веры в справедливость Всевышнего. Но и победителей впоследствии догонит такая же участь».

Обескураженный откровениями Отто фон Ляша, находящийся в полной прострации Заловкин только вопросительно твердил: «Warum? Warum?». А фон Ляш с горькой усмешкой продолжал: «Меня лично с Восточной Пруссией связывают многие узы. Населявшие этот край люди - стойкое племя. Кропотливым трудом на протяжении веков они превратили довольно скудную почву в хорошо возделанные земли. Они питают к своей родине бесконечную любовь и редкую преданность. Сдержанные и настороженные по отношению ко всем чужеземцам, они гостеприимны. Моя жена родом из Восточной Пруссии. Здесь же родились и оба моих ребёнка. Сестра моей жены из окрестностей Лика. Безвозвратно ушло то прекрасное время, когда я мог охотиться в компании славных друзей в лесах Восточной Пруссии; а богатые трофеи, добытые на охотничьих тропах, потеряны вместе со всем моим имуществом. За годы службы войсковым командиром мне приходилось, в период учений и маневров, соприкасаться со всеми слоями населения. Если потребуются ещё доказательства симпатии ко мне жителей Восточной Пруссии, то теперь следует говорить: «Да здравствует не Gott mit uns, но Bettwanze mit uns!» При этих словах бывший ельцинский либеральный прокурор неожиданно для себя вскочил, выбросил руку вперёд в фашистском приветствии и, выпучив глаза, истошно прокричал: «Sieg Heil!».

Проснулся Заловкин в холодном поту, истово перекрестился и вспомнил, что он уже на пенсии, и что деньги на покупку дома в Крыму давно отложены. В первые два года «крымской весны» цены на дома были ещё невелики, стоимость недвижимости на полуострове устремилась вверх позже.

Не мудрствуя лукаво, Заловкин выбрал дом на «Авито.ру» и оформил сделку. Квартиру быстро продали, решили не брать личные вещи и чемоданы из-за проклятых клопов, собираясь всё приобрести на новом месте. Вещи оставили будущим хозяевам. Внучке не разрешили взять с собой даже её любимые мягкие игрушки. Заловкины понимали, что жаркий сухой климат будет им, уроженцам северного региона, несколько тяжеловат, но все минусы перечёркивало море.

Заловкины наслаждались Крымом в первый месяц после переезда. Дом был небольшой, но добротный и уютный. Весь месяц они проводили с внучкой Дашей на море, а вечерами Заловкин выпивал полбутылки чачи и ложился спать. В один из жарких вечеров, раздевшись, он хотел выключить свет и лечь в постель, - но мельком взглянул на потолок и обомлел. Прямо над его кроватью тевтонским клином, знаменитой немецкой рыцарской «свиньей», проходил отряд клопов, а у вожака на спине были черные пятна, похожие на череп с костями. Заловкин помертвел и понял, что от мстительных клопов фон Ляша ему не избавиться никогда.

Гидрокурица

Из своего детства Виктор Кузьмин хорошо помнил маленький рыбный магазинчик на первом этаже пятиэтажки, в которой прожил с родителями до ухода на службу в армию. Рыбный запах доносился на улицу. На бетонных ступеньках сидели и млели коты, и не решаясь заглянуть или проникнуть за стеклянную дверь. Они выпрашивали, и очень удачно, рыбёшку у выходящих покупателей.

Рыба была свежая, разложенная на прилавке в ледяной крошке, и в богатом ассортименте, - не в пример перемороженной в нынешних сетевых магазинах. Порой, если бросишь её на сковороду, то она пузырится водой, расплзается и превращается в рыбный кисель.

А какая была в те времена селёдка! Селёдку привозили в бочках, крупную и жирную. Продащица заворачивала её в коричневую плотную бумагу. Селёдка попадалась с икрой; маленькие икринки вкусно тёрлись на языке и зубах, - так и просили стопочку водочки.

Отец, Родион Сергеевич, покупая селёдку, обязательно брал «четвертинку». Намазав сливочного масла на чёрную корочку ржаного бородинского хлеба, клал жирный пласт селёдки, сверху добавлял бордовую косичку икры и, сидя на кухне, пропускал рюмочку-другую, закусывал и аппетитно кричал. Селёдку он разделявал мастерски: аккуратно поддевал кожу маленьким перочинным ножом, снимал её чулком, а после разрывал рыбу на две половины с хвоста, - и хребет с костями отрывался от филе.

Кроме прочего, в магазине продавали огромных размеров камбалу. Один раз отец принёс домой, наверное, метровый экземпляр. Пожарил камбалу на большой чугунной, ещё бабушкиной сковороде. Жарил со знанием дела: на раскалённом масле, чтобы образовалась золотистая корочка, а внутри рыба осталась сочной. Так и получилось, домочадцы за круглым кухонным столом уплетали куски и нахваливали, а отец, посмотрев на рыбный пир, неожиданно сказал: «Хороша, будто деревенская курятина; ну, прямо не камбала, а действительно, гидрокурица!»

Позже, когда Виктор вырос, - узнал, прочитав как-то в газете эпохи перестройки, что в хрущёвские времена магазины были завалены хорошей камбалой, а употребление рыбы стал настойчиво пропагандировать советский общепит, придумав в рабочих столовых «рыбные дни» по четвергам. В народе так и прозвали хрущёвскую камбалу «гидрокурицей». Рыба тогда была невероятно дешёвой и качественной, как и другие морепродукты. Кальмары и креветки якобы практически никто не покупал. Позднее, в семидесятые годы, в магазине появились консервированные кальмары; банка стоила всего восемь копеек. Соседки-пенсионерки купили как-то такую на пробу, но открыв банку, брезгливо выбросили содержимое в мусорное ведро и со знанием дела рассказывали: «Фу, открыли банку, а там белые червяки!» Виктор понимал, что за червяков старушки приняли щупальца кальмаров! Отец, подсмеиваясь над пенсионерками, постепенно скупил в магазине практически всю партию консервов.

Когда Виктору стукнуло восемнадцать, отец иногда стал брать его в самую большую пивную в городе. Сооруженная из рыхих огромных металлических конструкций, она одиноко стояла посреди большого пустыря. В центре пивной красовался небольшой открытый дворик с фонтаном из мелкой голубой плитки. Там собирались все тогдашние

сливки общества, а в народе пивную ласково называли «Пивбар на Поле Дураков». В пивную уходили на несколько часов, и отец брал с собой бельевой эмалированный таз. Тарелка креветок в пивбаре стоила всего десять копеек; отец набирал их целый таз, а кружек пива выпивал не менее двадцати.

Пивные кружки мыли прямо в фонтане, сушили на деревянном штакетнике, и блестели они на заборе, как богатырские шлемы.

Из «хрущёвки» семья переехала, когда Виктор ещё дослуживал срочную службу. Вернулся из армии уже в новую квартиру, но не в центре города, а в спальном районе. Тогда и узнал, что рыбный магазинчик закрыли, а на его месте появилось почтовое отделение.

Но рыба от Виктора, по иронии судьбы, никуда не ушла. Он временно устроился в копильный рыбный цех, но после, поняв преимущества этой работы, задержался там на много лет. А почему бы и нет? Если с каждой смены Виктор приходил домой с большой сумкой копчёной рыбы, - чаще всего это были лещи и скумбрия. Теперь уже за ним по улице бежали мяукающие коты, а для домашнего кота Тимофея вообще наступил кошачий коммунизм.

Удивительно, но Кузьмин-старший не особенно старел. Одно время отец и сын выглядели чуть ли не как одногодки. Мать Виктора, Людмила Ивановна, тихая и всё время чем-то недовольная женщина, с укоризной выговаривала мужу: «Тебя, старый дурак, ничего не берёт, как огурец! А у Вити уже виски седые...»

Женился Виктор поздно. Жена Света оказалась продавщицей в рыбном отделе супермаркета. Рыбы в доме становилось всё больше. Но жена приносила только минтай, мойву и путасу. Эту рыбу отдавали знакомым и соседям.

Ребёнка Светлана родить так и не смогла, всё кончалось внематочными беременностями или выкидышами. Людмила Ивановна, тихо, но внятно шипела ей в спину: «Нашел Витя корову яловую, удружил, сынок, а я ведь его от женитьбы отговаривала». Светлана делала вид, что не слышит, хотя в эти моменты у неё покалывало сердце.

Света хотела взять ребёнка из детдома, но свекровь агрессивно воспротивилась и выдавливала из себя тонкими губами: «Плохая наследственность», или «Будете жить в своей квартире, тогда и берите хоть негритёнка».

Однако купить свою квартиру Виктор и Света, конечно, не могли, и по-прежнему жили с родителями. Родион Сер-

геевич дипломатично держал сторону невестки, понимая, что сын никого лучше уже не найдет. По неродившимся внукам вроде бы совершенно не эмоциональный мужик, просыпаясь среди ночи, плакал в подушку, понимая, что род Кузьминых прерывается.

Умер Родион Сергеевич внезапно, как будто чья-то невидимая рука щёлкнула выключателем. Для Виктора это было горькой неожиданностью. Он думал, что отец проживёт ещё много лет. Родион Сергеевич ничем никогда не болел, даже простудой и гриппом. Отец - заядлый рыбак и грибник, - мог по лесу запросто пройти с десяток километров и никогда не уставал. Его смерть произошла за день до именин сына.

Виктор в тот день вспомнил детство, увидев на прилавке только что открывшегося рыбного супермаркета «Русский невод» большую свежую камбалу. Покупая её, он невольно произнёс: «Вспомню настоящий вкус из детства!» Когда Виктор рыбу принёс домой, отец тоже обрадовался: «Давно такую большую не видел; сейчас пожарим!»

Оно сели ужинать без жён. Отец достал из холодильника запотевшую «четвертинку» и банку острой морковки по-корейски. Камбала была действительно отменная. Время приближалось к восьми вечера, отец обычно смотрел передачу «Большая стирка». Минуты за три до начала эфира с Андреем Малаховым отец встал из-за стола со словами: «Ну, я пошел на дураков Малахова посмотреть...» Виктор улыбнулся и одобрительно кивнул. Но отец успел сделать только два шага и, захрипев внезапно посиневшими губами, стал медленно оседать у холодильника.

Виктор вскочил, подхватил отца и опустился на пол вместе с ним, громко причитая: «Папа, папа, что с тобой?! Папа, ты меня слышишь? Только не умирай!»

Жена Виктора, Светлана, отреагировала на крик мужа, прибежала к ним с побелевшим лицом и вызвала по мобильному «неотложку». Удивительно, но «скорая» приехала всего минут через семь. Машина случайно проезжала по их району и приняла срочный вызов диспетчера.

Всё это время Виктор прощупывал пульс на шее отца - и отчетливо его слышал. Когда врач и фельдшер «скорой помощи» тяжёлой походкой вошли в дверь, он обрадовался и был уверен, что отца сейчас спасут. Но врач, бегло посмотрев на пациента, равнодушно обронил: «Он уже умер».

Виктор удивился и растерялся: «Доктор, что вы говорите? Это неправда, проверьте у него пульс!» Доктор только пожал плечами, не отрываясь от заполнения необходимых бумаг: «Он умер сразу, когда упал; это вы свой пульс слышите, а не его».

После доктора приехала полиция, осмотрела лежавшего на полу отца. Полицейский на кухне написал протокол о естественной смерти. Вопросов он задал мало. Ещё часа через два приехала труповозка, но водитель был один и попросил помочь перенести тело в машину.

Они жили на втором этаже. Отца вынесли на простыне и погрузили на носилки уже в машине. Водитель громко захлопнул двери «ГАЗели», и она растворилась в сумерках.

Виктор вернулся домой, сел за кухонный стол и закурил. Взгляд упал на сковороду с оставшимся куском камбалы. Его внезапно вырвало. Больше он о «гидрокурице» никогда не вспоминал.

Без дна

Память – вот, пожалуй, самое ценное из того, чем владеет человек. Деньги можно проиграть в карты или на бирже, паспорт потерять, совесть порвать в клочья и спустить в канализацию - а память при любом повороте останется при нас. Случается, что теряют и её - но это уже клинический случай.

Без тесноты и сутолоки память вмещает в себя всё наше прошлое, а то и глубже того. У всего на свете есть своя граница, но только не у памяти – она бесконечна, как сама Вселенная. В этом был безусловно убеждён Влад Маргулиес, книжный человек, достигший преклонного возраста и склонный ворошить своё прошлое в поисках утешительных воспоминаний и подбирать оправдания к давним поступкам, не вполне отвечавшим правилам этики и морали. Да, случалось с ним в жизни и такое, за что он себя время от времени корил и ругал – но нет ничьего прошлого без синяков; даже солнце не без пятен...

В своих розысках Влад погружался в старину предельно глубоко, хотя дна никогда не достигал, и границы памяти – рва или забора – не различал, сколько ни вглядывался. Где-то там, на окраине, в зыбком отдалении, располагались штучные, но отнюдь не стёршиеся воспоминания о детстве: постылая пионерская школа, полученный на день рождения самокат на подшипниковом ходу, «баклажанка» – рыжая икра, приготовленная из синих баклажанов. А поближе к началу жизни, вплотную к выползанию из тёмной норки на белый свет, он не умел подобраться: обзор был бел и гладок, как снежное поле. Такая первоначальная девственность даже несколько раздражала пожилого Влада Маргулиеса – ему хотелось бы поподробней зафиксировать свой приход в наш мир, но от него здесь мало что зависело: никто не помнил ничего. Слышанный где-то стишок

*«Не помню, хоть убей,
А о Толстом - всё слухи,
Я запах отрубей
И руки повитухи»*

Влад охотно принимал на веру: граф Лев Николаевич тоже, по правде говоря, не помнил ничего, хоть и обладал способностями куда как незаурядными.

Книжный Влад Маргулиес книги не писал, а читал – он работал художником-оформителем в издательстве для детей и юношества. Печатали здесь и «взрослые» книги, и учебники, но славились щедро иллюстрированными детскими, выходявшими миллионными тиражами, разлетавшимися по всей гигантской стране – граждане упорно плодились и при большевиках. Жемчужное бремя успеха этих весёлых книжек лежало на плечах художника, и Влад нёс его с достоинством и лёгкостью. Все были довольны: и Влад, и издательство, и детки, не говоря уже об авторах книжек, зарабатывавших на сказочных тиражах бешеные деньги. Всё было бы хорошо и просто замечательно, если бы не подозрительная фамилия Маргулиес, украшавшая золотоносные изделия – прозрачные, как слеза ангела, русские стихи для подрастающего советского поколения: «Кто стучится в дверь ко мне...», «Мы мышата молодые, Любим щёлки половые». Ох-хо-хо.

Итак, «Владимир Маргулиес» на титуле. Просто недоразумение какое-то. Ложка дёгтя в бочку нашего народного мёда. Но и без этой досадной добавки никак не обойтись: инородный Маргулиес считался, и не без оснований, лучшим рисовальщиком зверушек, без которых, как известно, не обходится ни одна детская книжка. Зайцы и лисы, бегемоты, крокодилы и Пипа Суринамская – все они вышли из-под его кисточки... И вот – загвоздка: фамилия! После разъяснительного нажима «сверху» позиции сторон благо-разумно сблизились, и Владимир Маргулиес укрылся в тени безупречного псевдонима. Теперь портреты милых зверьков подписывал художник-анималист Владислав Мамонтов. На широкий круг знакомых эта замена, впрочем, никак не повлияла: Влад как был для всех Владом, так им и остался.

Бежало время, Ленин оставался живее всех живых в своём стеклянном сундуке на Красной площади, Россия обречённо догоняла Америку по надою молока. А евреи, к всеобщему, да и к собственному удивлению тоже, собрались на историческую родину, в Израиль. Пришла пора: вначале капля по капле, потом родничок пробился, потом ручеек зажурчал. Тому, как всему в нашем мире, были причины, а за ними поспевали и следствия.

Самая главная причина заключалась в том, что в Пуримскую ночь, на Ближней даче, Сталин упал на пол и околел, не успев окончательно расправиться со своими евреями – выслать их всех поголовно, как было задумано, на Колыму. «Лежал впереди Магадан – Столица Колымского края» - это

оказалось не про нас: вжимая головы в плечи, советские евреи тихо радовались чуду избавленья от гибели.

Радовались и Маргулиесы – папа Наум Соломонович и мама Клара Самойловна, а пятилетний Вова, по малости лет, не связывал затаённую радость родителей со смертью рябого демона на Ближней даче. Пройдут годы, и он узнает о причине родительского веселья. Всему своё время, и это, пожалуй, золотое правило нашей жизни.

Пыль немного улеглась, кровь подсохла – и власть объявила по радио: «Жить стало лучше, жить стало веселее!» Это была правда: при Сталине жилось ещё хуже. По траурной амнистии выпустили из лагерей целую армию уголовников, и они, размахивая кастетами и ножами, расползлись по стране, подобно ядовитой ртути. Потом наступила «эпоха позднего реабилитанса» - на свободу потянулись выжившие за решёткой политзэки и ссыльные. Понемногу проветривались мозги, развязывались языки. Публике почудилось, что политический климат меняется и наступает оттепель. Допускать бесконтрольное изменение климата и разрешать самодеятельные чудеса – это не входило в планы верховной власти; пришла пора очередной закрутки идеологических гаек. Распоясавшихся либеральных болтунов и низкопоклонников перед Западом стали ловить и сажать в тюрьмы и сумасшедшие дома. Дошла очередь и до «лиц еврейской национальности», предательски пожелавших променять советскую родину на капиталистический Израиль. Таких буржуазных националистов было немного, но они отравляли интернациональную атмосферу, и с ними надлежало бороться решительно и беспощадно, в лучших традициях большевиков. Так и делали: подогревали жидоморство, объясняли простым советским людям, кто тут воду мутит. И простые советские люди охотно понимали и организованно клеймили позором еврейских националистов. А те нащупали болевую точку режима – стали искать и получать поддержку у своих влиятельных западных братьев.

Но угодившего к тому времени в тюрьму Наума Соломоновича Маргулиеса эта бодрящая поддержка обходила стороной. Дело было в том, что папа Наум Соломонович, замдиректора продовольственного магазина на Арбате, сел по сугубо экономической статье: он налаженно злоупотреблял доверием своих покупателей. Что он делал? Да много чего: переводил синюшных битых кур из третьей категории во вторую, пускал «налево» дефицитные мандаринки, для

нужных людей «придерживал» сырокопчёную колбаску. Эти нехитрые операции приносили жулику устойчивый доход. В итоге Наума Соломоновича поймали по доносу неблагодарной кассирши и дали ему восемь лет за «экономическую контрреволюцию», с конфискацией имущества. На втором году отсидки контрреволюционер заболел ишемией и умер от инфаркта в таёжном лагере, в Коми АССР, на разъезде 12-47. Там его и в землю зарыли.

Мама Клара Самойловна пережила мужа на четыре года, скоротечный рак свалил её на больничную койку, не оставив надежды на выздоровление. Был человек – нет человека. Аминь.

Похоронив мать, Влад ощутил тупой прилив одиночества в опустевшей квартире, в одном из тихих арбатских переулков. Ещё недавно, считанные недели назад, он даже и не думал заглядывать в будущее, дежурившее за порогом. Домашняя жизнь скользила по накатанной колее, день да ночь – сутки прочь, и Владу в голову не приходило, что весь уклад придётся менять в одночасье. Но пришлось: какое-никакое домашнее хозяйство, готовка, стирка и уборка, – вся эта волокита нагоняла на Влада уныние и тоску. Но брезжил и выход из положения – запустить в жильё какую-нибудь приятную девушку, которых у него было в достатке: Люся, Таня, Кира, Вера. Так он и сделал.

В деньгах к тому времени он уже не испытывал щемящего недостатка, хотя и гордой финансовой высоты ещё не набрал. Сразу после окончания художественного училища ему повезло – он оформил детскую книжку «Кот на крыше», и его заметили: одарённый молодой человек! Дальше – больше: укрепилась связь с издательством, появились заказы. Владу можно было только позавидовать: глядя на его зверушек, и дети, и взрослые расплывались в благодарной улыбке. Карьера Маргулиеса ходко шла на подъём – он слыл гигантом своего дела.

Но и на взлётной полосе иногда попадают камни, хотя им, казалось бы, там не место. Так это устроено под синими небесами, и не следует закрывать глаза на то, что тебе не по вкусу. Гром грянул нежданно-негаданно, с ясного неба, и вся сахарная жизнь Влада Маргулиеса-Мамонтова и его жены Люси покатила кувырком. А камнем на прямой дороге, посыпанной золотистым песочком, оказался обыкновенный донос.

Донос – расхожее занятие прямоходящих, дошедшее до нас, словно сердоликовый перстень-печатка из глубины

ветхих времён, без порчи и изъяна. Страсть строчить доносы неизбежна, она присуща всякому людскому сообществу – от племени до империи. При свирепых диктаторских режимах доноительство набирает силу, как сорняки на унавоженной почве; за примерами далеко ходить не надо... Доносят, укрепляя своё законопослушное положение в глазах властей, все на всех: подчинённые на начальников, сослуживцы на коллег по работе, жильцы на соседей по дому. Липкая зависть движет доносчиком и страх перед тем, что на него самого донесут прежде, чем донесёт он сам. Поэтому лучше донести раньше, чем позже, и проявить патристическое рвение.

Донос на Влада поступил от работников подведомственного детского сада московского завода «Шарикоподшипник», копия направлена в Министерство культуры СССР. Письмо трудящихся на детской ниве было принято в издательстве Влада более чем всерьёз - ситуацию усугубляла копия доноса, адресованная самому министру. Тут уже было не до шуток: дело пахло керосином. Влада вызвали в партбюро и, виляя глазами, уведомили его о проведении партийного собрания, на котором он обязан присутствовать, для обсуждения поступившего от трудящихся обвинительного письма. Что за письмо? Об этом Влад узнает, явившись на собрание.

И тут самое время упомянуть, что Влад Маргулиес вступил (внимание под ноги!) в КПСС шесть лет назад по специальному «весеннему призыву» молодых творческих работников в ряды большевистских борцов за сияющие высоты. Уклонение от призыва означало демонстративное проявление враждебности к советской власти, а что ждёт таких врагов - известно даже ёжикам в лесу. И Влад, поколебавшись недолго, откликнулся на призыв партии, подчинился велению времени и вступил - так в дождливую погоду пешеход обувает галоши, чтоб не промочить ноги. Теперь все препоны на карьерном пути были устранены, и мечта о поездке в Париж на международный симпозиум оформителей детской литературы обрела реальные черты. Bravo, жена Люся, уговорившая и убедившая Влада, отличавшего Маркса от Энгельса только лишь по объёму бороды, оставить сомнения и поскорей примкнуть к передовому отряду строителей коммунизма! Люсе очень хотелось поехать с мужем во Францию, да и о покупке дачки в подмосковном Одинцово можно будет теперь подумать не отвлечённо, а с карандашом в руке.

Вступить в партию – подумаешь, большое дело! Не зря же говорят «с волками жить – по-волчьи выть». Кто не воет, угодит в капкан или провалится в ловчую яму. Как раз этого не хватало, когда только-только начали подниматься на ноги... Ночная кукушка дневную перекукует, это тоже очень верно подмечено. И во Францию поехали, и дачку купили. Художественная звероферма Влада Мамонтова процветала на сочных кормах.

И вдруг – обвал: заявление из детского сада. Хоть смейся, хоть плачь.

Собрание, в присутствии представителя райкома партии, началось с чтения парторгом поступившего доноса. Зал в мёртвой тишине выслушивал ужасные обвинения против Влада Мамонтова. Самому Владу было куда как не до смеха: упреки трудящихся носили бронепробивный характер.

«Детский художник Владислав Мамонтов (Владимир Маргулиес), - с выражением читал парторг, - изображает своих зверей с еврейским националистическим уклоном. Каждый, кто взглянет на них непредвзято, убедится в том, что четвероногие «герои» художника, все как на подбор, похожи на евреев. Особенное возмущение детей и их родителей вызвала последняя работа Маргулиеса – буклет «Ноев ковчег», где весь зверинец состоит из евреев, а сам корабль смахивает на синагогу, как будто горе-художник проживает не в Москве, а в Тель-Авиве. Таким образом, деятельность Маргулиеса на нашем идеологическом фронте носит открытый диверсионный характер. Медведь у него – Кац, волк – Лифшиц, пингвин – Коган, Лиса Патрикеевна – Аксельрод, а золотая рыбка – Гольдвасер. Разглядывая изображения любимых зверей, наши дети проникаются идеями еврейского буржуазного национализма. Мы требуем незамедлительного принятия административных мер против диверсанта Маргулиеса, отравляющего неокрепшее сознание нашего подрастающего поколения».

Закончив читать, парторг пригласил присутствующих высказываться. Партийные товарищи мычали невразумительное – трудно было выявить портретное сходство серого волка с Лифшицем, а бурого Миши с Кацем, трудно – но необходимо: для того сюда и пришли. Сам Влад обвинения в буржуазной пропаганде отверг категорически, и каяться отказался. А то, что пингвин – Коган, да, это может случиться, почему бы этому и не произойти в нашей дружной многонациональной стране. Ну, почему?

Уловив разброд во мнениях – лишь один из выступавших призвал оклеветавшего диких зверей Мамонтова уволить с работы – райкомовец взял быка за рога.

- Ну, так, - решительно поднявшись из-за стола президиума, сказал райкомовец, - с этим всё ясно. У нас художник, тем более детский – боец идеологического фронта. И вот диверсант Маргулиес проникает в вашу, товарищи, парторганизацию, чтобы взорвать её изнутри. Но мы остановим предателя и очистим партию от врага. Кто «за»? Единогласно!

Комизм положения с еврейским зоосадам мог развеселить и мумию египетскую, но только не фигурантов дела. «Из партии исключить, с работы выгнать» – и Влада, и его Люсю эти сногшибательные новости повергли в настоящее уныние. Партия – чёрт с ней, коммунизм построят и без них, а потеря работы означала для семьи Маргулиесов финансовую катастрофу: Владу с его волчьим билетом заказы теперь никто не даст, а жена Люся к труду была не приспособлена. Их не избегали, и приятелей у них не поубавилось, но дружеские разговоры за рюмкой водки вились вокруг анекдотической причины всех неприятностей, а не об их плачевных последствиях.

Строй налаженной жизни изменился в гостеприимной арбатской квартире. Прекратились чуть ни ежедневные хлебосольные вечеринки, на которые слетались со всей Москвы писатели, актёры и свои братья-художники, и Люся теперь скучала по вечерам без дела, а хозяин, для которого отпала служебная необходимость ходить в издательство, глушил время за книгами и американскими музыкальными дисками, купленными у спекулянтов. И непрерывное общение с женой не способствовало крепости отношений: много – это ещё не значит хорошо.

Потрясающая история Ноя с его зверинцем, сгубившая звёздную карьеру Влада Мамонтова, не отпускала опального художника. Он задумал расширить свой «Ноев ковчег», весь тираж которого был изъят из продажи по распоряжению цензуры, подготовить щедро иллюстрированную книгу-путеводитель «Путешествие Ноя» и тайно переправить её за границу, скорей всего, в Иерусалим, для публикации.

Сказано – сделано: рабочий стол Влада был завален набросками, изображающими персонажей будущей книги: самого Ноя, национальная принадлежность которого не смогла бы вызвать сомнений и у слепца, и благодарных за спасение от верной гибели пассажиров ковчега, от слона до

комара, включая и Мишу Каца, и рыбку Гольдвасер. Никто не был забыт.

Тем временем окружающие евреи всё острее нацеливались на переезд в Израиль, их не выпускали, и дело дошло даже до попытки угона самолёта с ленинградского аэродрома. Двух организаторов провалившегося угона впопыхах приговорили к смертной казни. Евреи боялись, антисемитизм крепчал. Русская Люся уговаривала Влада отменить псевдоним и, не мешкая, эмигрировать – в Израиль, в Штаты или хоть в Бразилию с Аргентиной: исключённого из партии еврейского диверсанта могли для острастки и посадить годков на пять-шесть. Влад на уговоры не поддавался, библейская земля предков, сочащаяся, по слухам, мёдом и млеком, привлекала его лишь издали – недаром же говорят, что любовь на расстоянии крепче всякой другой. Заядлый москвич, Влад не видел себя ни в каком другом городе, ни в Иерусалиме, ни в Рио-де-Жанейро. «Москва... Как много в этом звуке /Для сердца русского слилось»... А то, что он – Маргулиес, так это просто случайность: так уж получилось. Но Люся, курская уроженка! Как она сможет прожить без родного языка, берёз и соловьёв?! А Люся твердила своё: ностальгии я не боюсь ни капельки, не валяя дурака, Владик, собирайся и поехали, куда глаза глядят!

В семье, недавно вполне благополучной, зрел нарыв конфликта, и находчивая Люся нашла другой защитный ход.

- Крестись! – предложила Люся.

- Зачем? – опешил Влад.

- Сам подумай! – сказала Люся. – Из партии тебя исключили, а от церкви не отлучат.

- Ну, допустим, - сказал Влад. – Но что это даст?

- Всё! – отрезала Люся. – Русским ты не станешь, но как от еврея от тебя отвяжутся.

- Креститься – нет! – сказал Влад. – Это уже слишком.

- Ничего не «слишком», - возразила Люся. – В партию же ты вступил, и ничего... В церкви тебе работу подберут, в иконописной мастерской.

- Откуда ты знаешь? – удивился Влад такой перспективе.

- Отец Елисей сказал, - ответила Люся, - знакомый один, из Лавры. Он тебя и окрестит, если что.

- Из Лавры, говоришь? – переспросил Влад.

- Ну да, - сказала Люся. – Чего ты удивляешься? Я, между прочим, крещёная. У меня даже крестик есть.

-Ну, что ж, - сказал Влад. – Бог один на всех...

Он представил себе, как в Иерусалиме встретят предложение издать дорожную монографию «Путешествие Ноя» работы московского выкреста Маргулиеса.

- Ну, так что? – нажимала Люся. – Позвать отца Елисея в гости?

- Нет, - сказал Влад. – Не зови никакого Елисея. Хватит с меня партийной принадлежности.

- Не хватит! – Люся повысила голос до плаксивого крика. - Ты играешь с огнём! Ты хочешь сделать из меня нищенку!

- Не ори! – поморщился Влад. – Чего ты орёшь?!

- Тебя посадят, - продолжала гнуть своё Люся, - а я пойду с протянутой рукой, урод! Крестись, тебе говорят! Ну, чего ты упёрся?

- Если Бог один, - во всё лицо улыбнулся Влад, - то какая разница, во что одеты его посредники – в кружевное пальто или в лапсердак? У них даже бороды одинаковые – что у раввина, что у попа... У твоего Евсея или Елисея, как его там, есть борода?

- Ну, есть, - насторожилась Люся. - Но при чём здесь это? Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше. А ты упираешься, как осёл.

- Осёл – еврей? - продолжая улыбаться, спросил Влад. - А рыба?

- Ты сумасшедший! - подвела Люся итог разговора. - С тобой жить просто невозможно.

Влад спорить не стал.

Прошли годы, унеся с собою обломки событий. Одиноким стариком Влад Маргулиес, бывший Мамонтов, доживал отпущенный ему век в иерусалимском доме престарелых «Золотой возраст». В его комнате, на книжной полке, выстроились два десятка оформленных им когда-то детских книжек и роскошно изданная в местном издательстве монография «Путешествие Ноя». На лакированной обложке тома был изображён зверолюбивый Ной с грустными еврейскими глазами, как будто это его уволили с работы, грозили посадить, и, вдобавок ко всему жена его бросила. За спиной корабля вырисовывался ковчег, похожий на «Титаник» с белыми мачтами вместо зловонных труб, изрыгающих чёрный дым. У широких сходней толпились, как перепуганные беженцы в пик эвакуации, звери всевозможных видов и мастей.

Богадельню «Золотой возраст», эту пересадочную станцию между жизнью и смертью, внешние события обтекали

без остановки, как скорые поезда заброшенный полустанок. А внутри просторного, средневековой кладки дома престарелых, на всех трёх его этажах, быстротекущее время свернулось в зыбкое желе; день незаметно переходил в ночь, ей на смену снова плыл день через мелкие оконца в мощных крепостных стенах, возведённых, по слухам, крестоносцами; ветхие жильцы никуда не спешили – куда им было спешить?

По выходным дням дети, внуки и правнуки приходили проведать родных стариков. Влада Маргулиеса никто не навещал – некому было. Влад не завидовал своим соседям, чувство зависти было не свойственно его душе ни прежде, ни теперь. В большой столовой, отведённой для свиданий, он с острым любопытством, не выцветавшими глазами художника, вглядывался в лица посетителей, гадая и прикидывая, насколько они совпадают с обликом тех, кто жил здесь тысячу, две, три тысячи лет тому назад. Для точности сравнения он переводил взгляд из пропахшей прогорклым маслом столовой вглубь застывшего времени, в уходящую вниз сужающуюся штольню, и, как в окуляр бинокля, рассматривал там, в глубине, нужное: уличную толчею, солдат, храмовых священников и базарных торговцев. Можно было заглянуть и глубже: Авраам, без оглядки уходящий из языческой Халдеи, овдовевший Лот, и рукой подать до того же Ноя с его питомцами. А там недалеко и земляной Адам со своей девушкой и Змием подстрекателем, и штольня уходит в клубящееся прошлое без дна...

Возвращая взгляд в гостевой зал, Влад щурился удовлетворённо: лица совпадали одно к одному, хоть пиши портрет. Вот парень в военной форме, с автоматом, толкающий по столовой кресло-каталку с обезноженным дедом, а вот ветхозаветный торговец финиками – одно лицо, словно у близнецов. Всё меняется или ничего не меняется – это как считать, на каких счётах. Рассматривать лица не надоедало старику Маргулиесу, примостившемуся в углу гостевого зала за чашкой остывшего чая – он существовал как бы в двух измерениях одновременно: обрыдлом сегодняшнем и бездонном вчерашнем. И ему было тревожно и хорошо.

«Корона» - дом престарелых гостиничного типа, пятизвёздочного уровня: мрамор, бронза, ресторанный коридор, орхидеи в вазах, врачи, нянечки и сиделки без счёта. В апартаментах «Короны» коротали сладкую жизнь не просто богатые, а очень богатые старички и старушки.

Кому-то из них пришло в старую голову сделать доброе дело: пригласить нескольких обитателей заурядного «Золотого возраста» в роскошную «Корону» на праздничную встречу Пасхи – годовщину освобождения из египетского рабства. Строгий порядок проведения главного народного праздника неукоснительно соблюдается из тысячи в тысячу лет: маца, молитвы, песни, горький хрен и сладкий мёд, вкусная еда и свободное кресло за столом – а вдруг Илья-пророк возьмёт да и заглянет на огонёк! И малые дети празднующих ищут припрятанный взрослыми афикоман, и, найдя, счастливы и горды.

Влад Маргулиес попал в куцый список приглашённых. Сидя за обильным столом в празднично убранном воздушными шариками и лентами ресторанном зале «Короны», он заслушивался пасхальными песнями, протянувшимися корнями к самому сердцу заветной старины – Исходу из неволи. Он чувствовал себя частицей той устремлённой к свободе толпы, что, чуя затылком приближение боевых египетских колесниц, жалась к берегу Тростникового моря, вскипавшего волнами. Свобода или смерть – третьего выбора не было.

Потом молодежавый раввин, похожий на спортивного арбитра, читал молитву.

А потом дети, в поисках афикомана заглядывая под диваны и за портьеры, рассыпались по залу. За этими бесхитростными поисками бездетный Влад следил с волнением в сердце, вдруг прихлынувшим. Он отчётливо вспомнил себя - малышом, устремлённо рыскающим по праздничной комнате в поисках спрятанного, ради шутки и игры, обломка мацы, завёрнутого в салфетку. Это было не в арбатской квартире папы Наума Соломоновича и мамы Клары Самойловны, там Пасху не отмечали. А где? Когда? Опускаясь в глубины янтарного прошлого времени, всеми силами он пытался вспомнить – но безуспешно. Была, была эта счастливая охота за афикоманом, неведомо когда и в каком поколении – и осталась в памяти. И это всё, и этого достаточно.

Официанты разносили сладкое.

А Илья-пророк так и не пришёл.

Сердце Европы

Польский травелог еврейского писателя

«Польша – сердце Европы, а Краков – сердце Польши. Сердце Кракова – квартал Казимеж. А сердце Казимежа – еврейские клейзмеры».
Магдалена Срока

Это очень личная книга. Вы можете противопоставить моим записям безусловные факты, зафиксированные тенденции и не допускающие возражений высказывания. Всё это так. Я не претендую на объективную всеобъемлющую картину. Я написал о людях, с которыми встречался, о Польше, которую увидел. Я, а не кто другой.

Премьер-сессия и оживший покойник

Уже много лет я езжу в Польшу на экономический Форум в Крынице. Это нечто вроде экономического форума в Давосе, только для стран восточной Европы. Собирают на три дня ведущих экономистов и предпринимателей в небольшом курортном городке в сердце польских Карпат, кормят, поят, развлекают. Предлог для встречи - работа разного рода пленарных групп, панелей, на которых обсуждаются самые разные вопросы.

Глубинная цель Форума - создать прямые контакты между людьми, непосредственно влияющими на экономику. И если Мечиславу из Вроцлава понадобится что-то в Чехии, он отыщет визитку Яна из Праги, с которым хорошо посидел в корчме Крыницы, и наберёт его номер, минуя всякие административные и чиновные препоны. Это работает, и работает весьма успешно, поэтому количество компаний, спонсирующих форум, уже перевалило за вторую сотню.

Лет восемнадцать назад организаторы решили, что в списке обсуждаемых вопросов должны быть и еврейские. Ну, какая Польша без евреев?! Так возникла панель, на которую я езжу в качестве еврейского писателя.

Список обсуждаемых тем весьма разнообразен, но я всегда рассказываю хасидские истории. Говорят, будто умелый раввин без труда сумеет привязать любое событие недели к недельной главе Торы. Хасидских рассказов вели-

кое множество, и всегда можно отыскать что-либо подходящее к теме предлагаемой дискуссии.

Крыница расположена в Галиции, на отрогах польских Карпат, и от нее рукой подать до самого сердца исчезнувшего хасидского царства. Час езды до Цанза, Бобова, Римина, чуть дальше Лежайск, Коцк, Люблин. Об уничтоженном величии напоминают лишь кладбища и синагоги.

Больше всего от этого уничтожения пострадала сама Польша. Если бы трёхмиллионное предвоенное еврейское население этой страны полностью осталось бы в живых, трудно даже представить, на какие высоты могла бы подняться Польша с его помощью.

– Как жаль, что вы не с нами, – как мантру повторяют и деятели искусства, и дипломаты, и шоферы, и министры. Я это знаю не понаслышке, слышал неоднократно собственными ушами.

В тот раз я сомневался, стоит ли ехать. Навалилось много дел, а Крыницу я уже изучил до последнего камушка на улице Пилсудского. Но когда куратор Форума заверил, что поможет организовать поездку в Рыманув, который евреи называли Риминув, к могилам цадиков ребе Менахема Мендла и ребе Цви-Гирша, сомнения как ветром сдуло.

На сей раз еврейскую панель возглавлял председатель мемориала «Бабий яр»; ну, и тема была соответствующей. Я подготовился и стал ждать поездки. Буквально за несколько дней до вылета мне позвонил из Варшавы куратор.

– Вы бы не согласились выступить на премьер-сессии?
– спросил он.

– А что такое премьер-сессия?

– Это панель с премьер-министром Польши Беатой Шидло и бывшим президентом Украины Виктором Ющенко. Тема: политика – служение ценностям или интересам.

– И чем я заслужил такую честь? Я ведь писатель, а не политик.

– Ну, вы замечательный рассказчик, и ваши интересные истории могут украсить панель .

– Хорошо, перезвоните, пожалуйста, через пару часов, мне нужно сообразить, есть ли что сказать по предложенной теме.

Что сказать нашлось. Жалко было упустить возможность поведать сильным мира сего пару историй о хасидских цадиках Галиции, и когда координатор позвонил, я согласился.

– Замечательно! – воскликнул он. – Мы ведь послали в канцелярию премьер-министра несколько десятков кандидатов, и они выбрали вас.

– Почему? Неужели в канцелярии премьер-министра Польши знают, что я замечательный рассказчик?

– Понятия не имею. Они не дают объяснений. Выбрали вас и всё. Поэтому хорошо, что вы согласились. Начало премьер-панели в девять утра, но вы, пожалуйста, будьте к восьми тридцати. Модератор – наша известная телеведущая Данута Дунин-Холецка – хочет поговорить со всеми участниками перед началом.

Чтобы попасть в апартаменты на втором этаже, пришлось пройти проверку, словно в аэропорту: с выворачиванием карманов, вытаскиванием ремня из брюк, ощупыванием и проглаживанием. Апартаменты впечатляли строгой роскошью. Всё было скупое, стильно и выглядело очень дорого. Кроме Шидло и Ющенко, был также некий финансовый воротила из Америки, фамилию которого мне не удалось запомнить. Поскольку все участники подготовились заранее, разговор с модератором занял несколько минут. До начала выступления оставалось чуть больше четверти часа, делать было нечего, потекла свободная беседа. Шидло, Ющенко и я говорили по-русски, а воротиле переводили на его инглиш. Начал Ющенко.

– У наших народов, украинского, польского и еврейского, есть много общего в истории. Все мы сотни лет не имели своей государственности и были под властью жестоких правителей. Сегодня, возводя новую Украину, мы внимательно приглядываемся к тому, как евреи строят свою страну, и берём на заметку всё лучшее и полезное.

– Да, – согласилась госпожа премьер-министр. – Израиль служит нам примером во многих начинаниях.

– Но по-настоящему народы близки лишь тогда, – продолжил Ющенко, – когда у них есть общие сказки.

– Общие сказки? – удивился я. – Какие общие сказки у евреев и украинцев?

– Ну, – удивился Ющенко. – Наш национальный герой, украинский Робин Гуд, Олекса Довбуш жил в одном селе Вижница с вашим национальным героем, основателем хасидизма Бааль-Шем-Товом. Они были хорошо знакомы.

– Да, Бааль-Шем-Тов, – подтвердила госпожа премьер-министр. – Мне знакомо это имя.

– А вы знаете, какой был духовный путь Бааль-Шем-Това? – продолжил Ющенко. – Он уходил в горы, в Карпа-

ты, постился несколько дней. Мы знаем, что Довбуш уходил вместе с ним. То ли он охранял цадика, то ли тоже постился и следил за видениями. В селе остался большой камень, осколок скалы, возле которого Бааль-Шем-Тов часто останавливался и замирал в молитве. Он известен до сих пор, и местные жители называют его «жыдивский камень». Несколько лет назад через село прокладывали новую дорогу, и она должна была проходить через камень. Жители предупредили подрядчика, чтобы он не трогал священное место. Тот лишь рассмеялся, взял лом и долбанул по камню. Вместе с искрой отлетел кусочек камня и угодил подрядчику в глаз. Глаз на месте вытек, подрядчика срочно повезли в больницу в Черновцы. Езда недалёкая, семьдесят километров, но пока везли, началось воспаление. В общем, через несколько недель бедняга умер. Новый подрядчик изменил проект, и «жыдивский камень» остался на своём месте.

Тут нас позвали на подиум и объявили о прибытии почётного гостя, кардинала Станислава Дзивиша, архиепископа Кракова, в прошлом личного секретаря римского папы Иоанна-Павла II. И вот тогда я понял, почему канцелярия выбрала меня. Слева от премьер-министра сидел кардинал в роскошной фиолетовой сутане, справа еврей из Израиля в черном картузе. Красивая декорация.

Большой зал человек на триста был переполнен. Жарко светили прожекторы телевизионщиков, щёлкали камерами десятки фотографов, - словом, как и положено при выступлении премьер-министра большой страны. От зала исходила энергия, она заряжала и беспокоила .

В качестве начала я обратился к персонажам из недавно закончившего сериала «Игра престолов», взяв за примеры служения ценностям или интересам Джона Сноу и Серсею Ланнистер.

– Наверное, все в этом зале, кроме госпожи премьер-министра, у которой нет времени для сериалов, – сказал я, – смотрели фильм и знают, о ком идёт речь.

– Я тоже смотрела, – возразила Беата Шидло.

Зал замер. И тут я заранее придуманным поворотом перешёл к историям с ребе Менахемом-Мендлом из Риминова и ребе Цви-Гиршем. Рассказам о еврейских праведниках и чудотворцах публика внимала буквально затаив дыхание. Такого они ещё не слышали. Панель длилась полтора часа, и мне удалось рассказать три истории .

На улице, в закрытой зоне Форума, куда войти можно было только по нагрудному пропуску, ко мне несколько раз подходили и благодарили. На английском, русском, украинском и польском.

- Прекрасная речь, довели нас до слёз; на подиуме сидел кардинал, но возвышающие душу слова мы услышали не от него, а от еврейского писателя.

Это было очень приятно и чрезвычайно щекотало писательское самолюбие, но я поспешил удрать в гостиницу, чтобы прийти в себя и подготовиться к следующему выступлению через несколько часов.

На еврейской панели я тоже рассказал несколько историй про ребе Менахема-Мендла из Риминова, могилу которого собирался посетить на следующий день. После завершения панели ко мне подошел Сергей Орлов. человек с абсолютно русским именем и фамилией, судя по нагрудному пропуску, врач-нейрохирург из Калининграда..

– Я вас слушал на премьер-сессии, – сказал он, – и пришёл послушать здесь. Вы, судя по рассказам, разбираетесь в потусторонних явлениях.

– Очень приблизительно. Я просто пересказываю истории, случившиеся с теми, кто разбирался. А вы знаете, что похожи на известного израильского поэта Шауля Черняховского?

– Ничего удивительного, – ответил врач, приглаживая пышные усы. – Во мне течёт часть еврейской крови.

– И какая же? – поинтересовался я.

– Одну из моих прабабушек звали Гитл, а прадедушку Мотл.

– И по какой линии?

– Это бабушка и дедушка моей мамы.

– Вынужден вас огорчить, – сказал я. – Вы – еврей.

– А мне всё равно, – махнул рукой Орлов, а я подивился и обрадовался миру, в котором такого рода сообщение уже не вызывает у русского человека ни отвращения, ни злости.

– Давайте лучше я вам расскажу одну историю, а вы попробуете её объяснить, – продолжил доктор.

– Попытаюсь, но не обещаю.

Мы отошли в сторону, сели за один из столиков, гостеприимно расставленных рядом с аудиторией, и взяли по стаканчику кофе

– Итак, это произошло несколько лет тому назад, – начал Сергей. – Как сейчас всё помню ясно, точно, отчётливо. Я прооперировал молодого парня, лет восемнадцати. Он по-

ступил в больницу без документов. Нашли возле дороги, машина, которая его сбила, скрылась. Тяжёлые повреждения черепа, надежды на удачный исход просто никакой. Ну, не оставить же его умирать... Я сделал, что мог, что умел, прекрасно понимая, что парень не только не выживет, но уже никогда не придёт в сознание.

Спустя час после окончания операции ко мне в кабинет, - а я заведующий отделением, - вошла супружеская пара. Мужчина в форме полковника и женщина с встревоженным лицом.

- У нас пропал сын, - с порога начал полковник. - Восемнадцатилетний юноша, Поругался с нами, взял машину и уехал. На телефон не отвечает, у друзей его нет. Нам сказали, что в ваше отделение поступил юноша похожего возраста, но без документов. Мы бы хотели на него посмотреть.

«Ох, - подумал я. - Сейчас будет тяжёлая сцена».

- К сожалению, вы не сможете его опознать, - сказал я полковнику. - Лицо больного полностью закрывают повязки, изо рта и носа торчат трубки, а глаза закрыты.

- Я опознаю, - с уверенностью произнесла женщина. - У него на большом пальце правой руки ноготь расщепленный и не срастающийся, с детства ещё. На правой коленке шрам, и на левой щиколотке тоже шрам. Двойной такой шрам, от собачьих зубов.

- Скажите, а где его одежда? - перебил жену полковник.

- Она была вся разорвана и перепачкана. Думаю, её сразу выбросили.

- А бельё? Нижнее бельё какого цвета?

Я вызвал санитарку. По случайности дежурила именно та, что принимала юношу.

- Сиреневые трусики на нём были, - уверенно сказала она. - Тоненькие такие, как сейчас молодёжь носит. А майки не было, чёрная футболка прямо на голое тело и джинсы драные, уж не помню, какие. Хорошо ношенные джинсы.

Женщина побледнела. Видимо, описание одежды совпало с тем, что было ей знакомо.

- Можно на него взглянуть? - спросила она дрожащим голосом.

- Вообще-то не полагается, - ответила санитарка и посмотрела на меня. Я махнул рукой, мол, пропусти, что тут поделаешь.

Они осматривали его долго, санитарка приподнимала то один, то другой конец простыни. Когда обнажилась щико-

лотка, женщина охнула и потеряла сознание. Муж еле успел её подхватить.

– Это он, – сказала она, открыв глаза. – Вне всяких сомнений. Что делать, доктор? Что будет с нашим мальчиком?!

– Спасите мне сына, – приказным тоном произнес полковник. – Я сделаю вас богатым человеком.

Я лишь отмахнулся, имея в виду, что ничего не надо, но полковник неправильно понял мой жест.

– Я начальник снабжения одиннадцатой армии, – сказал он. – Верните нам мальчика, и я вас озолочу.

– Я уже сделал всё, что мог, всё, что в моих силах. Деньги тут ни при чём, большего я просто не в состоянии сделать .

– Я возьму транспортный самолёт, – сказал полковник, обращаясь к жене. – Пусть меня потом отдадут под трибунал, полечу с ним в Москву.

– Это невозможно, – возразил я. – Он просто не долетит. В таком состоянии малейшее изменение может вызвать необратимые последствия, а уж тем более взлёт и посадка.

– Что же делать?! – вскричала мать. – Доктор, скажите, что делать?

– Идите в церковь и молитесь, – сказал я. – Это всё, что остаётся.

– Какая церковь, мы евреи, – буркнул полковник.

– Так идите в синагогу. Идите туда, где вас услышат.

– Хорошо, – женщина, шатаясь, поднялась со стула и двинулась к выходу .

– Мы скоро вернёмся, – заверил полковник. – Если нужны лекарства, уколы, оборудование – только скажите, я всё сделаю.

Они ушли и не вернулись - ни скоро, ни под вечер, ни на следующий день. На третьи сутки парень скончался, как и следовало ожидать; его увезли в морг, и я, признаться, забыл об этой истории.

Врачей часто обвиняют в чёрствости, бессердечии. Критика частично верна, но нужно понять, что это просто защитная реакция психики. Наша работа – непрерывная цепь человеческих трагедий, больших и малых, и если открыть им сердце, можно запросто сойти с ума, причём довольно быстро.

После этого парня я оперировал каждый день другие экстренные случаи и закутился в больничной кутерьме,

ежедневной суете, бесконечных авралах, критических пациентах, срочных операциях.

Спустя несколько месяцев, на каком-то приёме, - я уж и не помню, в чью честь и где, - мне повстречался тот самый полковник. Я долго не решался подойти и спросить, а потом всё-таки отважился.

Он меня сразу узнал,

– А, вы врач, заведующий отделением, – с теплотой, почти ласково произнёс он, пожимая мою руку.

– Почему же вы не вернулись? – спросил я, не скрывая удивления.

– Да очень просто. Мы нашли синагогу, долго молились. В основном жена, я сам человек неверующий, атеист. А вот жена моя верит, так верит, что даже два раз в обморок падала во время молитвы. Я уж думал везти её к вам, как пациентку, – полковник широко улыбнулся.

Я стоял, не понимая ни причины его ласковости, ни повода для широкой улыбки.

– В общем, закончили мы молитву, вышли из синагоги, и у жены в сумочке мобильник зазвонил. Мелодия сына. Она задрожала, затряслась, я её подхватил, чтобы снова в обморок не упала. Видимо, кто-то нашёл телефон мальчика. Жена ухватилась за меня покрепче, вытащила телефон, нажала зелёную кнопку, поднесла к уху и... потеряла сознание. Пока я приводил её в чувство, зазвонил мой телефон. Я решил, что это с работы, и ответил, даже не взглянув на номер.

– Папа, где вы? – спросил сын. – Я потерял ключ и не могу попасть домой.

– Вот я и хочу у вас спросить, – завершил свой рассказ доктор. – Что это было? Ошибка матери? Но она не могла обознаться. Я видел, с каким вниманием она рассматривала ноготь и шрамы, и видел, как она упала в обморок, опознав сына. Материнское сердце так не ошибается. Но тогда чем объяснить случившееся? Чудом? Я врач, практик, я не верю в чудеса.

Для неверующего доктора у меня не было однозначного ответа. Да, существуют хасидские истории о ретроактивном изменении реальности, но они происходили только с очень большими праведниками. Что привело к чуду в этой истории – я не знаю. Возможно, сила материнской молитвы, возможно, заслуги отцов. И, честно говоря, не знаю, кого об этом спросить.

С Сергеем Орловым мы проговорили около двух часов. На Крыницу уже опускался вечер. Зелёные профили гор заливали фиолетовые сумерки, небо из голубого стало сиреневым, тёмно-зелёным, тёмно-синим и, наконец, бархатно чёрным. Центральная площадь городка перед зданиями старых купален, построенных в стиле девятнадцатого века, и новым комплексом из стекла и стальных конструкций, переливалась разноцветными огнями.

Крыница издревле известное место отдыха. В девятнадцатом веке сюда приезжали хасидские цадики, а в двадцатом Крыница прославилась как курорт, где лечат с помощью минеральной воды из местных источников. Особенно действенной считалась эта вода для лечения женского бесплодия. Однако к концу двадцатого века процент излеченных женщин существенно снизился. Бальнеологи объясняли это изменением состава воды, но знающие люди, поднимая вверх брови, сетовали на упразднение военного гарнизона в окрестностях курорта.

Многочисленные павильоны и палатки радушно предлагали участникам Форума бесплатные закуски, прохладительные напитки, кофе и кое-что существенно крепче кофе. Все панели и дискуссии завершились, началась культурная программа и отдых. Попастъ в закрытую зону можно было только по пропуску, поэтому все бродящие от павильона к павильону, сидящие в рестораниках и заполняющие небольшие концертные залы были участниками Форума. Кто-то уже выступил, кому-то предстояло сделать это завтра или послезавтра. В воздухе кружилось веселье и непринужденность, возникали знакомства, начиналось дружеское общение и, чего уж греха таить, завязывались трёхдневные флирты без обязательств.

- Мы чужие на этом празднике жизни, – повторял я, направляясь в гостиницу. Для человека, соблюдающего кашрут и любящего свою жену, все вечерние удовольствия форумной Крыницы не представляли никакого соблазна. После двух выступлений я был способен только добраться до гостиницы, принять душ и рухнуть в кровать. Но тут меня поймал куратор.

– Прекрасно, прекрасно выступили, – сказал он, придерживая меня за рукав. – А завтра в десять утра вот в том кафе, – он протянул мне карточку, – встреча с председателем Форума Зигмунтом Бердыховским. Поговорите, пообщаетесь, а потом сразу на машину и в Рыманув.

С Бердыховским я уже встречался несколько раз, и формальные поначалу разговоры о проведенных панелях давно переросли в дружеское общение. Зигмунт каждый раз пробуждал во мне комплекс неполноценности. Его поджарая фигура бывалого альпиниста и марафонского бегуна загоняла меня на край депрессии.

Бердыховский родился в Крынице в 1960 году, жил в Новом Сонче и слышал множество историй о евреях, населявших эти места до войны. Его интерес к еврейской теме был и остаётся неподдельным.

Через Крыницу протекает река Крыничанка. Наверное, рекой этот ручей можно назвать только во время весенних паводков. Во все остальные дни года неширокая прозрачная струя безмятежно журчит в глубоком русле, обложенном чёрными камнями с пробивающейся между ними зелёной травой. На вид вода в Крыничанке выглядит очень холодной, да и как может быть по-другому, ведь она течет с гор. Стороны речки соединяют белые каменные мостики с солидным балюстрадным ограждением.

Кафе размещалось по другую сторону речки, в зелёном трёхэтажном доме немислимого деревянного ампира начала двадцатого века. Вычурные резные перила и наличники, квадратные колонны, высокая крыша из красного железа и белые рамы окон били по глазам провинциальным купеческим шиком.

Внутри кафе выглядело скромнее и солиднее. Одно лишь поразило мой взгляд: огромная копия картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Современная история оценивает Османскую империю как плюралистическое, лояльное к своим гражданам государство, управляемое - относительно, но всё же справедливыми - султанами. Запорожцы – банда бесчестных убийц, насильников и грабителей, доставивших немало горя и евреям, и полякам. Память об их кровавых злодеяниях ещё не стёрлась из памяти еврейского народа и, думаю, польского тоже. Кто и с какой целью украсил сонное кафе курортного городка рожками этих вырожденков - было совершенно непонятно.

Спросить об этом я не успел, Бердыховский вошёл в дверь почти следом за мной. Мы уселись за столик и начали беседу. Зигмунт сразу взял быка за рога.

– Ты уже не первый раз в Крынице. Каким ты видишь Форум?

– Хм-м-м, – улыбнулся я. – Ты же знаешь, писатели не отвечают прямо на вопросы. Писатели рассказывают историю.

– Тогда я слушаю, – Зигмунт откинулся на спинку стула. – Рассказывать ты умеешь. Вчера я в этом лично убедился.

– Было это в середине тридцатых годов двадцатого века. Один молодой раввин в Америке пожаловался Бобовскому ребе, когда тот приехал с визитом в Соединённые Штаты:

– Люди плохо слушают мои проповеди, неохотно приходят на молитвы в синагогу, плохо жертвуют деньги на помощь беднякам. Что делать, ребе?

– Ты помнишь русскую баню? – спросил ребе.

– Очень смутно. В раннем детстве, когда мы ещё жили в Бобове, отец брал меня с собой.

– Так я тебе напомним. Главное в бане – это парилка, помещение, наполненное горячим паром. Входит туда еврей, ему жарко. Он минут десять привыкает, сидя на самой нижней скамье. Затем пересаживается повыше, на вторую, а затем ложится на третью. Потом подходит банщик с берёзовым веником и давай хлестать его по спине и бокам.

– Пуще, поддай пуще! – кричит еврей, и банщик лупцует так, что листья от веника летят в разные стороны.

А теперь представь себе, что через два дня этот еврей встречает на улице банщика. Тот, не говоря ни слова, достаёт из сумки веник и давай хлестать еврея, как в парилке. Ну, как ты думаешь, что ему скажет еврей?

Запомни правило: раввин должен создать в синагоге тёплую атмосферу, ввести в неё человека, согреть его, дать ему привыкнуть, поднять с первой ступеньки на вторую, со второй на третью, и только потом начинать активные действия.

– Так-так, – улыбнулся Зигмунт, – я, кажется, понимаю, к чему ты клонишь.

– Аналогия прозрачна, – согласился я. – Форум работает в точности по правилу раввина: создаёт тёплую атмосферу, согревает сердца, а дальше уже начинается общение и плодотворная работа.

– Всё это так, но я никак не могу припомнить русскую баню в Бобове, – заметил Зигмунт. – Вообще в Польше в те годы таких бань не было.

– Ну, из песни слова не выкинешь, – ответил я. – Как услышал, так и пересказываю. Но теперь моя очередь спрашивать. На какую вершину ты взбирался этим летом?!

– О! – лицо Зигмунта покрылось мелкими морщинками счастья. – Ты не поверишь: на Мак-Кинли.

– Как мне поверить, если я даже не знаю, что это такое.

– Это двуглавая гора на юге Аляски. Шесть тысяч сто девяносто метров. Мы дошли практически до самой вершины.

– Тогда объясни мне, как на такой высоте можно дышать? Я был на Монблане, поднялся по канатной дороге примерно на три тысячи метров. Как только вышел из кабины подъемника, сразу ощутил нехватку кислорода.

– Это потому, что ты одним махом перенёлся с уровня моря на такую высоту. У нас восхождение занимает несколько суток. Встаём на несколько сот метров и ходим на этом уровне день, привыкаем. Следующим утром ещё пятьсот. И опять день на акклиматизацию. Тогда не задыхаешься.

– А ведь мне буквально то же самое объясняли про восхождение на духовную высоту, – сказал я. – Подъём должен быть медленным и обязательно включать в себя все этапы. Перескакивать через ступеньку нельзя. Того, через что ты перескочил, будет не хватать для дальнейшего подъёма.

– Мир, – подытожил Зигмунт, – это единая гармония, и процессы в нём протекают похожим образом. Как духовные, так и материальные...

Разговоры сумасшедших

Что было, то было

Лет двести пятьдесят тому назад жил в Кракове богатый еврей по имени Мешулам. По-настоящему богатый, крупный торговец. Есть люди, которые всё, к чему прикасаются, обращают в деньги. А есть и наоборот...

Написано в старых книгах: кто хочет разбогатеть, пусть займётся торговлей. Тяжело трудится на своём поле крестьянин, гнет спину за станком ремесленник, протирает штаны чиновник, - и все еле сводят концы с концами. Только купец, поймав удачную сделку, может из ничего, почти из воздуха, заработать большие деньги. Но для этого нужна удача и особый склад ума.

И первым, и вторым Всевышний щедро оделил Мешуламу. Поэтому к сорока годам он разбогател и мог уже до конца жизни не работать. Ни он, ни его дети.

Господь милосердный создал наш мир уравновешенным и удерживает его в равновесии пять с половиной тысяч лет. Понимают это не только те, кто читает священные книги. Достаточно внимательно и честно поглядеть на окружающую человека реальность, чтобы выучить о ней многое. Так родились пословицы: «не всё коту масленица», «бодливой корове Бог рогов не даёт».

И хоть мог Мешулам без труда прокормить большую семью, ребёнок у него был только один, и к тому же поздний. Долго они с женой ждали, все глаза проглядели и почти утратили надежду, как вдруг чудо произошло. Хороший получился мальчик: книгочей, почтительный сын, вежливый, деликатный. И очень способный. Ни у кого не было сомнения, что из Йонатана получится раввин, знаток Писания, и, вполне вероятно, один из руководителей поколения.

К шестнадцати годам он уже прошел весь Талмуд и взялся за раввинские респонсы. А по ночам юноша поднимался на второй этаж синагоги, задёргивал плотнее занавески на балконе, отделяющие женскую половину, и открывал книгу «Зоар».

Задёргивание занавесок носило чисто символический характер, ведь синагога была абсолютно пуста; но, тем не менее, тот, кому надо было увидеть юношу за неразрешённым занятием – увидел. Не зря, ох не зря, каббалой разрешено заниматься только женатым мужчинам после тридцати лет. Возраст, жена и дети, словно якорь, держат каббалиста, не давая ему оторваться от реальности и улететь за духовными вихрями.

Как-то вечером Шейна, жена Мешулама, накрывала стол для ужина. Служанок в доме хватало, но она всегда делала это своими руками.

– Пища, которую я подаю мужу и сыну, станет частью их тел, то есть ими самими. Я хочу, чтобы вместе с фаршированной рыбой, бульоном и куглом в них вошла частица моей любви.

Шейна аккуратно расставляла столовые приборы, как вдруг из прихожей послышался шум и изумлённый вопль служанки. В столовую влетел Йонатан, и, сверкая глазами, уселся на своё место. Его лицо исказила гримаса гнева, правая щека дёргалась, а руки беспокойно ёрзали по скатерти.

– Что случилось, Йонале? – спросила изумлённая Шейна. До сих пор ей ещё не доводилось видеть сына в таком состоянии.

– Там эта тварь, – трясаясь от гнева, пробормотал юноша.
– Усы растопырила, на меня смотрит.

– Какая тварь, сыночка, о ком ты говоришь?

– С ушами и хвостом, вот какая.

Шейна продолжала недоумевать, а в комнату, утирая слёзы, вошла служанка.

– Что случилось? – немедленно спросила Шейна.

– Йонале Марту ногой пнул, – еле выговорила служанка.

– Она, бедолага, через всю прихожую перелетела, ударилась о стену и встать не может.

Марту, большую серую кошку, в комнаты не пускали. Много лет назад её взяли для ловли мышей на кухне и в подсобных помещениях. Марта честно исполняла свои обязанности, пока не состарилась. Теперь она почти всё время дремала на рундучке в прихожей. Йонатан вырос вместе с Мартой и в детстве часами играл с ней. Повзрослев, он перестал забавляться с кошкой, но, проходя мимо рундучка, всегда ласково проводил рукой по шёлковой спинке.

Шейна с изумлением уставилась на сына.

– Сыночка, чем тебе досадила Марта?!

– Мерзость! – вскричал он. – Нечистое животное!

Шейна несколько раз безмолвно открыла и закрыла рот, будто рыба, вытщенная из воды. Но тут в столовую вошёл Мешулам, и вечерний ритуал совместного ужина оттеснил в сторону незадаанные вопросы.

Но ненадолго. Посреди торжественного вкушения бульона с мандалах Йонатан вдруг швырнул ложку в тарелку и вскричал:

– Невозможно! Сплошная соль! Лопайте это сами!

Вскочив, он опрокинул тарелку, и горячий жирный бульон заструился по скатерти. Изумленный Мешулам не успел рта раскрыть, как сын выбежал из комнаты, изо всех сил хлопнув дверью.

– Наш мальчик заболел, – тихо произнесла Шейна, и слёзы градом покатались из её глаз. – В него словно злой дух вселился.

– Погоди горевать, – попытался утешить её Мешулам. – Пусть выпится как следует. Глядишь, до утра всё и пройдёт.

Не прошло. Наоборот. С каждым днём Йонатан вёл себя злее и гаже. С родителями он разговаривал только криком, или презрительно цедя что-то сквозь зубы; переругался со всеми знакомыми и друзьями, несколько раз попытался затеять драку. Мешуламу пришлось нанять бугая-поляка,

чтобы тот неотступно сопровождал сына. Не для его охраны, а для того, чтобы уберечь людей от безумных выходок Йонатана.

Самых лучших врачей приглашал Мешулам, немало выслушал латинских терминов и пространных разговоров о мозговой горячке, с немалой частью богатства расстался, только плакали денежки, и плакала Шейна. Перед визитом очередного светила она преображалась, расцветая надеждой, но тем глубже и горче было падение после того, как лечение не приносило результатов. Спустя несколько месяцев Мешулам уже не знал, за кого больше беспокоиться, за жену или за сына.

Кто-то посоветовал ему свозить семью на воды в Крыницу, горную деревушку в одном дне езды от Кракова. Предложение показалось ему сумасшедшим: как минеральная вода и окунание в ванны могут помочь в таком положении? Но для утопающего надежда – удивительный оптический прибор, превращающий соломинку в толстое бревно.

Мешуламу хватило недели, чтобы понять бесполезность этой затеи. Жене и сыну не помогал покой, буквально разлитый по улицам Крыницы: ни чудесная свежесть воздуха, ни успокаивающий глаз зелёный покров окрестных гор, ни расслабляющее влияние ванн из минеральной воды. Он уже решил было возвращаться в Краков, но однажды, дожидаясь перед павильоном, где жена принимала ванну, разговорился с евреем из Бобова, городка неподалеку от Крыницы. Тот поджидал дочь, которая проходила такую же процедуру в том же павильоне и, судя по мрачному выражению лица, был весьма недоволен результатами лечения.

– Цим тухес! – вдруг вскричал он, размахивая руками.

«М-да, – подумал Мешулам, – видимо, этот еврей тоже нуждается в лечении».

– Не смотрите на меня, как на сумасшедшего, – обратился еврей к Мешуламу. – Все мы тут ненормальные. И вы тоже!

С этого и начался их разговор. Быстро выяснилось, что еврей из Бобова считал ненормальными тех, кто рассчитывал на пользу от медицинских процедур.

– Мы зря теряем время и деньги на бесполезных врачей. К их советам может прислушиваться только сумасшедший. Или вам они помогли?

– Нет, – развёл руками Мешулам, – увы, нет.

– Ну вот! Толку от них никакого! Пусть все они соберутся на площади и дружно поцелуют меня прямо вот в это место!

Еврей не стал называть, куда именно, но весьма недвусмысленно похлопал по своей филейной части.

– Но что же делать?! – вскричал Мешулам. – Куда обращаться, кого просить о помощи?

– Вы как знаете, а я завтра возвращаюсь домой; закончу кое-какие дела - и прямиком в Лиженск. Там живёт настоящий врач.

– Вы имеет в виду ребе Элимелеха? – осторожно уточнил Мешулам, немало слышавший о цадики.

– Ну не воеводу же! Я бы сразу туда поехал, да моя благоверная задурила голову: давай сначала в Крыницу. А жена не Талмуд, с ней не поспоришь!

«И в самом деле, – подумал Мешулам, – почему бы не поехать? Прямо отсюда, никуда не сворачивая. И почему мне раньше эта мысль не пришла в голову?»

О чудотворце из Лиженска в Галиции знал каждый еврей, хотя его хасидский подход к вере предков разделяли немногие. Большинство придерживалось привычных, устоявшихся взглядов, и Мешулам принадлежал к этому большинству.

Бобовский еврей ещё кипятился, словно раскопегаренный самовар, но Мешулам уже не слушал. Дождавшись Шейну, он немедленно повёл её в пансион, где они остановились, и по дороге объявил:

– Собираем вещи и везём мальчика в Лиженск, к цадику.

– Как скажешь, – вяло произнесла Шейна. Она всегда соглашалась с мужем, даже когда была полна сил и задора, и это её качество было основой мира в семье и по-настоящему теплых чувств, которых испытывал к ней Мешулам. Он вспомнил слова бобовского еврея про жену и Талмуд, и в который раз подумал, как ему повезло с Шейной.

К его удивлению, хозяйка пансиона, узнав о том, что они решили прервать курс лечения и вместо ванн отправиться в Лиженск, раскудаhtалась, словно квочка.

– Да вы с ума сошли! Променять передовые законы современной медицины на пришепётывания какого-то сумасшедшего?

К ней неожиданно присоединился Йонатан.

– За каким чёртом тащиться в Лиженск? Лучше побудем ещё в Крынице!

Но Мешулама уже невозможно было остановить.

На следующий день, сразу после ранней молитвы, коляска, в которой сидели Мешулам, Шейна, Йонатан и польский бугай, покатила в сторону Лиженска.

Йонатан, по своему обыкновению устроил скандал, не желая подниматься в такую рань. Но бугай попросту вытащил его из кровати, поставил на ноги, заставил умыться, одеться, и после лёгкого завтрака заволок в коляску.

Дорога вилась между склонов покатых гор, заросших густым лесом. Утренние птицы перекликались среди ветвей, фыркали лошадки, свежий ветерок охлаждал лица. Внезапная радость надвигающегося счастья охватила Мешулама. Он не понимал, откуда взялась эта радость, не отдавал себе отчёта, о каком счастье может идти речь в его положении, но почему-то был твёрдо убежден в его непеременимости, и уверен в его подступающей близости.

Это убежденность охватила Мешулама стремительно, как охватывает жениха взгляд невесты, брошенный из-под фаты. Она наполнила его душу ликованием, согрела его сердце, мгновенно отодвинув на задворки память о бессонных ночах, постоянной усталости и слезах бессилия.

Мешулам не знал, что со вчерашнего дня ребе Элимеlex перестал принимать посетителей. Весь год в его приёмной толпились люди, евреи и иноверцы приносили цадикку свои беды, в надежде с его помощью отыскать выход. Ребе принимал очень тщательно, много времени тратя на беседу с каждым. Но с начала месяца элул он с утра до глубокой ночи был занят только подготовкой к Рош а-Шана. Цадик отставлял в сторону все дела, терпящие отлагательство, и принимал посетителей лишь в крайних случаях.

Обычные люди в месяце элул очищают свою душу, просматривают дела за прошлый год, и готовятся к суду, принимая правильные решения на будущий. Праведник, глава поколения, чистит душу всего народа. На какие высоты поднимается его душа, в какие пучины низвергается – кто знает? Подробности духовной работы цадика скрыты от глаз людей, слишком велик жар, тяжела ноша. Душа обыкновенного размера может не выдержать и сломаться, словно спичка.

К обеду были уже в Тарнуве. Возчик завёл разговор про усталых лошадей, но даже коню было ясно, что он хочет пропустить стаканчик водки. Остановились в еврейском шинке: пообедать и дать лошадям роздых.

– Какого чёрта мы потеряли на этой помойке, – ворчал Йонатан, презрительно оглядывая грязный пол. – Нет места почище?

– Там где чище – некошерно, – объясняла сыну Шейна. – А сюда, видимо, бродячие еврейские нищие захаживают за подаванием, вот и натаскали грязи.

Йонатан скорчил презрительную физиономию и наотрез отказался обедать.

– Не люблю помои, пусть даже кошерные.

– Тогда останешься голодным, – спокойно заметил Мешулам.

Странно, но ни ворчливая гуньба сына, ни грязный пол, ни по-настоящему невкусная еда не могли испортить его прекрасного настроения.

Дверь распахнулась и, словно подтверждая предположение Шейны, в шинок ввалилась ватага нищих. Они расположились в дальнем углу, в ожидании щедрости хозяина. В воздухе заструилась вонь давно не мытой одежды, пахнуло потом и горем.

– Дерьмом несёт, – буркнул Йонатан. – Пошли отсюда.

Половой принес нищим хлеб и кашу, и те набросились на еду. Один из нищих встал, пересел за соседний с Мешуламом стол, достал книжечку псалмов и погрузился в чтение.

Йонатан склонился к отцу и негромко произнёс:

– Татэ, посмотри, какой благородный вид у этого нищего.

Мешулам вздрогнул. Йонатан говорил совершенно обычным голосом, как до болезни. Честно говоря, ничего благородного в нищем Мешулам не увидел, но, желая продолжить разговор в таком тоне, ответил шепотом:

– Да, вид действительно благородный.

– Дай ему золотую монету, отец. И попроси благословения.

Мешулам вдохнул поглубже, стараясь сдержать волнение. Он уже забыл, что его сын, его мальчик может так разговаривать. Не откладывая дело в долгий ящик, он тут же поднялся с места и пересел за стол нищего. Тот оторвался от псалмов и посмотрел на Мешулама. Взгляд у него действительно излучал благородство. Теперь, сидя напротив, Мешулам заметил то, что сразу разглядел Йонатан.

– Откуда путь держите? – спросил он для начала разговора.

– Из Лиженска, – ответил нищий, и Мешулам приятно подивился благозвучности его голоса.

– А мы в Лиженск, к цадику.

– Хорошее дело, – одобрил нищий. – Ребе Элимелех во истину святой человек.

– За благословением едем, – Мешулам вдруг почувствовал необычное расположение к этому нищему. – Сын у нас сильно болеет. Вот, – он протянул нищему золотую монету. – Пожелайте и вы полного выздоровления моему мальчику.

– Разве он болен? – удивился нищий. – Выглядит совсем здоровым.

Мешулам перевел взгляд на Йонатана, и тот ответил ему доброй улыбкой, – жестом, который Мешулам успел позабыть.

По дороге в Лиженск чудо не отступало. Шейна и Мешулам боязливо беседовали с сыном. О погоде, о ваннах в Крынице, о проплывающих мимо пейзажах и других несущественных мелочах. Юноша отвечал спокойно, здраво, разумно – он снова стал их любимым Йонале, будущим раввином, гордостью отца и матери. Он словно не помнил о своих выходках, своих скандалах, причинивших столько горя родителям.

– По Марте не соскучился? – осторожно спросила Шейна.

– По Марте? – улыбнулся Йонале. – Конечно! Вернемся домой, первым делом почешу её за ушком.

Мешулам и Шейна переглянулись. Марта не пережила пинка, который дал ей Йонатан. А узнав о смерти кошки, он злобно потребовал сжечь труп нечистого животного.

«Что же произошло? – не переставая, спрашивал себя Мешулам. – Получается, безумие настолько поглотило разум моего сына, что придя в себя, он ничего не помнит. Словно кто-то другой вселился в его тело и жил вместо него. Слава Богу, это кончилось. Но не может ли безумие вернуться? Вот о чем надо спрашивать цадика, вот об этом надо просить!»

Но в Лиженске их ожидало большое разочарование.

– Об аудиенции не может быть и речи, – решительно заявил служка. – Ребе занят до конца праздников. Приходите через два месяца.

– Через два месяца? – ахнул Мешулам. – Мы не можем так долго ждать!

В ответ служка лишь тяжело вздохнул.

Эх, дела праведные, богоугодные. Сколько их нужно успеть сделать, и не перечесть. Но для всего нужны деньги, а наш сумасшедший мир так устроен, что праведность

находится в руках одних людей, а деньги в руках у совсем других.

Спустя два часа Мешулам и Йонатан оказались в комнате ребе Элимелеха. Вместо начала разговора Мешулам положил на стол двенадцать золотых монет, символ двенадцати колен Израилевых. Когда приходят к праведнику, хорошо начать с пожертвования. Ведь цадик заботится о многих и многих бедняках, которые ищут у него спасения. Деньги, пожертвованные через служку на синагогу - это одно, а вручённые прямо цадику – совсем другое.

Ребе взял монеты, покрутил, посмотрел и вымолвил:

– Мейлеху дают целых двенадцать монет, а пророку Элиягу хватило и одной.

– Что? Что вы сказали, ребе? – не поверил своим ушам Мешулам.

– Пророк не хотел, чтобы меня перед Рош а-Шана отвлекли от работы, – ответил ребе Элимелех, – и взял на себя лечение твоего сына. Ты хочешь знать, не вернётся ли болезнь? – ребе перевел взгляд на Йонатана, и тот затрясся, как лулав в Ошана Раба.

– Благодаря деньгам, которые ты передал сегодня служке и мне, – продолжил ребе Элимелех, – во многих домах на праздник будет хорошая еда и много света. А это значит, что голодные дети наедятся досыта и будут радостно благословлять Всевышнего. В заслугу их радости болезнь больше не вернётся. Но с одним условием: твой сын перестанет интересоваться тем, что ему пока знать не положено.

Восходящее солнце следующего дня застало их по дороге в Краков. Розовое свечение утреннего неба сливалось с золотым блеском в душе Мешулама. Предчувствие надвигающейся радости не обмануло. Счастье сидело на соседнем сиденье, простое и понятное, как вдох, и Мешулам был уверен, что больше оно их не оставит.

Публикация Архива русско-израильской литературы
Бар-Иланского университета

Михаил Юдсон

«Остатки»

Составление Романа Кацмана

Мы продолжаем публикацию фрагментов, сохранившихся в архиве Михаила Исааковича Юдсона (1956-2019) в конверте под названием «Остатки». Предыдущие публикации см. начиная с №14.

*

Полуслепец, я был в любви слепцом
И продолжаю им же оставаться,
Куда пойдет заброшенный Юдсон,
Позволив катаракте развиваться?
Доколе мне по Брейгелю брести,
И виден ли вообще конец пути?
Лишь Ира брезжит где-то вдалеке,
Как лунная дорожка на реке.

*

Больше всего на Земле зубов у виноградной улитки – 25 тысяч. А с виду тихое безобидное существо!

-

«Скучный, аэротичный Набоков» (Р. Гуль)

-

«Уж если писать эротику, так чтобы х... стоял до Полярной звезды...» (М. Горький).

-

Как говаривал Роман Гуль, «отклики на мои книги делятся на положительные, хвалебные и восхищённые».

*

«Ради Бога, избранный народ!.. Не трогайте нашего языка, который вам чужд, и который даже от нас, вскормленных им, требует теперь самого нежного, самого бережного и любовного отношения. Эх, писали бы вы, паразиты, на своём говенном жаргоне и читали бы сами себе вслух свои вопли. И оставили совсем-совсем русскую литературу»

(А. И. Куприн, письмо Ф. Д. Батюшкову от 18 марта 1909 года).

Батюшки!

-

Извечное израильско-чиновничье кидалово.

*

Эх, Русь, птица-тройка – чрезвычайка, голуба СИЗОкрылая! Сучарня с мусарней собачатся.

*

«Эмиграция – это прогар», как грустил Аксёнов когда-то в «Гибели Помпеи».

*

В ранних вариантах «Мастера и Маргариты» при встрече с Воландом на Патриарших присутствует и свора дворовых собак во главе с Бимкой – они сидят возле скамейки и слушают рассказ Мессира-Профессора (и Иванушка, кстати, послушно садится рядом с ними). Бима – это возвышение в синагоге, с которого «вызванный к Книге» читает главу. Собаки во главе с Бимкой – это евреи Синедриона.

*

«Андропология» нынешней Руси – явное иго тайных служб.

-

Ещё Квитка-Основьяненко в «Пане Халыавском» (великий роман!) утверждал, что «книги пишутся, чтобы нас усыплять» — такое древнее снотворное.

-

У Квитка-Основьяненко пан Халыавский говорил: «К чему писать не как мысль идёт, а подкладывать слово к слову, как куски жаренного гуся на блюдо, чтобы всегда понятно было для другого?».

-

«Слишком пышное развитие мозга», — как писал Станислав Шибышевский.

*

Наследственное желание жить на уже нажитое — не преумножать — комментировать, почковать-рамбанить...

-

Рент Ген

-

Сопельменники мороженые!

Родимчики!

*

Как сказал мой друг-сибиряк профессор Миша Сидоров: «В Израиле хорошие охотники — бьют катаракту в глаз».

-

«Сысстари», — как выражался Мельников-Печерский.

-

Помните у Аверченко, разговор писателя с народом:

«- Сельские власти за чем смотрят?!

- Аны смотрят.

- Ото! Ещё как... Рази от них укроишься. Теперь такое пошло утеснение, что хучь ложись, да помирай»

(«Полевые работы»).

*

Хорошо сказал писатель Александр Кабаков: «От иврита, конечно, радиации нет».

-

Мир держится на слонах, слоны на черепахе, а черепаха — на соплях.

-

Есть, конечно, завидные работы, как то — сборщик мочи для допинг-контроля.

*

Порой читаешь иную русскую текстяру, полную шума и ярости, и думаешь: «В Париж, к Пастеру!»

-

Бабы в своем развитии... Евалюция!

-

В России Принципат постепенно переходит в Доминат — образуется государство с неограниченной властью императора.

-

Напился и пишу. «Рецензию нужно писать со свежей головой» (Аверченко, «Чад»).

*

Дорогая Резник Ната!
Раз напился до умата,
Вдруг с платформы говорят:
Это город Колорад.

-

Даня Чкония, драгой!
Право, славно пить с тобой!
Лишь один вопрос застольн —
Чо не я летаю в Кёльн?

-

Дорогой Андрюша Грицман!
Впору расстелиться ниц нам!
Там — Манхэттен, снег и бабы...
Здесь — хамсины да арабы...

-

Дорогой мой Миша Сипер!
Жить бы нам на Миссисипи!
Ты б плантатором служил,
Я бы негров сторожил...

-

Маулер Ирина дорогая!
Пусть коряво вирши я слагаю
(потому как, видно, развезло) —
В остальном, считаю, повезло.

-

И ближневосточное время пришло,
Отбросив галерной рутины весло,
И слов паутину, и тину основ —
С друзьями возлечь за один из столов.

ИЗРАИЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ИВРИТЕ СЕГОДНЯ

Марцел Гольдман

Книпель и снег 1939 года

Спросите у меня: что общего у шмиты и горы Синай? Правильный вопрос...

Ответ: единство места и времени действия.

Время – перед началом и начало Второй мировой войны, место – Краков, Польша.

Теперь я должен разъяснить тем, кто не знает, что такое книпель. Это слово из идиша, корни которого в немецком: Knupfen (verknupfen) - «связывать, соединять».

В еврейских местечках Польши жило много бедных евреев, у которых не всегда были деньги, чтобы накормить свою семью. Об этом рассказы Шолом-Алейхема – как было трудно многим еврейским семьям достойно встретить шабат, о вечной заботе матерей – чем бы накормить своих детей. И вот тут на сцену выходит книпель.

Мать семейства, которая знает, что когда совсем не будет денег, придется голодать, в те дни, когда в семье что-то было, когда муж приносил в дом заработок, пыталась утаить немного денег, припрятать их в книпеле. Его делали из квадратного куска материи, четыре конца которого завязывали узлом. Получался такой узелок, в котором и хранили деньги или что-то ценное.

Еврейская мать держала книпель в большом секрете от всей семьи и прежде всего от мужа. Это был своего рода центральный банк, the last resort, каспомат, который всегда был со своими хозяевами.

У моей мамы был книпель. Мы с отцом знали о нём, но молчали. Папа знал о прижимистости мамы, объясняя это тем, что она происходила из семьи деревенских евреев, земледельцев (да-да, и такие были в Польше, правда, немного), у которых в кармане не всегда был и грош.

...Был день рождения мамы – 35 лет.

Отец с большой гордостью вручил ей подарок – облигации польского правительства, привязанные к доллару, с ку-

понами для получения нарастающих процентов. Совсем неплохо, а? Папа мыслил так: мама будет снимать проценты - книпель будет увеличиваться в размере - мама будет счастлива. Однако случилась катастрофа: мама смотрела на ценные бумаги, которые отец вручил ей, и не могла поверить своим глазам.

Шёл 1938 год. Война приближалась к нам гигантскими шагами. После того, как нацистская Германия проглотила Австрию и Чехию, её аппетит только возрос. Стало ясно, что Польша – следующая.

Реакция мамы была стремительной и резкой.

- Ты что купил?! Умник! У тебя совсем мозгов нет? Война стоит у порога, и эти облигации будут дешевле бумаги, на которой они напечатаны. Ты полагаешь, что поляки сумеют противостоять Германии? Нужно быть глупцом, чтобы верить их пропаганде. Отправляйся, немедленно продай эти бумаги, даже в убыток.

Вспыхнула крупная ссора.

Папа глубоко огорчился и попытался защищаться. Он ведь хотел, как лучше, и это всё-таки подарок на день рождения, однако всё равно ему пришлось сдаться.

- На вырученные деньги купи золотые монеты, - крикнула мама ему вслед. Так он и сделал.

С началом войны мама зашила эти золотые монеты в свой пояс (женщины носили такой под платьем, прикрепляя к нему чулки. О колготках тогда никто и не слышал). Этот ставший дорогим пояс мама никогда не снимала. Те золотые монеты, которые по одной или две мама иногда доставала по мере необходимости, сыграли важную роль до и после того, как мы бежали из гетто. На них мы покупали еду и давали взятки тем, кому нужно.

Вот так! Умная голова крестьянской дочки.

...Спустя много лет, мы живём в Израиле, папы с нами уже нет, я женат, и жена только что родила дочку.

Мама приходит нас навестить.

- Ну, - обращается она к моей жене, - как твой книпель? Не говори мне, что у такой разумной женщины, как ты, нет книпеля.

Никакие объяснения не помогают: что у нас общий банковский счет, что жена имеет свободный доступ к нему и может снимать деньги, когда нужно и сколько нужно. Ничего не помогает. Мама всё знает лучше. Она лукаво подмигивает невестке и говорит: «Ты уж храни книпель как надо!»

Сентябрь 1939-го. Радио днём и ночью верещит без перерыва: «Осторожность! Осторожность! Приближается! Приближается!»

Что приближается? Где? Как и чего нужно остерегаться? Чёрт знает что. Был страшный балаган. Однако распоряжения для военных запаса и мужчин призывного возраста были чёткими. В соответствии с указаниями им следовало прийти на ближайшие к месту жительства мобилизационные пункты и зарегистрироваться в своих подразделениях. Кто оказывался не в состоянии сделать это, должен был следовать на восток и записаться в формируемые там новые части.

В доме, где мы жили, проживали ещё две еврейские семьи: владельцы здания, пожилая пара без детей, мы четверо - родители и двое детей, и семья Фришер - родители и ребёнок. Они жили этажом ниже, под нами.

Папа состоял в запасе в элитном подразделении горных стрелков. Он был сержантом, командиром отделения связи. Бойцы этого подразделения носили особую форму: круглая тирольская шляпа, вместо шинели - широкая накидка, на поясе - особый нож с красивой цветной рукоятью.

Когда папа во время регулярно проводившихся военных сборов приходил домой на несколько дней отпуска, я надевал его форму и спускался во двор - похвастаться перед ребятами. Я путался ногами в длинной для меня накидке, а шляпа съезжала мне на глаза, но я был счастлив. Я гордился отцом.

Господин Фришер был офицером, но это стало нам известно гораздо позднее. Гордый лейтенант польской армии. Они с отцом пошли на мобилизационный пункт, располагавшийся недалеко от нашего дома. Там из уст дежурного офицера они услышали приказ: евреи, как ненадёжный элемент, освобождаются от призыва и могут отправляться по домам.

Отец и господин Фришер были поражены и закипели от гнева: евреи - «ненадёжный элемент» в войне с нацистами?! Тогда кто же надёжный элемент? Местные пособники нацистов?

Короче – двое этих мужчин решили завтра утром отправиться на восток.

Утром, едва развиднелось, они вышли в путь. На папе был плащ и широкие брюки «три четверти», которые по-немецки назывались *Pumphosen* и которые сегодня вызы-

вали бы смех. Однако в то время они были в моде у туристов и альпинистов. Рюкзак дополнял его спортивный вид.

В отличие от отца, господин Фришер, хотя и не был мобилизован, предстал во всём блеске польского офицера в форме. На голове – четырёхугольная каскетка с двумя серебряными звёздами, такими же, как и на погонах; символ его звания – лейтенант. На поясе – пистолет. Начищенные сверкающие сапоги. Я молча замер - так впечатлил меня его вид.

Нет, конечно, нет! Против такого офицера у германцев не было никаких шансов!

Однако папа, похоже, впечатлился гораздо меньше. Он рассматривал лейтенанта Фришера с нескрываемым сомнением.

Позднее, когда отец вернулся из этого похода, он рассказал, что в нескольких километрах от Кракова господин Фришер встретил отступавших в панике и беспорядке польских солдат. Он попытался остановить их, заговорил о любви к родине и долге защищать её, о чести, в конце концов, он закричал на них и даже выхватил пистолет.

Камикадзе...

Отец расстался с ним и продолжил путь один, а лейтенанта Фришера с тех пор никто более не видел в живых.

«Советы» вторглись в Польшу с востока, и на этом война для польской армии закончилась. Её командование вместе с правительством - бежали и перешли границу Румынии.

Папа вернулся домой.

Тем временем, спустя считанные дни с начала войны, германские войска вошли в Краков. Для нас, кто наблюдал солдат польской армии на парадах третьего мая (День польской конституции) – восседающих на лошадях, с саблями и примкнутыми штыками, германская армия показала ужасным чудовищем, механизированным, вооружённым, хорошо организованным и непобедимым. Ни один солдат не шёл пешком, все ехали на бронетранспортёрах.

На первом БТРе был установлен громкоговоритель, из которого гремели приказы на немецком и польском. Город сдался. Запрещено какое-либо противодействие армии захватчиков, запрещено даже подходить к окнам. Всё имеющееся у населения оружие, включая охотничьи ружья и пистолеты, должно быть сдано. Его следует сложить перед подъездами, армия всё соберет.

Несмотря на запрет, мы выглядывали на улицу через занавески. Один за другим ехали открытые бронетранспортё-

ры с сидящими в них солдатами в глубоких стальных касках, автоматы направлены на окна.

Ужас!

Между колоннами БТРов проезжали военные мотоциклы с установленными на колясках пулемётами; похоже, это была транспортная жандармерия, направлявшая движение. Короткие приказы на лающем языке и рёв двигателей - во всём остальном царил образцовый немецкий порядок. На перекрёстках уже выставлены военные регулировщики, а на общественных зданиях появляются флаги с чёрной свастикой.

В квартале Палантин, в садах вокруг Старого города уже развёрнуты полевые кухни – закипают котлы, пахнет дымом и запахами готовящейся еды. Сюда начинают подходить молодые девицы известного рода, которые пытаются общаться с солдатами на известном всем языке.

И было утро, и был вечер - так прошёл первый день германской оккупации. Мы тогда не имели представления, сколько дней, месяцев и лет мы проживём под ней, и что она готовит нам, евреям.

В первые дни ничего не случилось. Здесь и там в городе немцы потешались над ортодоксами, которых они не видели в Германии: отрезали пейсы, стригли бороды, раздавали тумачи.

Владельцы магазинов получили приказ держать их открытыми, а на еврейских - разместить или нарисовать звезду Давида. Понятно, что большинство магазинов в Кракове принадлежало евреям. Для них не было проблемой обозначить национальность; чуть неприятно, но ничего страшного. К тому же, после открытия магазинов в них повалили немцы, которые покупали всё подряд. Объяснение пришло очень быстро: немцы установили очень низкий курс польского злота относительно германской марки, поэтому для них цены в злотых были просто смешными. Так они устроились законным путём. Такой культурный народ, всегда внедряли закон и порядок. Пока владельцы магазинов разобрались в происходящем, у них почти закончились товары, а они сами остались с обесценившимися деньгами.

Ещё до возвращения отца мама, с её практической интуицией, быстро поняла, что происходит. Каждый день после закрытия магазина она приносила домой разные товары и складывала их в большую плетёную корзину, которую купила специально для этой цели. Впоследствии, в первые годы войны, мы понемногу продавали эти вещи, и у нас были

деньги на покупку еды. Магазин пришлось закрыть в тот день, когда хозяева других еврейских магазинов, которые ещё не перешли в руки коллаборационистов и не получили удостоверение лояльности от властей, были вынуждены закрыть их, а все товары были экспропрированы.

Зима 1939-1940 годов была холодная, и на город выпало много снега. Утром в один из дней мы обнаружили на стендах объявлений и на палатках указ властей, гласивший, что все евреи мужского пола, с 13 лет и до возраста, уже не помню какого, назавтра рано утром должны явиться к зданию городской ратуши. Они будут должны работать на уборке улиц от снега и льда.

По правде говоря, далеко не все евреи подчинились распоряжению властей, но папа был настоящим йеке. Таким образом, одним холодным утром, ещё затемно, мы (в ноябре 1939 мне как раз исполнилось 13) стояли перед зданием ратуши. Нам роздали лопаты и кирки, назначили начальника, который в мирное время был старшим дворником, и вперёд – за работу.

Нашей группе отвели для очистки улицу имени Трёх национальных поэтов, что в самом аристократическом районе города, где проживала интеллектуальная элита Кракова.

Город просыпался и, протерев глаза, увидел необычное представление. Группы евреев-мужчин, в большинстве своем уже немолодые, некоторые по виду ортодоксы, некоторые – полные, явно состоятельные, занимаются уборкой снега с городских улиц. Было очевидно, что эта работа для них в диковинку. Понемногу жители города – поляки – начали собираться вокруг нас. Те, кто постарше, посмотрев, пожимали плечами и возвращались к своим повседневным делам. Однако молодые и те, кому нечего было делать, просто зеваки, оставались возле нас. Их отношение к нам постепенно становилось всё более враждебным, даже агрессивным. Они выкрикивали в наш адрес оскорбления:

- Наконец-то евреи работают. А то всё мошенничали да пили нашу кровь, теперь вот узнают, что такое трудиться.

- Посмотрите-ка! Да как ты держишь кирку?! Так будешь свою жену за сиськи держать, балбес.

- А этот ворочается, как муха в меду!

После этих оскорблений в нас полетели комья снега, а за ними толпа стала бросать куски льда и даже камни. Это уже становилось просто опасным. Наш начальник, на голове которого красовалась официальная фуражка мэрии,

притворился, что ничего не слышит и не видит. Он так и не вмешался.

Процесс дегуманизации еврейского населения только начинался. Каждый, кто получал власть над евреями, считал себя их полным хозяином. Он мог их оскорбить, унижить, ударить. Он был господин, а они – полулюди, семиты. С другой стороны, начали выстраиваться такие же отношения между германцами и поляками: представители высшей расы против неполноценных славян. Расизм ещё только начал показывать своё отвратительное лицо, однако по мере продолжения оккупации у многих наружу вышло всё чёрное, что жило у них в душе.

Вдруг открылись ворота одного из домов, и вышел прекрасно одетый мужчина среднего возраста. Серые шерстяные брюки, малиновый пиджак, из нагрудного кармана которого выглядывал яркий платок. В руках мужчина держал серебряный поднос, на котором стояла бутылка водки, стаканы и лежали маленькие бутерброды.

- Прошу, господа, угощайтесь, - учтиво обратился он к нам (в польском языке вежливое обращение произносится в третьем лице). - Сегодня особенно холодно, и стаканчик водки согреет вас... Не принимайте происходящее близко к сердцу: война скоро закончится и всё вернётся на круги своя.

Вокруг нас вдруг сделалось тихо. Прекратился град из комьев снега и кусков льда. Толпа сброда начала расходиться, словно вдруг устыдилась содеянного. Большие хлопья снега опускались на голые ветви деревьев в садах Палантина, на вымощенные булыжником тротуары. Загорелись уличные фонари.

В городе воцарилось спокойствие. Затишье перед бурей...

Эlegantный мужчина, который утешал нас, не был пророком, он был Человеком.

(Марцел Гольдман родился в Кракове в 1926 году. После вступления в город немецко-фашистских частей его семья оказалась в еврейском гетто, откуда ей удалось бежать в 1942 году. После окончания Второй мировой войны Марцел Гольдман изучал экономику в Польше и Израиле. Стал успешным финансистом, занимал видные посты в банковской системе Израиля.)

Перевёл с иврита Александр Крюков

Дан Бен-Амоц

К столетию со дня рождения «Псалмопевца»

*Я перепробовал всё... Но только «Алеф»
даёт мне настоящее удовлетворение¹.*

Дан Бен-Амоц

*Прошлый год евреи жили. Худого не скажу,
люди культурные... Ни тебе политуры, ни
одеколона... А только белое, красное и
пиво... Лично я евреев уважаю.*

Сергей Довлатов «Заповедник»

Мося Теилимзайгер (на идише – «исполнитель псалмов») родился в 1923 году (по другим сведениям – в 1924) в тогдашнем польском (ныне украинском) Ровно. По программе молодежной алии приехал в Палестину в 1938 году. В молодёжном поселке Бен-Шемен, где он учился в школе и работал, ему дали имя и фамилию Моше Симати.

В 1943 году мандатные власти призвали его на службу в британский флот, однако там ему не понравилось, и уже спустя месяц он дезертировал и поселился в кибуце Бейт-Кешет. Там он и стал именоваться Дан Бен-Амоц, что сверстники быстро переименовали в Дан Бен-Апоц...

Молодой человек решил стать настоящим саброй - пошел служить в Пальям, теперь служба и море ему нравились, избавился от галутных комплексов (польская корректность, галантность и вежливость), стал разговаривать исключительно на уличном иврите, активно заводить многочисленные романы. Позднее он даже будет осуждён за сексуальные отношения с двенадцатилетней девочкой.

Помимо этого, он начал писать песни, стихи и скетчи. Так родился юморист, журналист, переводчик, литератор, филолог-любитель и будущий бонвиван израильской богемы - настоящий Дан Бен-Амоц.

Живя в США, Бен-Амоц женился на христианке, которая родила ему троих детей. Вернувшись в Израиль с семьей, он так поколачивал жену, что она с детьми сбежала от него в Соединенные Штаты.

Человек несомненно одарённый, Бен-Амоц снимался в кино (в Голливуде познакомился с Марлоном Брандо, снялся в эпизоде культового фильма «Трамвай “Желание”», 1951), в Израиле вёл радиопередачи, написал несколько популярных романов (в которых любил использовать существительное «зайн»), сценарии для фильмов и пьесы, рассказы, фельетоны и эстрадные скетчи. Совместно с ещё одной фанаткой разговорного иврита Нативой Бен-Егудой он составил ставший культовым Всемирный словарь ивритского сленга (1972, 1982).

---

¹Лозунг с оплаченного Бен-Амоцем плаката в поддержку списка МАПАЙ (буква «Алеф») на выборах в Кнессет IV созыва – ноябрь 1959 г.

Умер Бен-Амоц в 1989 году от тяжелой болезни и, по его желанию ещё с молодости, был похоронен в кибуце Сдот-Ям.

Вот несколько рассказов из вышедшей в 1962 году в издательстве Амикама Гуревича и ставшей ныне библиографической редкостью книги Бен-Амоца «Как что делать?». Автор-составитель текстов иллюстрировал сборник как своими незамысловатыми рисунками, так и рисунками друзей – Нахума Гутмана, Йорама Канюка, Игаэля Тумаркина.

Не следует очень критично относиться к собранным или придуманным им самим анекдотам и историям в книге Бен-Амоца: начало 60-х годов, новый юмор на иврите в молодой стране только зарождается, ещё не развернулось творчество Эфраима Кишона, только впереди блестящая карьера на эстраде и в кино («Высота Хальфон не отвечает» Аси Даяна, 1975) «бледных следопытов», ещё не выходили в эфир «Никуй рош», «Зехузе» и Баба Буба...

Тем не менее Бен-Амоц и Хаим Хефер ещё в 1956 издали «Ялкут а-казавим» о приключениях пальмаховских чудаков; Бен-Амоц ведёт еженедельную сатирическую передачу «Трое в лодке», вечера юмора в клубе «Хаммам» в Яффо, а в 1959 издал сборник сатиры «Что слышно?». Процесс формирования народного израильского юмора пошёл...

Александр Крюков

Из дневника водителя такси

Воскресенье.

Доброе утро, ну, вот это – Хайфа, Аба Хуши¹. Самый большой порт в Израиле. Новые иммигранты разъезжаются отсюда по стране. Здесь был древний город, но теперь всё чисто. Подземка на Кармель. Первая в стране.

Город красивый, словно Неаполь ночью. Видите, вот там? Это ночная жизнь Хайфы. Классно, а?

Вот кибуц Ягур – оп-па, проехали... Совместное проживание, свобода. Кому не нравится, может уехать. Идеальная жизнь, но не для меня.

Наверху – Кармель. Транспорт. Ох, и трудно получить лицензию на машину.

Кладбище, могилы. Ну, еще не сейчас.

Мишмар а-Эмек, то же самое, только принадлежит А-Шомер а-цаир. Арабы напали с пушками, но Ицхак Саде отбил, арабы бежали. Зачем распустили Пальмах, а?

Понедельник.

Здесь конюшни царя Давида. Вот строят бензоколонку, а там меня ранили.

---

¹ Мэр Хайфы с 1951 по 1969 год.

Вот шоссе «Линейка». Почему «Линейка»? – Прямое. Хочу поменять машину, но не дают лицензию. Если дать что-нибудь – конечно, другое дело. Попьёте чего-нибудь? Ладно, это за мой счёт... Говорят, в Америке можно купить поддержанное такси за гроши.

Вот Афула, столица Эмека. Оп-па, проехали... Кибуцы, кибуцы. Керен а-есод. А раньше тут было болото, лихорадка. Там наверху Саул бросился на меч, сделал это сознательно.

Вот Бейт-Шеан. Очень старый город. Теперь современный, кварталы Амидара, предприятия Ротенберга. Были наши, а теперь нет. Неважно. У нас есть генераторы. Ремонтники. Трагедия еврейского народа до Ашдот-Яков. Кibuц, варенье. Гистадрут, Солель-Боне, Ампал, вкладывайте капитал, окупится. Может быть.

А это – Дгания. Мать квуцот. Столовая. Морозильник. Трава, выживаемость. Молочный завод и Кинерет. Кинерет. Кинерет вот до забора. Иордан. Можно фотографироваться. Вот там стояли сирийцы. Мы – здесь. Сказали: не отступать. Окапывались. Меня ранило.

Горячие источники Твери. Против всех болезней. Император Тиберий, крестовые походы. Ибрагим-паша. Здесь был красивый арабский город. Разрушили бульдозерами. На деньги Магбита.

Там Капернаум. Табха. Иисус ходил по воде. Мы очень уважаем все религии, главным образом - иудаизм.

Сирийцы там наверху, иногда стреляют. Рыбаки выходят ночью. Горы Галилеи.

Цфат. Улица художников. А вот хасиды. Оп-па, одного почти сбили... Древние синагоги, фотографируйте. У меня есть приятель, который получил в подарок автомобиль от пары туристов. Он был ранен легче, чем я. Оливки, оливки. А вон вдали море. Красивая страна. Техниколор.

На том холме построят родильный дом Хадассы. Здесь построят завод на средства от оставленной собственности. А там меня почти ранили.

Маабарот. Еврейское агентство. Клуб ВИЦО. Клуб Организации трудящихся матерей.

Вот Акко, паломники, тюрьма. Сумасшедший дом, рынок, выходим.

А это залив. Завод по обжигу кирпича.

Хайфа. Вот и гостиница. Спокойной ночи.

Вторник.

А, это пустыаки. Просто роскошный пейзаж святой и древней земли. Скоро приедем в Беэр-Шеву. Кибуцы, мошавы. Поселения олимов. Предприятия, трубы. Сельхозтехника, Сохнут и Керен а-есод.

Вот Беэр-Шева, оп-па, проехали... Древний город, праотец Авраам, копал колодцы, а сегодня раскапывают древности, строят кварталы, а вот Сде-Бокер. Би-Джи жил тут с Полей, учил греческий и пас скот. Однако все проходит, как сказал Гераклит.

Вот Негев.

Вот пустыня.

Какие просторы, а? От горизонта до горизонта.

Пустынно.

Вы видели такую пустыню?

Пустыня, безлюдье.

Это ещё что...

А вот увидите пустынность Эйлата.

Фантастика!

Пустыня, два дерева и один плакат.

Всё, что вы видите здесь, это с момента создания Керен а-есод.

А это - Эйлат. Оп-па, повезло, что не проскочили...

Чёрт бы вас побрал, господин Идельман!

Вы, ашкеназы, у вас вообще никакого стыда нет.

Почему? А почему ты не стесняешься писать в газету, что я как сосед мешаю тебе жить? Чтоб тебе так в гробу мешали, как я мешаю тебе при жизни. Да ты можешь убить человека, а потом плакать на его похоронах. Ханжа. Не думай – я ведь видел твоё письмо, чтоб ты треснул. Ты пишешь, что я храплю по ночам, не дай Бог. Да что б я сгорел на месте с тобой заодно, если я хоть когда в жизни храпел.

Скажу тебе ещё кое-что: да в первый раз я узнал это слово из твоего письма, чтоб мне в жизни всё было хорошо. Я храплю? Да что б у тебя такие храпы из ушей раздавались, если я храплю. У нас дома вообще такого нет.

Рыгать – это да, это правда.

Отрыжка, приятель, это вообще принято в хороших семьях. Закусив, человек должен слегка рыгнуть. Поев основательно – рыгнуть громко. Почему? А как же, если не рыгнуть, господин Идельсон? Вы же большой умник, работаете

в Сохнуте и всё такое, как же не рыгнуть? Скажи, как же мы тогда узнаем, что человек сыт? А? Рыгнул – понятно, заканчивай есть. Вот папа мой, мир праху его, когда ещё был жив и болел, ел только простоквашу. Заканчивал кушать – и из вежливости так рыгал, что весь квартал приходил пожелать ему: «На здоровье!»

А сейчас по поводу моих ссор с женой...

Зачем? Ну зачем, скажи мне, тебе нужно прилипнуть своим грязным ухом к стене и слушать, что происходит у нас в квартире и что мы целый день кричим друг другу? Почему бы тебе вместо этого не послушать радио?

Какое тебе вообще дело, что я делаю со своей женой? Ты что – папа её? Чёрт бы взял твоего отца! Я хоть раз тебя спросил – что ты делаешь со своей женой? Только не подумай – я ведь тоже слышу, и слышу очень хорошо... И уж поверь мне – когда я слышу, что у вас происходит, мне хочется стать глухим.

А что за фигура у твоей жены! Будто, когда она рожала, кто-то сидел у неё на лице. Неделю назад ты отправил её отдохнуть в Тверию, так? А сам привёл домой какую-то секретаршу с пишущей машинкой, а? Стук машинки я не слышал, а вот другие постоянные звуки – так целый день... А уж как ты с ней храпел, а упрекаешь меня... Чёрт бы побрал партию, что привезла тебя сюда, ей-богу.

Как сочинить анекдот на все времена

Однажды один еврей купался в море, вдруг видит – рядом с ним проплывает огромная акула. Только увидел – сразу выскочил из воды и начал одеваться. Не успел одеться – рядом проходят два сумасшедших. Один говорит другому: «Хочешь сбежать из психушки? Очень просто: я включу фонарь, и ты выберешься по его лучу». Второй отвечает: «Чего это я должен сбегать? Пусть они бегут, я был здесь раньше».

Ладно. Этот еврей оделся и вошел в автобус. Вдруг видит – на передних местах сидят священник и раввин. Он сел за ними и думает: «Интересно, о чём они говорят?» И тут священник спрашивает раввина: «Когда ты, наконец, согласишься поест со мной из одной тарелки?» Раввин отвечает: «На твоей свадьбе». Священник: «Да это чепуха, у меня есть дела поинтересней».

Врач закончил рабочий день и отправился домой. Входит и видит – что-то не в порядке: жена лежит в постели, а её одежда разбросана по квартире. Врач открывает платяной шкаф и обнаруживает в нём какого-то еврея.

Врач: «Что вам нужно в моём доме?»

Еврей: «Хорошо, что я встретил вас, доктор; у меня боли в боку, просто с ума схожу».

Врач: «Мне кажется, я вас знаю. Ваша фамилия Рабинович?»

Еврей: «Да».

Врач отвешивает ему звонкую оплеуху и в гневе выходит из дома, а еврей начинает хохотать.

Женщина: «Что ты смеешься, идиот?»

Еврей: «Я его провёл: моя фамилия не Рабинович, а Дрюянов».

Женщина: «Очень приятно, а я Хася».

И тут вдруг звонит телефон, и женщина снимает трубку: «Алло?»

Мужской голос спрашивает: «Это 23444?»

«Нет, - отвечает Хася. - Это 23445».

Мужчина: «Извините, что разбудил вас».

Женщина: «Ничего страшного, так или иначе мне нужно было встать – телефон зазвонил».

Еврей выходит на улицу и заходит в бар, чтобы выпить рюмку водки. И тут в этот бар входят русский, француз и англичанин.

Русский: «Давайте посмотрим, кто раньше опьянеет».

Француз: «Посмотрим».

Пьют-пьют-пьют.

Русский: «Что делает шотландец, когда падает в Чёрное море?»

Тут вмешивается еврей: «Сначала заправляет авторучку».

Русский: «Это напомнило мне отличный анекдот. Секретарь парторганизации приезжает в колхоз, чтобы прочитать лекцию о прекрасном экономическом положении Советского Союза.

- Вскоре у каждого гражданина будет собственный вертолёт.

- Э-э-э, - бормочет некто из первого ряда, - а зачем мне вертолёт?

- Как же, - отвечает секретарь, - предположим, что в Одессе вдруг «выбросили» спички. Вы садитесь в вертолёт и прибываете туда, чтобы быть первым в очереди.

- Уже не нужно, - скрипит гражданин из первого ряда. – Я бросил курить...»

Русский: «Не смейтесь, положение у нас действительно хорошее».

Француз: «Если так хорошо – почему так плохо?»

Русский: «А у вас негров линчуют».

Эти трое в баре продолжают пить. Пьют, пьют, пьют. Вдруг в бар входят лошадь¹ и возчик. Лошадь обращается к бармену: «Налей-ка мне пол-литра виски!» Тот наливает и спрашивает у лошади, указывая на возницу: «А что для него?» Лошадь: «Ничего, ему нельзя пить, он же водит».

Тот еврей слышит, что лошадь разговаривает, и получает шок. Ну, его отвозят в дурдом, раздевают донага, привязывают к кровати и накрывают простынёй. Каждые несколько минут к нему подходят два человека в белом, приподнимают простыню и смотрят. Наконец еврей спрашивает:

- Ну, что со мной?

- Да откуда нам знать, - отвечает один в белом. – Сейчас придёт доктор и осмотрит вас, а мы всё больше по побелке.

Ка-а-роче, появился доктор. Еврей говорит ему: «Доктор, своими глазами видел лошадь, пьющую виски и говорящую на иврите с английским акцентом».

Доктор: «Да это что! Моя собака играет в шахматы».

Еврей: «Собака?! В шахматы? Где о таком слышали? Я с ума сойду. Эта собака - гений!»

Доктор: «Да какой она гений?.. Два раза «зевнула» ладью – вот я и выиграл».

Ладно, потом-таки осмотрел пациента, выяснилось – здоров. Отпустили еврея домой. Идёт еврей домой, по дороге встречает косоного человека. Тот говорит нашему герою: «Смотри, куда идёшь!»

Еврей говорит ему: «Рассказывают, что однажды негритянка встретила на улице Марка Твена и попросила: «Не могли бы вы отвезти меня домой?»»

МаркТвен: «What? All the way to Africa?»

Негритянка: «Да нет, я живу в Гарлеме».

МаркТвен: «There is no harm in Harlem».

Еврей: «По-английски это забавная игра слов».

Косой: «Прекрасно, но всё-таки смотрите, куда идёте».

---

¹ Не отсюда ли название юмористической книги Давида Гроссмана «Одна лошадь вошла в бар»? Изд-во «А-Кибуц а-меухад», 2014, и многократные переиздания.

Ладно, еврей внимательно смотрел, куда идёт и дошёл до железной дороги. Вдруг его ботинок застрял между шпал, а поезд приближается. Еврей дёргает и дёргает ногу – не получается освободиться, а поезд приближается. Буквально в последний момент кто-то подбежал и разрезал ему шнурки на ботинке. Еврей вытащил ногу и спасся. Спаситель спрашивает: «А чего это у тебя голова забинтована?» - «Да просто фурункул».

Ладно, наш еврей (не тот Рабинович-Друянов, что получил оплеуху, а тот, которого чуть не сожрала акула) выходит из автобуса и заходит в баню. Идет в парилку и видит сидящих на скамье финна, гренландца и новозеландца.

Финн: «Давайте посмотрим, кто дольше выдержит здесь».

Гренландец: «Посмотрим...».

Сидят, сидят.

Новозеландец: «Некогда у меня был попугай, который умел рассказывать новые анекдоты. Как-то он говорит мне: «Ты слышал, однажды Мери Пикфорд предложила Бернарду Шоу сделать ей ребёнка. А Шоу и говорит: «А что, если он получится умный, как ты, и красивый, как я?..»

Наш еврей вмешался в беседу и говорит: «Шлёнский однажды классно сказал о Бернарде Шоу: «Шоу был блестящий бизнесмен. Он был не просто Бернард Шоу, он был Шоу-бизнес». Шлёнского спросили: «Почему?», и он ответил: «А потому что The Bernard Shaw Must Go On». По-английски это классная игра слов: show – это представление, а Бернард Шоу написал много пьес, а это шоу-бизнес. Гениально».

Гренландец говорит: «Да это что... Вот однажды Гершеле Острополер приходит в Хелм, а всю ночь шёл снег. Жители Хелма не хотели топтать чистый свежий снег, поэтому обратились к Гершеле: как быть, ведь староста должен ходить от дома к дому, чтобы будить людей на утреннюю молитву?»

Гершеле: «Да у меня голова полна других забот: жена болеет, дети кашляют, денег нет, да ещё сортир засорился».

Думали-думали жители Хелма и придумали: шесть мужчин поднимут старосту на плечи и понесут от дома к дому. Так и поступили. Входят в первый дом и видят: еврей расхаживает с непокрытой головой. «В чём дело?» - спрашивают у него. «У меня есть принцип», - отвечает еврей. Ста-

роста взглянул на его голову и говорит: «Это не принцип, это - лысина».

Финн рассказывает: «Как-то ходил Диоген со свечой в руке. Его спросили: «Что ты ищешь?» – «Ищу честного человека». И вот однажды он пришёл в Румынию. Его спросили: «Что ты ищешь?» – «Ищу мою свечу...».

Гренландец и новозеландец расхохотались до слёз, а еврей обиделся и говорит: «А вы думаете, что у вас полный порядок? Так я вам расскажу. Входит однажды новозеландец в ресторан, и в одном ухе у него морковь, а в другом – хаса. Официант подходит к нему и говорит: «Извините, господин, это – ресторан, запрещено приносить салат из дома».

Новозеландец: «Это не для меня, это для моей собаки».

Официант: «Нечего мне сказки рассказывать; с каких это пор собаки едят овощи?»

Новозеландец: «Хотят – едят, не хотят – не едят»...».

Перевёл с иврита Александр Крюков

АРФА И ЛИРА

Произведения современных азербайджанских авторов

Маир Н. Караев

Полковник

Полковник был при смерти.

После лишённых всяких эмоций последних слов старого профессора с лысой и гладкой, словно гусиное яйцо, головой, ни у кого не осталось надежды на его выздоровление: ни у бледной, как полотно, Дарьи Самойловны, ни у Катерины Васильевны, непрестанно вздыхающей, утирая наворачивающиеся на глаза слёзы, ни у Михалыча, то и дело откидывающего крышку своих допотопных карманных часов, чтобы уставить из-под очков с золотой оправой на тихо тикающие стрелки.

Перед уходом профессор сказал:

– Протянет ещё от силы три дня!

Профессор, чуткий, как гусь, сказал это прямо в глаза Дарье Самойловне, стоящей у изголовья Полковника и смачивающей его иссушенные губы мокрым платком. Этот человек со странно сопящим плоским носом даже не отозвал её в другую комнату. А это было неуклюжим намёком на ужасающую краткость отрезка реальности между болезнью и смертью; реальности, не оставляющей никакой надежды. После этого сурового заключения, холодный, как сталь, голос профессора обронил:

– Я абсолютно бессилён!

И профессор вышел из комнаты. Как только за ним закрылась перекошенная дверь с железным затвором, Дарья Самойловна, зарывав, прижала мокрый платок к глазам, Михалыч, откинув крышку, устался на стрелки карманных часов, а Катерина Васильевна, глубоко вздохнув, на сей раз расплакалась по-настоящему.

Но прекрасно знающий своё дело профессор на этот раз допустил пару ошибок, подобных еле заметным крапинкам на гусином яйце. И что самое интересное, - это почувствовал только Полковник. Блуждающий разум Полковника пока ещё не угас окончательно, не растаял без следа в тёмной пучине сознания, и как бы мучительно ни было, словно на самом дне глубокого колодца, он пока ещё был в силах

уловить некоторые нюансы. Связывающая его с жизнью истончившаяся нить выдержала бы ещё от силы три часа, но не три дня – Полковник был совершенно уверен в этом так же, как восемь месяцев назад вдруг поверил в вероятность выздоровления сына. И потому он даже бровью не повёл, услышав доносящийся издали холодный голос профессора. К тому же, вот уже три дня, как Полковника донимал полный отчаяния визг чёрного щенка. Он не слышал больше ничего, кроме этого истощного, душераздирающего визга, терзающего его слух.

Всё остальное: сдавленный плач Дарьи Самойловны, вздохи Катерины Васильевны, пугающее тиканье часто открывающихся карманных часов Михалыча – словом, все прочие звуки утонули, исчезли, растаяв в этом визге. Точно так же острая, как кинжал, фраза профессора затупилась, смешавшись с этим визгом – отчаянье щенка не давало покоя Полковнику; он забыл обо всём, кроме этого щенка, и ничто его больше не трогало. А щенок всё скулил и скулил...

Полковник женился поздно; когда улыбка в голубых глазах Дарьи Самойловны своей необыкновенной проникновенностью тронула его, - возраст уже перевалил за половину отмеренного ему века. И он, со свойственной ему пронизательностью, то ли в шутку, то ли всерьёз называл день женитьбы началом новой эры в своей жизни. Дарья Самойловна в то время была всего лишь двадцатитрёхлетней взбалмошной девчушкой, и эта запоздалая страсть спустя ровно девять месяцев подарила Полковнику голубоглазого мальчишку.

В один из тех счастливых вечеров верные соседи Михалыч и Катерина Васильевна пришли к ним с поздравлениями. Тогда, найдя возможность, Михалыч долго жаловался за столом на свою никогда не рожавшую, похожую на свеклу, круглую жену. Но что толку?! Краснощёкой, как бурак, женщине в тот вечер было всё равно: она была занята выбором имени для ребёнка, и, перебирая имена, тут же отвергала их. Вот поэтому тщедушный Михалыч и отдался в распоряжение рослого седеющего майора (тогда Полковник был ещё в звании майора), и так налегал на горячительное, что в итоге оказался не в состоянии ни языком ворочать, ни на ногах устоять. Последние слова застряли у него в горле, и он заснул прямо за столом...

Окружённый заботой четырёх родных людей, Серёжа быстро подрос. Ростом он уродился в отца, а с лица похо-

дил на мать. Беспредельно счастливая Дарья Самойловна разве что не летала от гордости.

В один из вечеров, когда Полковник вместе с женой радостно глядели на кудрявого сына, сумасшедший страх вспыхнул в глазах отца. Полковник вскочил и так подался навстречу ребёнку, что у Дарьи Самойловны защемило в груди. Он стал взволнованно осматривать ребёнка (Полковник был военным врачом); обеими руками взявшись за голову Серёжи, он внимательно посмотрел ему в глаза, затем осмотрел губы, язык и, замерев на минуту, послушал его дыхание; он слушал со страхом, и его лицо темнело.

Дальше Полковник делал все, что угодно, только не отвечал на вопросы растерявшейся женщины, терпение которой с каждой минутой иссякало. Он снял рубашку с Серёжи и уложил его на диван, ещё раз послушал дыхание, осмотрел язык, ещё раз взглянул на зрачки и, наконец, не повернув головы, тяжело проговорил:

– Я думал, он заболел. Пустяки...

Но Дарья Самойловна уже не была двадцатитрехлетней взбалмошной девчонкой, она была матерью тринадцатилетнего симпатичного мальчика, знавшей наизусть каждую морщинку на суровом лице мужа. Она уже прочла всё на его лице, и то, что она поняла, в эту минуту терзало женщину изнутри, раскалывая ее мозг. На окаменевшем лице мужа было написано что-то настолько страшное, что Дарья Самойловна не решилась расспрашивать его. Однако потемневшее лицо Полковника не осталось загадкой, подобной тайне сфинкса; как только Серёжа надел рубашку и вышел во двор, Полковник повернулся к жене:

– Ребенок серьезно болен...

– Ка-а-к?!

– Туберкулёз!..

Дарья Самойловна обмерла от страха и опустилась на диван.

...На следующий день Полковник не разрешил мальчику встать с постели, и с того дня Серёжа больше не показывался во дворе...

Со стороны могло показаться, что молча повинующийся всем указаниям ребёнок онемел, и все усилия упрямого врача, не отходящего от него ни днем, ни ночью, были направлены только на то, чтобы сын заговорил. Но увы, Серёжа «не заговорил» – ровно четыре месяца он не вставал с постели, измучив родных, окруживших его заботой. Число врачей, приходящих из военного госпиталя, в кото-

ром работал Полковник, со временем уменьшилось – несмотря на то, что после осмотра на лице ни одного из них не было надежды, на реальность которой можно было бы положиться, все они считали своим долгом произносить слова надежды у изголовья мальчика. Несмотря на то, что Дарья Самойловна верила им на слово, вернее, боялась не верить, лицо чахнувшего с каждым днем единственного ребёнка было горьким подтверждением тщетности всех надежд.

В конце концов, Серёжа дошёл до такого состояния, что Полковник не мог не то, что успокоить Дарью Самойловну, но был готов чуть ли не рыдать вместе с ней. Однако Полковник не плакал. Он превратился в камень, в гранитное изваяние – не слышал обращенных к нему слов, а если и слышал – молчал; так и застыл, поникнув в углу комнаты. Так прошло двое суток. И только вечером следующего дня, от слов верного соседа, лицо Полковника немного посветлело. Заметив, как шевельнулось его застывшее, словно болото, лицо, Михалыч не упустил этого шанса: быстро отведя Полковника в дальний угол комнаты, он стал шептать ему что-то на ухо.

Дело было в том, что Михалыч рассказал всем на работе о постигшей их беде, и женщина, работающая уборщицей, посоветовала: нужно обязательно найти чёрного щенка и накормить ребёнка его мясом. И теперь Михалыч пытался пояснить это застывшему от горя Полковнику, который не был в состоянии понимать сказанное. Михалычу, Бог знает сколько раз ещё, пришлось повторить Полковнику одно и то же. Наконец, Полковник слегка оживился, и тут же стал метаться, но вдруг только что ожившее громадное тело снова поникло, и Полковник, опустившись на диван, схватился за голову: тридцатипятилетняя врачебная практика восстала против вспыхнувшей лишь на миг надежды.

– Гмм! Ты смотри, туберкулёз и мясо щенка?! Да ещё и чёрного!

Однако эта справедливая ирония, к счастью, прожила всего один миг. Как только мысль о чёрном щенке засела в его сознании, Полковник решил не ломать голову над чудодейственными свойствами собачатины – здесь всё дело было не в мясе щенка, а в его цвете; всё дело было именно в чёрном щенке!

Несмотря на это, Полковник всё-таки не согласился. Он крепился и прекрасно знал, что Дарья Самойловна вот-вот отпустит эту надежду. Полковник понимал и то, что как

только угаснет эта безумная надежда на чудо, Дарья Самойловна обеими руками схватится за него самого; но всё же крепился. Глядя на мужа, Дарья Самойловна прекрасно осознавала, что эта стойкость - от безысходности, и это знание поселило в её голубых глазах такой страх, что Полковник был готов поверить сразу во всё на свете. С другой стороны, болезнь довела Серёжу до такого состояния, что тридцатипятиминутная практика давала больше надежды, чем тридцатипятилетняя врачебная практика Полковника.

Но Полковник держался, как мог.

Через три дня Серёжа в первый раз потерял сознание, и тогда из давно засохшего горла Дарьи Самойловны вырвался крик, который взорвал, как порох, застывшее лицо Полковника и подорвал его выдержку. Звук, абсолютно не похожий на человеческий голос, заставил Полковника поверить во что угодно; и он, подобно снаряду, вылетевшему из пушечного жерла, в один миг кинулся на середину двора. Не помня себя, Полковник устремился на улицу, но не успел ещё выйти из калитки, как Михалыч с той же скоростью ворвался в дворовые ворота.

– Дмитрий...

– Найди и принеси этого щенка!

– Щенок готов, я пришёл, чтобы...

– Скорей!

С несвойственной их возрасту резвостью оба повернули обратно: Полковник ринулся домой, а Михалыч – на улицу.

Только Серёжа очнулся, как в комнату ввалился Михалыч, и быстро повернувшись, защелкнул дверной замок. Полковник не заставил себя долго ждать, он едва ли не умоляя, начал запихивать в горло сына круглые куски полусырого щенячьего мяса. Серёжа как будто всё почувствовал, всё понял – первый раз всё его утомлённое естество из последних сопротивлялось упрямому отцу...

...Полковник ждал чуда. Однако спустя некоторое время Серёжа снова потерял сознание, и тогда широко раскрытые глаза Полковника со всей ясностью увидели с высоты тридцатипятилетнего опыта, что дела плохи. Затем его глаза сильно зажмурились, капнула невесть откуда взявшаяся слеза, но он этого не почувствовал; прислонившись к стене, он ушёл в себя - вместе со всем, во что до сих пор верил и на что надеялся на этом свете. А на последнем дыхании Серёжи он превратился в громадный камень...

С того дня в жизни Полковника началась совершенно иная эра – полностью разбитый Полковник напоминал за-

стоявшееся болото. Вскоре он слег. Болезнь длилась долго: ровно восемь месяцев, до того самого вечера, когда прозвучала последняя фраза старого профессора. Ровным счётом – восемь месяцев. Все эти месяцы прошли в глухой тишине; с этой тишиной смешались боль и тоска. К тому же полная тоски и боли тишина, поселившаяся в глазах мужа и жены, была одинаковой; разница была лишь в том, что прикованный к постели Полковник с утра до вечера делился этой болью с неопределенной точкой высокого потолка, от которой не отрывал глаз, а Дарья Самойловна по утрам уносила эту тоску с собой, а вечером возвращала её обратно домой.

Михалыч, считавший своим долгом каждый вечер после работы навещать больного, и проводивший всё своё время у железной кровати, пытаясь отвлечь Полковника, болтал о чём попало, и будучи уверенным, что его не прервут, совершенно не вникал в то, о чём говорил. На самом деле от этого пустословия Полковнику не было ни жарко, ни холодно, потому что, как только верный сосед замолкал, Полковник каждый раз говорил слова, абсолютно не касающиеся его рассказов:

– Михалыч, мне не так обидно за смерть ребенка... Я не могу себе простить щенячье мясо.

Тогда Михалыч опускал глаза, или же откидывал крышку своих допотопных карманных часов, чтобы молча уставиться на их стрелки...

Вот уже несколько дней Полковник слышал только полный отчаяния визг щенка. Откуда его нашли, как его забили, - он не знал и ни разу не подумал об этом. Полковник до сих пор думал лишь о сыне и мучился от воспоминаний о том, как на последнем издыхании кормил ребенка щенячьим мясом. Однако в последнее время он думал и о щенке; думал о том, как забивают щенка, чем его режут – ножом? или топором? После долгих раздумий его затуманенное сознание, в конце концов, остановилось на топоре.

...Да, щенок был самым настоящим, к тому же чёрным; он всё чувствовал, и что есть силы упираясь лапами, скулит и рвался назад. Иногда визг щенка раздавался в ушах Полковника настолько близко, настолько явственно, что его всего переворачивало. Полковник резким движением запрокидывал болевшую голову, чтобы заглушить этот звук в ушах, отдалить от себя этот истошный визг, но сколько ни старался, что бы ни делал, всё было бесполезно – проклятый звук лишь усиливался и приближался.

Когда визг в ушах Полковника усиливался, щенок в его сознании проступал ещё явственней, а в руках у сердитого мужчины в резиновых сапогах был топор мясника, лезвие которого сверкало под солнечными лучами. Даже отвернувшись и зажмурившись, Полковник по-прежнему видел окровавленную свисающую голову щенка; но самым странным было то, что даже после того, как щенка обезглавили, визг не умолкал.

Таким образом, ровно три дня щенок всё скулил и скулил, и ровно три дня Полковник не слышал ничего другого, кроме этого пронзительного визга; все голоса, доносившиеся до него, смешивались с визжанием щенка и таяли...

– Протянет ещё от силы три дня!

И этот голос, доносившийся издалека, медленно затих и исчез. Спустя некоторое время, также издалека, Полковник услышал другой – рыдающий голос. Затем рыдания усилились и стали ближе. В это время Полковник почувствовал во рту неприятный привкус; этот привкус он чувствовал всего один раз в жизни – когда кормил сына щенячьим мясом.

Когда он потерял сознание, рыдания послышались ещё ближе и громче, и Полковник почувствовал этот привкус слишком явственно – настолько реально, словно в эту минуту он пережёвывал полусырые куски щенячьего мяса.

Позже Полковнику показалось, что никто не рыдает у его изголовья, а скулит стая окруживших его с четырех сторон щенков, с окровавленными и свисающими головами. Даже после того, как сознание совершенно покинуло его, Полковник всё ещё слышал этот полный отчаяния визг. В конце все звуки исчезли; не осталось ни одного голоса, никаких возгласов, и он больше ничего не слышал, несмотря на то, что рыдания Дарьи Самойловны и Катерины Васильевны не затихали.

Да, рыдания женщин продолжались ещё долго. На самом деле, им ничего другого не оставалось, кроме как плакать, и, словно хорошо зная об этом, они, сидя лицом к лицу, плакали, не стараясь успокоить друг друга. А Михалыч, как обычно, тихим щелчком открыл крышку своих допотопных карманных часов, и, уставившись на их стрелки, долго сидел молча, не проронив ни слова.

...Прошло ровно три часа с той минуты, как ушел профессор...

ПОЭЗИЯ

Алла Боссарт

Звук лопнувшей трубы

***

Проснуться в пять и воспалённый взгляд
уставить в потолок квартиры съёмной,
где тени предрассветные шалят,
лишенные окраски и объёма,
нам намекает этот театр теней,
что кончен бал, а если и возможна
ещё гастроль летающих коней,
то вряд ли даст своё добро таможня...
Как разорвать дурную полумглу?
В ней свет зажечь – уже, считай, поступок.
Прижаться лбом к холодному стеклу
и думать, думать, думать, думать тупо?
Ну, думаю. Бледнеет след луны,
но скуден небосвод и обезбожен,
а в ощущение лишь звуки нам даны –
дурацких песен, брани и бомбёжек.

***

Ещё один мелькнул, как тать,
трёхсот... да, девяносто третий.
В какой валюте их считать?
В лишённых крова? В мёртвых детях?
В полубезумных стариках,
припавших к чёрным пепелищам?
В крестах, воткнутых впопыхах,
где больше никого не ищут?
В чём счесть его, тот календарь,
те день за днём, весну и зиму,
дотла сожжённых, без следа
домов, и школ, и магазинов,
где яблоневый пенный грех,
где мальвы ростом выше крыши,
где с корнем вырванный орех
горит среди дуплистых вишен?

Как обездоленных собак
исчислить, как зарыть все трупы?
Мой век: Тбилиси, Карабах,
Херсон, Одесса, Мариуполь...
Мой век – расстрелянный аул.
Мой век – расстрелянные толпы.
Что вы считаете, ау?
Какие, в жопу, супер-топы?
От нас, возвращённых на крови,
не жди, мой Боже милосердный,
надежды, веры и любви,
понюхай этот воздух серный!
Взгляни на этот карнавал,
на эти рыла, клювы, пасти...
Как Ты вообще обосновал
создание такой напасти?
Крошится небо на куски,
а к нам летят благие вести
и самолётов косяки,
беременные грузом двести.

***

Ева, она же Хава, шла и шла по пустыне,
в полдень искала тени – камень ли, куст, бархан,
дó ночи там ховалась, покуда песок остынет,
ночью брела, и с сопки глядел на неё архар.
Звёзды ей посылали лазерный свет лазурный,
встроенный в чрево компас вёл её на Дамаск,
где-то пропал мужчина – без вести и без урны,
где-то горели храмы. Зверинцы. Сады. Дома.
Ева, она же Хава, не понимала кары.
Чем она виновата? Чем виноват мужик?
Жили себе и жили, сеяли да пахали,
чужого не брали сроду, просто хотели жить.
Ева, она же Хава, Хивря, Олесья, Ганна –
вязла в огне пустыни, подняв обожжённый лик.
Жёлтая мгла хамсина жгучим кнутом стегала
рыжих, гнедых, бессильных загнанных кобылиц.
Ева, она же Хава, помнила каждой раной,
каждым своим ожогом помнила отчий дом,
берег песчаный левый, берег высокий правый,
золото над дубравой, затканый льном Подол,
пышную пену яблонь, розовый морок вишен,

бальную спесь каштанов, красную глину крыш...
Ева, твой муж вернется. Слышала я, он выжил.
Жди у ворот Дамаска, что по дороге в Крым.
Горят лиловые мальвы, чернеют белые хаты,
минами всходит поле, строят ковчег бобры,
я за тебя молилась, Ева, она же Хава,
чтобы ты одолела бездну твоей борьбы.

Ева, она же Хава, шла по пескам и змеям,
изгнанница, погорелец, казнённая без вины.
Кровавый огонь разрухи, вода, что огня страшнее,
послушные мёртвые дети, ртутный софит луны.

***

Итак, я родилась – давно, среди весны,
в роддоме на Арбате, самом модном,
пять лет, как папа мой вернулся с ТОЙ войны –
той, что звалась священной и народной.
Я уродилась жизнерадостным дитя.
Мне пригодилось это жизнь спусть.

Налаживался быт, пластинки «ultravox»
крутились с песнями на языках нарядных,
снег таял, оседал, ворвались Чейн и Стокс,
а там и телефон повесили в парадном.
Скакала звонко я, как по камням ручей,
боялась маму и зубных врачей.

Как просто было всё в СССР,
кровать отгородили шифоньером,
у мамы перманент, мой папа – офицер.
Их шкаф поскрипывал, и дверцы – из фанеры.
Лифт громыхнул – двор яркий и нагой.
Там дворник с искалеченной ногой.

У снега был тогда особый блеск –
под фонарями, как павлиний веер.
Не верилось, что у родителей есть секс,
и в двадцать первый век никто не верил.
Но век пришел – и волкодав, и волк.
А в сексе предков был известный толк.

***

Извините, люди добрые, что обращаемся,
сами, господи прости, мы не здешние,
мамки, небось, тоже кормили борщами вас,
а вы их потом всё надеждами...

Вот вам крест, по телеку, слово маршала,
жахнем, дескать, по Буче, да и кончено.

А уж год, поди, под Харьковом – старшего,
а малóго – вчерась, на Херсонщине.

Люди добрые, говорю, а как же схороним?
разорвало в кусочки – дитячье, сыновнее...

А они: тут мильон таких, заебись, героев,
а тебе прямая, мать, экономия.

Без обид, люди добрые, мы – не местные.

Ну, а кто тут местные, уж не вы ли?

Кто вас выстругал, какими стамесками?

Матеря-то у вас, нелюдей, вряд ли были.

Это ж кто из вас – подобие Божие?

Может ты, колода? Иль ты, сала шмат?

Дети жён земных – с такими-то рожами?

Вы же сдохнете – вас не пустят в ад.

Пасть закрой, упырь, мне клыки твои – семечки,
что тюрьма да суд тем, кто выгорел...

А малóго моего звали Севочкой,
а старшого, как отец хотел, Игорем.

***

Арабские женщины входят в море, как в воздух,
надменно не замечая кружевного прибоя,
в длинных платьях своих похожие на вуалехвосток,
стоят и колышутся, недоверчиво на море глядя рябое.

Дружные жёны доброго отца их деток любимых,
он болен, и скоро они перейдут к его младшему братцу.

Будет ли он дарить женам бирюзу и рубины?

Будет ли учить их мальчиков плавать и драться?

Арабские женщины бредут по воде к востоку,
за спиною трепещет, будто плавник, хиджаб,
дно бесконечно длится, и жёны бредут к истоку,
тихо смеясь, а мальчики брызгаются и визжат.

***

Есть у меня любимый сад,
там яблоки висят.
И листьев гаснувших парад
дороже всех наград.
Там дом по-стариковски спит,
и лестница скрипит.
Там мыши под полом шуршат,
боятся за мышат.
Слезятся стены там смолой,
и я машу метлой,
сметаю листья прошлых лет,
которых больше нет.

***

Снилось, будто собираю смородину
в красную миску со сколотою эмалью,
на пальцах фиолетовое молозиво,
по десятку ягод с ветки снимаю.
Теперь надо бережно вымыть начисто,
и с сахаром один к одному набуровить.
И вот, добиваясь высокого качества,
я мою смородину в чистой крови.

Снилось, будто мы что-то празднуем.
Город иллюминирован, словно 9-го мая.
Москва в хрустальной паутине маразма,
всем весело, но все мы как бы хромаем.
Все мы пляшем, но как бы чего-то ищем,
неуклюже, точно толпы тюленей,
так как улицы заливают лава густой кровищи,
и приходится высоко задирать колени.

Снилось, будто мой пёс под колёсами
одного дебила не умер, а бродит где-то живой,
и вот нашёлся – в снегу, в безнадёжной осени,
и уши торчком, и пахнет смородиной и травой.
Я целую его, и плачу, и тельце тугое сжимаю,
но вдруг белый бочок окрашивается алым,
и в руках у меня миска со сколотою эмалью,
полная давленной ягодой и листом золотым, палым.

Краткий курс истории

Пахарь, охотник, рыбарь, твоя тинейджер Венера
к праздничку схватит триппер, сын убежит в долину,
жрец объявит священным ложе миссионера
и разрешит кошерным алмазы менять на глину.

Отрядил император с гуманитаркой обозы,
но караван обратно в Рим пришел через месяц
с тою же самой поклажей – золото, хлеб, одежда –
всё оказалось лажей в испепелённом месте.

Тит не спасёт Помпеи, забитые пеплом жарким.
Вы, солдаты империй, спасете убитых вами?
Чужая земля дышала, мирно сучили парки...
Зачем писсуар Дюшана беседующим с богами?

Бог, погляди на Землю, чьи там горят знамёна,
кто высевает в землю зубы чертей кривые,
видишь, как кровью зреет колос в степи за Доном,
и, словно флаги, реют подъятые веки Вяя.

***

располосовало по живому телу
по семьям и одноклассникам
по детям с родителями
по мужу и жене
мы не знали что так бывает
что так может быть
что есть перфорация
по которой нас можно разорвать
но вот разорвали
и сидим как сторожевые псы
на цепи наших убеждений
которые другой считает амбициями
мы узнали что жизнь
за рамками дома и семьи
бывает важнее чем внутри
этой живой изгороди
этой жимолости и плюща
и девичьего винограда
вьющегося по забору вокруг дома

который нет нет-нет сил бросить
лучше умереть на пороге
мы будем стоять каждый
на ступенях своего крыльца
и смотреть как другой погибает
в своем одиноком упорстве
в своих заблуждениях
или в своей правоте
и никогда не поймём
что правота и заблуждения
суть одно и то же
просто как посмотреть
как посмотреть откуда
с какой точки пространства
и конечно времени
я тебя никогда не забуду
я тебя никогда не увижу
написал хороший поэт
старомодный но честно хороший
у него не было этих проблем
а у нас они появились
спустя два века после
описываемых событий
в общем прости меня
я тебя никогда не забуду
если вдруг никогда не увижу

***

Мне сказала старушка с собачкой хромой –
милосердная, кормит всех кошек паршивых, -
вы бы, милая, не возвращались домой,
вы бы жизнь свою прежнюю не ворошили!

Кабы жили спокойно, как я вот живу,
почитай, тридцать лет и три долгие года,
вы давно позабыли бы вашу Москву –
ну, как мать забывает мучения в родах.

Вот калеку нашла: без меня бы погиб,
и окрестные кошки меня уважают,
если дочь навещает – пеку пироги,
летом – ад... Но лимоны по два урожая!

...Тихий мой городок – рай для мудрых старух.
Как хотела бы я стать ее хромоножкой,
и не знать ничего, кроме ласковых рук,
всё забыть и легко умирать понемножку.

***

Слышала, будто бы в Азов опять пришел осётр,
что стала там вода с утра слезы ребёнка чище,
осётр играет, смел, резов, волна его несёт,
и осетровая икра выламывает днище.
Рыбалки предрассветный бриз еще не стёр луну,
прозрачно небо, не дымит завод своей отравой,
и не сыпают пепел тризн в азовскую волну,
но не иссяк пока лимит и правых, и неправых.
Зато иссяк и детский рёв, и детский смех иссяк,
летит по небу детвора, поёт весёлый ветер,
а понизу идет в Азов, бурлит живой косяк,
чья драгоценная икра – представьте, тоже дети.
И снова месяц, искривясь, окрасился багрянцем,
и снова просит инвалид чекушку за труды,
и скачет в поле китоврас, орудия бугрятся,
как осетры, и с ног валит звук лопнувшей трубы.

Осколок лета

***

А мне не новые места – Парижи, Ниццы,
И не немая красота чужой столицы -
Не наполняют теплотой, не льнут, не ранят
И не пытаются со мной дышать на равных.
За руку нежно не берут, не обнимают,
И как по имени зовут меня - не знают.
Им безразлична тишина и уток стая,
И время здесь себе бежит – себя не зная.

Я там, где тишина в чести летит над домом.
Я там, где облако в горсти берёз и клёнов,
Где одуванчик, зверобой, камыш, рябина
И журавли над головой - осенним клином.
И невозможно хорошо: здесь чистит светом
Меня осеннее тепло от грязи лета.
Играет время на часах, поёт органом.
Мои любимые места - бальзам на раны.

***

Дубы разбрасывают жёлуди
Уже тяжёлые,
Жужжит пчела жуку за ужином:
- Давай подружимся,
И жимолость, и подорожник здесь,
И куст крыжовника,
И белка с рыжеватой чёлкою
Орехи щёлкает.
И осень барышней рябиновой
Спешит пройти по кругу озера
И кружит красным и малиновым,
Закатом, уходящим в розовый.
И время остро пахнет пихтою,
И времяпряно пахнет нежностью.
И эта осень тихо тикает,
И по утрам в постели - негою.
Я в щёлку времени - влюблённую,
Я в щёлку времени - как жадина -
Смотрю, и все березы с клёнами
Мне отвечают обожанием.

Взаимная любовь - завидуйте,
А лучше объяснитесь радостно
Со всеми соснами завитыми
В осенние прически радужные.
Взаимная любовь по имени,
По уменьшительному ласково,
Меня зовёт, и сходят ливнями
Обиды - высохшими масками.
И снова радостная осень,
И на часах взросленье века.
И снова ветер переносит
С любовью листья через реку.

***

А осень начиналась так - пожары лета
Висели облаком, и страх летел по свету,
И ветры били во всю мочь
Могучих лёгких,
И ливнем уносило прочь
Дома и лодки.
И недоверчиво земля - рвала, метала,
На наши «добрые» дела
Нам отвечала.

Мы просто продолжали путь
Обычный - равных
К себе пытались повернуть
Лицом нарядным,
Готовили кто щи, кто борщ,
Баранью ногу...
Кому помочь, кого-то прочь -
Всё понемногу.
Себя не зная ни чуть-чуть -
Судили сразу
Всех без разбора - зная суть
И веря сглазу.

А если капельку добра,
Тепла и света
Нам наливала из ведра
Природа летом -
Мы поливали пол и сад
Не замечая,

Как день за днем, за часом час
Увы, мельчали.

Мельчала почва и душа,
Себя не помня -
Как от восторга, чуть дыша -
До катакомбы?..
Как из холодного ручья
Испить водицы,
Какая песня соловья
Тебе приснится,
Какое утро на бегу
Тебя встречает...
За все на этом берегу -
Ты отвечаешь.

***

Пожелтели листья клёна,
Солнце жёлтым красит пуцу.
Тётя Груша, это больно,
Когда осень красит душу?
Может, осени дыханье
Замораживает тело,
А душа, как молодая,
Продолжает петь, как пела?

Расскажи мне, это важно,
Как готовиться к ненастью,
Или это очень страшно,
Или как ложатся масти
Карт - червовая ли, пика?
Или палочек волшебных
Припасти на случай лиха,
Чтобы выхватить мгновенно.

Как природа многолика,
Так душа твоя не схожа,
Тётя Груша, с чьим-то ликом,
С чьей-то совестью и кожей.
Некрасивость увяданья
Заволакивает память.
Или осени дыханье
Пахнет липой и цветами?

И неважно, что надежды
Разлетаются, как птицы,
И неважно, что одежды
Складка ровно не ложится.
И неважно, как помотришь
На себя в осколок лета,
И неважно, что наморщен
Лоб, и мало, мало света.
Это льёт осенний дождик,
Это осени дыхание...
Тётя Груша, разве можно
Поделиться этой тайной?

И не важно, что расскажешь.
У всего свои секреты,
И не важно, что ты знаешь
Всё давно на свете этом.
Важно лишь, что постучится
Непреложною судьбою
Осень в дверь мою, как птица,
И я двери ей открою.
Приглашу на чашку чая,
Или нет - американо,
И мы будем с ней печально
Говорить об океанах
Человеческих желаний
И осеннего участия.
Тётя Груша, как же странно,
Как же страшно это счастье.

Пожелтели листья клёна,
Солнце жёлтым красит пуцу.
Тетя Груша... Это больно,
Когда осень красит душу.

***

Зелёная трава зелёною,
И листья удивлённо в зелени
Идут по сентябрю влюблёнными,
Совсем не замечая времени.
Узорами берёзы длинные,
И тишина, и крылья бабочки
Шуршат, как в сапогах резиновых,
По этому творенью радости.

И дятел молоточком точно
Стучит себе, и ветер движется,
И озеро волнистым почерком
Записывает мысли в книжицу.
И воздух на губах ромашкою,
Цветёт и пахнет ива сливами,
И камыши в халатах замшевых
Стоят себе совсем счастливыми.
И утки так легко, накатанно,
Уверенно за днями осени...
И облака в штанах закатанных
За утками с любовью носятся.
И это время беззаботное
Живёт по самым важным правилам.
Не покладая рук, работает,
Зелёный превращая в палевый.
И полевые травы вежами
К ноге моей легко прижмутся.
Я вроде бы вчера приехала,
А хочется уже вернуться.

Свидание

Я на первое свидание с тобою
Надеваю небо светло-голубое,
Надеваю тишь берёз и клёнов -
Я Ирина, будем же знакомы.
Я на первое свидание с тобою
Принесу заботы, шум прибоя,
Все несостоявшиеся встречи
До тебя - я знаю, ты ответишь.
Ты услышишь и увидишь точно:
Что пригодно, что уже не срочно,
Что оставить, что забыть навеки -
Твоё слово мою душу лечит.
Твоё слово - красная рябина,
Шум дождя и ствол осины длинной -
Прямо в небо, без тоски-печали,
Твоё слово - словно мать качает.
Мне два года, я больна ушами,
Мне так больно, как потом - ночами,
Как потом - предательство и смута
На душе - вот так я стала мудрой.
Что ещё на первое свиданье

Принести - горшок с цветком герани,
И цветок оставшейся надежды?
Мы обсудим, разговором между.
Как же мало надо человеку -
Шум дождя и мостик через реку
В лес, и синева над головою,
И свидание... с самим собою.

***

Зависима, завидуйте -
от листьев в плеле твидовом,
от камышей простуженных,
от тучки налегке,
от тёмной тины озера,
от гладкой кожи розовой
на платье пышном розы,
от лестницы к реке.

От этого открытого
пространства, с небом слитого,
сливового, толкового,
тактичного совсем,
и всеми уважаемого
за ясность и внимание,
и главное - желание
быстрее сдаться в плен.

На ужин - чай под липою,
под крышею завитою.
Часы тихонько тикают,
и тихая луна
накрапывает дождиком -
зависимая дольщица,
по долькам дней, по долгим я
уже схожу с ума.

Зависима - записывай
и в фейсбуке, и в твитере -
берёзы, клёны с липами
мне кровная родня.
Ты только будь такую же -
блондинкой тонкокожею,
так на меня похожая...
За всё люби меня.

Желтый ветер

Алыча

Вдоль улицы лежат дома,
Как перевернутые баки.
Летит платок соседской бабки.
Глаза растерянной собаки,
Как два невыбитых окна.

Дрозд ошарашенно молчит,
А голубок на крыше гулит,
Пророча миру ли, врагу ли
Три мига и четыре пули —
Во лбу четыре алычи.

Остолбенелые коты
Дымят горелыми хвостами.
В момент меняются местами
Земля и небо. Над кустами
Птенцы в гнезде открыли рты.

И распускается цветок
Зловонный, хищный, гнойно-алый.
Вот крыша с голубем упала.
Вот пёс зовёт из-под завала.
Вот бабкин кружится платок.

Стороны вечера

Ветер дует жёлтый и оливковый.
Поздний луч на огненной трубе.
С севера заходит темноликая
Ночь, сгоняя звёздных голубей
С тучи. Фиолетовая бабочка
Сумерек спустилась в гущу трав.
Запад залила заката патока.
Месяц чайной ложкой серебра
Потчует кофейный контур тополя.
Вербы с веток льют в озёра ртуть.

На востоке дышит дымка тонкая.
Спят проулки в синеве по грудь.
Всё янтарней огоньки оконные.
Всё сапфировей фонарный круг.
В небе, словно тайной цепью скованный,
Длинный крик гусей летит на юг.

Противостояние

1

Убивали души скопом.
По шеренгам, по окопам
Бил огонь густой.
Души крыльями шумели,
Защититься не умели
Честной чистотой.

Убивали жизнь поротно,
Поземельно, понародно.
Плановый отстрел.
И безропотно лежали,
Никого не раздражали
Горы тихих тел.

Те, кто жгли, стреляли, били,
Быстро воспроизводили
Свой бездушный мир.
Светы, жизни, души, лица
Не пытались повториться.
Каждому свой миг.

Мир цветной и разномастный
Заливали серой массой,
Воздуха лишив.
Но под слоём этим липким
Взял чужак какой-то скрипку
И нашёл мотив.

2

И с мелодиею этой
Шёл скрипач по серу свету.
Вязкий морок стыл.
И — гляди, какое чудо! —

Вырастали из-под спуда
Яркие мечты.

Там, где музыка играла,
Серость прыть свою теряла
И крошилась вдрызг.
Оживали души снова,
Покартинно, постихо́во,
Шли на зов игры.

Те, кто бил, входили в раж, но
Мёртвым умирать не страшно.
Пройдено уже.
И, творя зарю крылами,
Шли поэты над полями.
Мир лежал во рже.

Шли актёры, дирижёры,
Музыканты, режиссёры,
Регги, рэп и джаз.
И с ужасною гримасой,
С визгом исчезала масса,
А за нею ржа.

Мимо звёзд и солнца мимо
Вёл скрипач неповторимых,
Ноту света для.
И под небом васильковым
Только музыкой и словом
Выжила земля.

Довоенный идиш

Вход на представление, как в картину Эль Греко – заужен и росл, но протиснуться в расщелину – и попадёшь на лужайку, отложенную в клезмерских музыках...

Подателям их, от музыкальных снастей до косых зелёных штрихов под штиблетами – полвека и ещё полстолько. Зёрна света налипли на сносившееся до нитей кашне скрипки, скачут с обросшего вербой кларнета, с отдушин сплюнувшей вишнёвые кости флейты, со шпингалетов и монет аккордеона – на пальцы музицирующих, обращаясь в перстни и кольца с бирюзой.

Когда на двадцать лет окрест – никого, с кем пускались в странствие – и седьмой воды, вдруг – эта ноющая знакомым голосом скрипка и распетые хрипящие, шершавые задненёбные...

Хотя мои родные обитали в еврейской доле Белостока, но у кого – русская гимназия, у кого – реальное училище, и в доме, что незапамятно вился вокруг меня, ни один не говорил на идише – и эти флейты сплюнули свой язык до последнего звука – за спасение от германского жарника...

Разве прилипшее к небу полуритуальное, полунасмешливое: «а, азох-н-вэй!» – а я кое-как возвращаю их долги чужому языку, пытаюсь сложить – божков...

Не обличать же себя в нерадивости.

И объяли меня сии музыкальные орудия: сутулая скрипка на слёзном глазу, и надменноспинный, в клочьях седин кларнет, и аккордеон в шлафроке из поздравительных открыток, и раньше прочих успевающая направо флейта-лиса...

Так и сыплют вопросы: ну, что слышно? Как своевременны и интересны мои обеды? Глубоки ли мои одежды? И работа – аф идише? Не подбросить ли мне пети-мети?

А лису, снова двинувшую первой – вприскокку в лучший сад, интригуют мои отметки в школе...

Ну, зайгезунт! Здоровье на твою нездоровую голову!

Не всё сразу идёт в руки, вздыхаю я. Лишь сегодня мой слух огорчили незрелые причитания на трамвайном изво-

зе: когда вы, наконец, подарите мне огнетушитель? А рацию? И скоро ли я смогу побеседовать с военными специалистами?

Так и тянет – заключить в объятия ту и эту мелодию, расцеловать в обе щеки...

Как не хочется расставаться с музыкантами... Впрочем, и эти – видимость. Интересно, что случилось с их инструментами?... С кольцами и камнями, украсившими их пальцы? С их нафталиновыми шуточками?

Но, чёрт возьми: кажется, иудейские музы болтали со мной на довоенном идише – и я всё понимала!

***

Не смотри на Писарева, он безотраден
и в которой ни появишься обновке –
непунктуален и геростратен,
слеплен из опресноков,
а в колонках глаз его – канцелярские кнопки.
Шепчут: Падший сел в его балконные травы,
Завивал их и перекрашивал в дурман,
выхолен, ограничен.
И не с тех ли весёлых ящичков восходит
не опадающий от П. ядовитый хохот?

***

Просмеявшись, он произнёс – гори все огнём!
Налицо – пироман.
Говорят, в него была влюблена тюрьма,
правда, не слишком долго...
И зачем ей все эти ортодоксы –
ржущий, пишущий, машущий головней?
У неё и отменных вдосталь,
а у этого – липнувшие вздохи.

***

Не смотри на Писарева, он никогда не спит,
а polegших лорнирует, как выноносый шпиль.
Верно, он был укушен вставленным в каракурта,
хотя, скорее всего, подкуплен.
Но в народе этот нагорный пик
прозывается – Три Вершины скуки.

***

Не читай ни буквы его: он махал пером
той из птиц, что оправилась на крупную инспектуру,
и перо его поперечно и преступно!
Правда, что в бумагах ни намантулит,
в грядках выпаханных им строк
цветёт горох.

***

Слышно, за пироманом П. ухлёстывала вода,
проливалась ему везде и всюду,
налетала с незванными поцелуями, как Иуда,
то обнажена, то в чумной бауте.
Не гуляй с ним по водам ни пехом, ни на судах,
наш смехач обожает сбросить с юта
ту-другую персону, а то и кучу:
так подносит дары своей плескучей,
ну, а как не ссудить ей на баловство?
Миг – и бойко слизнула самого.

***

Пожалуйста, пожалуйста на этот блошинный рынок, развал
по обмелении нашей улицы. Можно приобрести, например,
прошлогдние листья и выложить перед дверью коврик.
Вот милостивая трава, что сеет себя сама и не пеняет
на любительское земледелие.
Вот спустившиеся с разных высот ягоды – рябина, ирга,
боярышник и фефелы шишки – все готовы срастаться в бу-
сы, мониста, браслеты – в любой преемственности и убе-
дительности.
Кипа засохших ветвей – спилены в наказание за прогулки
по чужим окнам. Охотно обратятся в указки и всем укажут,
на что смотреть нельзя.
Это осыпавшиеся яблочки размахом с пинг-понговый шар,
или с фарфоровый глаз, или с клубок нити, что двинет
путника на десять шагов. Юродивая яблоня баловала их
лето напролёт, чтоб бездарно устлала траву, и разве птица
или чей каблук клюнут яблочко раз-другой – тут ему и амба.
Пустая оправка от очков – и стёкшая в монокль чернавка-
линза. Можно дарить зрителю вашей бахчи, что гонит
рукавами пернатых, или новогоднему дереву, а то не ждать
повода и украсить любой предмет.
Вот камни от разрушенного дома, из них снова можно стро-
ить. Но прежде хорошенько отмыть в ручье, а лучше – в

болотной воде, потому что в них въелись бой часов, чьи цифры сменили на сытых мышей, и ненормативная лексика пса, каковую изливает уже в облаках – на лайнеры и летающие тарелки, и дребезжащие голоса отца и сына, что невозможно слушать, и потрескивают от отвращения к себе – и к своей бесплодности.

Пух колотых подушек и куски ватина с лишённой чина двери, к исходу лета их захочет цопнуть чертополох, успевайте!

Вот шкатулка с резким фетором прошлого – некто купил её втридорога у высохшей в призрака уличной дамы – и, завернув за угол, отсадил в наши травы.

Старые фото, усыпавшие склон. Похоже, лица, ведавшие, кто это, тоже выветрились. Можно выбрать интересное, очистить и представить как неизвестные работы Родченко, или Прокудина-Горского, или Наппельбаума и назначить – своими предками.

Вот дно от бутылки шампанского, распитой три года тому, когда некто вскарабкался на Эверест. Или, кажется, прыгнул с луны на парашюте.

Вот тень мятущегося дерева – готова посвятить себя балету. Вот растоптанные наушники, которые кто-то использовал обратно роли – чтоб задуть хор, неотступно репетирующий «Реквием», но выяснилось, что репетирующие ошиваются внутри его головы.

Попрыгунья-закладка – перескакивала по несколько страниц в величайших книгах!

Здесь добрые птицы оставили угощение – членам вашего сада.

А этот сугроб золы – столетие, по чьём прошествии разрешили посмотреть запись некоего судебного разбирательства, но лета не понадобились.

Всё – буквально за копейки: за горсть семян нездешних цветов. За саженец достоверного дерева. Наконец, за посох, опираясь на который, оно устремится в выси.

В конце концов можете забрать всё – за так.

***

Топать по этой пешеходке,
ровне прошлому веку –
легче тем, кто всеми отвергнут.
Каждый шаг приклеивает подмётки,
будто шпаришь по минному полю.

Все стоит набычась,
в перепонках потрескивает хоррор.
Ну а кто здесь клялся улицей Доброхотов?
Лишь моргнули о неизвестно чьей добыче.
Цепь шагов – какая трагическая цепочка событий!
Вслед за каждым маловеликим
каменным органом: особняком-павлином,
за стриженной в ирокеза астрой
в той-другой балконной петлице
цаплей из камышей взлетает арка,
а не то пересиливший кокарду
ход во двор, в провал – чёрен или кровав,
в перебивший улицу интервал:
раз – и плюнет струёй автомобильную тварь,
чтоб, прижмурив фары, разбросив фалды,
без проблем растащила тебя по асфальту...

В крайнем случае самарянин ветер, из дылд,
переполнив щеки и накатив кадык,
сдует с каменных – кров, флюгарку,
жующую гарь кубышку...
Не улица, но везущая смертную пасть кобыла,
все копыта ей лакирует чернобыльник,
и сквозь зыби её гуляют – одни рябые...

Или наш протектор ветер, меняя лица,
времена, селитьбы, улицу на ослицу,
срежет с каменных стен со свистом
скальп, ворону, плетущую дым воронку...
Хуже, если вслед за опять рассрочкой
через роздых – ничто не возобновится.

***

Из прохудившихся медных посуд,
из простодырых кленовых, еловых и хлебных,
плывущих в эфире или надетых на сук,
брызжут брачные гимны и восхваленья
следопытам, кто нашли, что искали,
и сошлись со своей находкой в блок или в клику,
в коалицию, фракцию, телефонную книгу,
в братство двух, а то и пяти колец,
в окружение неведомыми веками...
Соединились – и горы с плеч!

И на радостях все заговорили одновременно:
голос-рокот и три папируса смеха,
бас-полковник и зудейский стекольник,
глас ко-ко-ко – и сам колокольчик,
и не помнящий ни бельмеса...
Загалдели на собачьем и на сорочьем,
кротким утренним отвечали – из вечерних,
с перезвоном и бульканьем харчевным,
и меж них – наигранно, сатанински весел –
кое-кто взывал: короче!.. короче!..

А о чём они расшумелись? Нам о том неизвестно,
нашинкуй-ка хоть фразу в этом содоме.
Лишь один непереносимый контртенор
пересиливал все ку-ку
и кричал лицу по профессии - Добрый
то ли Пастырь, то ли Аптекарь, -
будто некто С. хранит у него в боку
крюк железа и прочий ужас,
но возможно, что С. шельмуют,
и молил прервать эти муки!..
Но А.-П., вчера прокутивший уши,
разрешал ему бросить тётю Музу.

***

Всё подневолью часу, в который снится,
будто бодрствуешь и бродяжишь оком
по неясному обиталищу, где столпились
отставшие от хозяев беспризорники стулья,
чей-то голос велит наточить им ножки –
по почину карандашей,
чтоб смогли передвигаться
по горным тропам и не сорваться.
Заодно нарисуют нам свой хитрый путь. Потому что
им предстоит взобраться в самые выси,
где взовьют костёр для тех, кого потеряли,
чтобы дать им знать, где их ждут,
где окажутся в безопасности.
И, возможно, чтоб согреть запропавших,
стулья готовы шагнуть в огонь.

А когда приснится, что разливают колокол полночи,
что двенадцать лесных зверей сплетают свой вой
над почившим днём,

стулья единодушно, нога в ногу
обратятся в овец масти тьмы.
Потому что за провалом реки уже воскресает жизнь,
слышны
караваны весны,
и табун готов оттенить своей жёсткой
смоляной шерстью
милостивое сияние пажитных гребешков и султанов.

В третий час странной ночи, возможно,
уже сменившей передовую,
свои одежды и очертанья, в том же логове те же стулья
обращаются вдруг в вокзальную лестницу чемоданов,
рюкзаков, саранчу выюков,
меж которых вздымаются и тянут шеи
плечистые футляры – жилища деревянных солдат,
в чей клюв вложены записки: «музыка» – или «война»,
а может, то – переноски для нечисти,
норы для свёрнутой в кротов тьмы,
или ящики с будущим...

И шеренгу в кассу облетает хищная чёрная птица Слух,
и блекочет, что билетов на сегодня и ближайшие поезда
не будет – и отсюда уже никому не выбраться.
А в шестой час ночи те же стойкие рыцари нового образа
– четвероногие деревянные,
уже сроднившиеся в одну семью,
рассыпаются в снег, схватываются в сугробы
– и запирают все пути отхода.

Переменные

1

местность не хочет быть местом, освобождает себя.
её больше не опознать,

она не поддаётся разметке, подрывает изнутри
картографию

(__ пресекается_ речь
см.: __ интервал*)

выходит из границ, как может только суша:
моря нет, оно природный анахронизм.
_«в м-_ор_е, «н-_а_мор-е, «у_м__оря» —
отмершие пространственные отношения

трещины раздвигают ландшафт
он вывернут новой тектоникой

(_____ здесь и далее ____ : _____
_____ смыслы подвижны,
двоеточие, конец строки _____)

1.5

и лицо твоей смерти улыбается, из всего, что тебя ждёт,
только она дожждётся

2

раздетые рядовые _____ слова, примыкающие по форме,
больше не ___-связные- --- - , не означающие ниче-
го _____ голые
выброшенные речью, её __выжженным полем__ _
(ост-орожно:

_____клише, __ещ-ё од-но _м_ёртвое п-ост-роение)

раздетые рядовые,
потерянный взгляд,
твёрдые гнутые члены,
берут горсти земли и бросают в себя,
как в могилы,
в зияние тел,
их провал, их полное поражение

(скв_озная_пауза_____)

где было сказано, теперь невыразимо
наше общее поле значений _____ выжжено

3

если встретимся так,
то вообще не встретимся

разминёмся в шаге друг от друга
как случается с теми, кто был
по-настоящему близок

(_____ пауза _____
вторичное_з-аме_дл_ение _____
попытка_пробиться_н- -аза-д. _ещё_и_ещё _____
_____неудача)

3.5

и лицо твоей смерти улыбается, из всего

4

ни один беспилотник не способен заснять пустоту,
её распространение на то, что называлось

*(*интервал
и ещё интервал,
а внутри
реликтовое насекомое,
не видимое по смыслу,
впечатано
старым шрифтом,
который давно
_н-е_д-_ост_у--пен_ввв_ва-шей_стр-ане)*

«территория», «где»
погибло, «здесь»
исчезло, «отсюда»
ушло, «сюда»
убивает, попробуй приди —
больше себя не увидишь

если что-то пытается находиться, не может

разделено с собой
непрерывной зоной отчуждения

5

когда чужое чувствуешь как своё
всю его боль и ненависть к тебе же
водишь его руками направляешь оружие на себя
но не находишь собственной границы
за которой наступало облегчение

— а_не_этого_л_и_вы_хоте-ли?

память кончилась. теперь ясно: нет и не было памяти
так у рыб,
от себя отстоящих на целую рыбу, возможную между ними

5.5

и лицо твоей смерти

(6)

(с тех пор, как нас причислили к мёртвым,
мы как будто вернулись в свои естественные границы

они там, где начинается мир живых

мы не можем их тронуть
они в безопасности, по крайней мере
они так думают

мирно спят и общаются с мёртвыми,
понимая, что это сон

между тем качается люстра,
дребезжит посуда в сушилке,
лопается оконное стекло,
но это просто приметы времени,
его общей нестабильности, неполноты

их научились не видеть)

осторожно _____:
зд_есь_и_да_после_текста
_____возможна_____

_смысловая_рекурсия_____

начало__ответного__
_внутреннего_письм-а,
его_____ускорение

Поэту плохо

***

Я слепну вдруг от красоты такой,
Замру, не понимая: что за диво?!
Здесь так чудесно, здесь царит покой -
Вот эти степи, небо, эти нивы.
Здесь белый клён, дорога до зари,
Здесь всё моё – зовется Украиной;
Высокий смысл поняв первопричинный,
Замри на миг, и с Богом говори.

***

И кровью, смертью, смрадом мечен,
- Под клёкот бешеной орды, -
Безумный, жалкий человечек
Грядет преддверием беды.
Как зверь невиданной породы,
Лох-Несс из сумрачной Невы.
Молчите, праздные народы?
Сегодня – мы, а завтра – вы!

(о благодарности)

Пылающий закат, благодарю за день!
Пылающий закат, спасибо за истому.
За тех лесов светящийся Эдем;
за василёк во ржи сиянью золотому
я благодарна. Утро ли, закат,
и дни мои – обожжены – в зените,
за то, что завтра расцветёт стократ,
вы, дни мои, вчерашним отзвените.
За небо в небе, за ребячий смех,
за то, что я смогла, должна, не струшу,
пылающий закат, благодарю за всех –
ничем свою не осквернивших душу.
За вдохновенья завтрашнего сень,
за то, что где-то кровь не льётся в битве.
Пылающий закат, благодарю за день
и за потребность в слове, как в молитве.

(о любви)

Глазами ты промолвил мне: люблю.
Душа держала сложный свой экзамен.
И, горному подобно хрусталю,
Невысказанное остаётся с нами.
Жизнь проходила, минул тот перрон.
Тишь прокричала рупором вокзальным.
О, сколько слов написано пером!
Невысказанное остаётся с нами.
Светлели ночи, вечерели дни,
Судьба качалась чуткими весами.
Слова во мне, как солнце.
Мы – одни.
Невысказанное остаётся с нами.

***

И всё на свете нужно пережить,
И финиш – это старт к воротам ада.
Не торопитесь прежде ворожить,
И прошлое оплакивать не надо.

Что ж, люди добрые, которых пруд пруди,
Пусть мелет мельница, извечная, как смерч.
Осколком сердце колется в груди,
От боли нас избавит только смерть.

Того, что мы не видели, дано
И нам увидеть, и дано простить,
И жизнь прожить, как требуется, но
Нам не дано хоть что-то изменить.

А надо жить. И как-то надо жить.
И опыт, и закалка, и отрада.
Не торопитесь прежде ворожить,
И прошлого оплакивать не надо.

Как есть – так есть. А может быть и хуже,
Страшнее, чем на дряхлом корабле.
Пока твой ум бедою не разбужен, -
Не будь рабом и смейся как Рабле!

Что ж, люди добрые, которых пруд пруди,
Пусть мелет мельница, извечная, как смерч.

Осколком сердце колется в груди,
От боли нас избавит только смерть.

Неявное пусть очерк обретёт,
Прощённые да будут прощены.
А что от нас зависит? Только то,
Чтоб век прожить, не зная в том вины.

***

Мой первый стих написан был в окопе
на той разбитой взрывами стене,
когда теряло звезды в гороскопе
младенчество, погибнув на войне.

Лилась пожара огненная лава.
Горела хата, ночь казалась днём.
И захлебнулась наша переправа, -
прости нас, Днепр! – водою и огнём.

Земля гудела. Плакал рядом хлопчик.
Крестилась баба и кончался хлеб.
Дрожит, казалось, узенький окопчик,
где две семьи объединил ночлег.

О, боль моя недетских впечатлений,
как будто след на сердце от ножа!
Не выразить поверх стихотворений,
как вдруг немеет в горести душа.

И мир вокруг ни зайчиком, ни волком, -
кровавый свет, сгоревшая заря! -
а я писала чуть ли не осколком
большие буквы, словно с букваря, -

тот первый стих свой, прислонившись к краю,
чтоб в сумерках светила мне война.
Какой он был? Не вспомнить мне, не знаю:
снаряд упал — осыпалась стена.

Красные капли боярышника

Блюстители, халтура – ваше хобби.
Вы, фабриканты вер и жалких лир,
по сделанной хоть раз духовной пробе
любой вас забракует ювелир.

Номенклатура – дурни-бюрократы,
чью рожу плющит в квадратуре рам.
Ваш интеллект не мерить на караты,
а максимум – на сто известных грамм.

Поэту плохо. Он взыскует истин.
Мы – джинны, закупорен наш сосуд.
А вы? Кто вы такие? Коммунисты,
чей коммунизм ещё ждёт высший суд.

Сточившие идею к жалкой гниде,
поэзия для ваших топок - торф.
Да если б ваши методы увидел,
от зависти бы лопнул Бенкендорф.

Боярышника кровь - такого рода,
что в наших строчках капли запеклись.
Не вам вещать от имени народа –
какого хера вы ему сдались?!

***

Любовь моя! Вот я перед тобою.
Возьми меня в свои благие сны.
Лишь об одном молю: меня рабою
Не делай. Крыльев расписных
Не отнимай. Чтоб свет сошёлся клином
Не допусти. Зачем же я живу?
Даруй, прошу, над шляхом тополиным
Полуденного солнца булаву.
Не дай мне заплутать порой в грибницах
Всех дрязг и ссор, и всех годин лихих,
Иначе зашевелятся в гробницах
Останки гордых пращуров моих.
Они любили так, как я любила,
И застила любовь им белый свет.
Молили жёны. Но не тут-то было:
Махнут рукой. Глядишь – простыл и след.
А там, а там... Жестокий клёкот боя
И звон мечей до будущей весны.
Моя любовь! Вот я перед тобою.
Бери меня в свои благие сны.
Моя любовь!

Про новые начала

А вчера была я высока, как башня.
Вот, ещё немного - и упрусь в зенит.
Но смело, как взрывом, этот день вчерашний.
Расколослся прочный некогда гранит.

Развалюха веры, безнадёга-разум!
И под пеплом грусти похоронен шлях.
И друзей печальных разбросало разом.
Слово, словно колос, гибнет на полях.

Что же, погорельцы, всё начнем сначала,
Домик встанет снова, небо тербя.
Высшее уменье – новые начала
В жизни, в пониманье самого себя.

Ван Гог

Утро доброе, одиночество!
Никого, только холод и тишь.
Небу глазом циклопым хочется
обозреть задремавший Париж.

Но сегодня, наверное, на грани я:
не король, непонятно – кто.
Осыпается пепел сгорания,
припорошив пожар цветов.

Краски умерли. Руки – кости!
На мольбертах весь мир распят.
Я надгробье на этом погосте.
Кипарисы в небо горят.

И беременно небо грозою,
изгибаются кисти-хорты.
Чёрным взрывом палеозоя
переломаны гор хребты.

Небосвод заструился пением.
Я пастух. Я деревья пасу.
Запасусь в карманах терпением,
но от смерти себя не спасу.

То ль безумный, а то ль неистовый -
Не Сезанн – не Гоген – не Манэ –
только что я могу – расхристанный -
если много меня во мне?!

Он – юродивый, скажут.
Юродивый!
Может статься. Он – это я.
Бог – свобода.
Боже, свободен я!
Спи спокойно, Свобода моя!

***

Я Вами заболела. Это было,
Скорей, в бреду. А может, это сон?
Любовь подкралась тихо, как Далила,
А разум спал - доверчив, как Самсон.
Простимся ныне. Наступают будни.
На белых окнах мерзнут витражи.
Близки? Чужие? Мы ли это будем?
Где между сном и чувством рубежи?
Недолго сказка длилась. Время это,
Как светлый сон, исчезло без следа.
Мерцает над судьбой полоска света,
Которая осталась навсегда.

Перевёл с украинского Марк Котлярский

Несколько новых стихов

Сентябрь

Начни, мой друг, пока заря
багрова, как душа поэта,
евангелье от сентября
со слов: вначале было лето.

Пиши, перо макая в кровь,
на ранних пожелтевших листьях,
пока среди шумящих крон
сентябрь бесчинствует, неистов.

О том, как мечется в зрачке
помеченная богом шельма.
О возбуждающей тоске
прелюдии опустошенья.

Пиши о странном месте, где
любовь не может быть земною.
Где рябь, пошедши по воде,
зовёт: иди, иди за мною.

В кино

В кино героям хочется любви –
Бушует страсть, лишь выстрелы утихли.
Но полно, милая, – копировать нам их ли? –
Нам – тем, на чьи поля снега легли?

В кино влюблённым по колению смерть –
Спасают мир, едва разжав объятия.
Но что нам – мир? – парирую опять я, –
Нам – тем, в чьих тронных залах смолкла медь?

Нет, нам – плутать, запутываться в швах,
В изгибах мела, в петлях, в нитках белых, –
Мы долго думали, что истина – в словах,
А истина – в пустотах и пробелах.

И нам же – матереть, смотреть кино,
Шутить, что в каждой правде – доля шутки,
И молча вглядываться в сумерки в окно –
Сквозь мутное ничто, сквозь промежутки.

Память детства

«...люблю консервы я, но странную любовью...»

О, память детства – бородинский хлеб
и рижские консервы из Торгсина!
Вот самая духовная из скреп –
навек свежа, навек невыносима.

О, память детства – сладостная месь
эпохи нафталиновых оваций
нам – жаждавшим – не так всё это съесть,
как – просто открывать и любоваться.

Немой гримасой коллективных нас
и стройностью рядов зеленоватой –
о, как ввергают эти рыбы в транс –
сильней, чем шлакоблок со стекловатой.

Что ж, транс – так транс. Расслабься и внимай.
Расслабься и внимай оцепенело,
как небо возвращается на небо,
как разжигает свечи пономарь.

Что ж, транс – так транс. Расслабившись, смотри
кино о том, как, живший под копирку,
ты открываешь шпроты изнутри.
Как видишь яркий свет и чью-то вилку.

Не рабы

Встаёт «телега» на дыбы,
бурлит фейсбучный чат.
«Мы не рабы!» – орут рабы,
а не рабы молчат.

Вверх по реке плывут гробы
в тот край, что непочат.
Там на рабов стучат рабы,
а не рабы – молчат.

Там учат палачи: «Руби, –
подросших палачат, –
башку всем тем, кто не рабы» –
и не рабы молчат.

С экранов урки и жлобы
плюются и рычат:
«Стране нужны ещё рабы!» –
и не рабы молчат.

Под ноль сострижены, чубы
все, как один, трещат,
пока воют не рабы,
пока рабы молчат.

Переезд

Мы съехали внезапно, второпях,
А в продуваемой насквозь квартире
Метались наши сны, как пули в тире,
Метались наши стоны, и опять

Воспоминанья превращались в дни,
В поленья – угли, пыль – в лучи из окон.
Но мы ушли. И вышло, мы одни
И были – бабочка. Всё остальное – кокон.

Так тени превращаются в предмет,
Пыльца так превращается в растение,
Так те, кто есть, произрастают теми,
Которых нет.

А ветер выл, а ветер выл в ночи,
Пронзал пространство молнией воздушной.
И время шло, вертя свои ключи,
Шло время вспять процессией бездушной.

А ветер выл и угли раздувал,
Углы квартиры раздувал во мраке,
И вот уже роящийся овал
Затвердевал, затвердевал в квадрате.

И вот уже мерцающий стилет
Расплющивался в наковальне грома,
И вылетали всполохи из дома
Жильцам вослед.

Вослед соседям, гражданам вдогон,
Штурмующим истёршийся конвейер,
Спешащим жизнь выбрасывать на ветер,
Спешащим жизнь подбрасывать в огонь.

Под пристальным прицелом глаз и дул
Дрожал огонь, дрожал огонь в овале,
Огонь, что ветер времени раздул,
Огонь, что этот ветер задувает.

Стремящийся укрыться вглубь земли,
Огонь дрожал. Мы шли, без провожатых,
И жар огня в своих ладонях сжатых
Несли, несли.

Невпопад

Всё как-то мимо, мимо, невпопад,
Всё как-то невпопад, разлад, растяжка,
Вокруг дела, летит их снегопад,
Летит и тает, мечется, бедняжка.
Вдоль улиц пятна света вдаль спешат,
Туда, где тьма их растворит, раздавит,
Оборотит – и вот уже душа
Летит навстречу – что она исправит?
Всё как-то впопыхах, не так, враспloch,
Как будто нас со скорого ссадили,
А бой в ушах остался – чем он плох? –
Ничем не плох, а просто мы – другие.
Душа бежит вернуться, но её
Поток людей, машин несёт, уносит.
Вокруг дела, кружит их вороньё,
Швыряет леденящий крик свой оземь.
Всё как-то мимо, выхолощен смысл.
Летят секунды, слышно их шуршанье.
Их суетливый ток всё смыл, размыл,
Творения сточил непослушанье.
Всё как-то чересчур на злобу дня,
Душа не в счёт, всё как-то мимо, мимо.
Растерянно, свирепо, без огня.
Фатально. Невпопад. Неумолимо.

Я был землёй

Я был землёй. Земля была моей.
Земля меня собою заменяла.
Я был её ладошкой для морей,
Я был укрывшим магму одеялом.

Всё, что росло, всё, чем вовне я рос,
Мои луга, листва моих берёз,
Восторженно, бездомно и маняще
Перелетало из меня в меня же.

По мне ходили топотом стада,
Моим теплом пожары выгорали.
Я тяжелел скалистыми горами,
Стереть с лица пытался города.

О этот симбиоз небесных тел,
Тотальная друг в друге распласталость!
Мы были вместе в полной пустоте,
Земля и я. Я встал, она осталась.

Невозможно любимое слово

***

Мы возвращаемся из тьмы
на белый свет, в котором:
ты – крутишь свитки шаурмы
всем Библиям и Торам.

И напеваешь в шалаше,
в противовес хард-року –
мотив, который по душе
Мухаммеду-пророку.

Весь пантеон един в одном:
даёшь богов в рассрочку,
лишь человек – гордится дном
и сводит купол в точку.

И если небо – высота,
в которой правят числа,
то быть на дне – его мечта
глубокая, без смысла.

И чёрт бы с ним, и адский рай,
с добром и злом подводы,
ты ни к чему не принуждай
соседние народы.

Пускай живут, стригут лишай
и спят в грязи – нагими,
не трогай их, не улучшай,
позволь им быть такими.

Вручную добывать руду,
сажать цветы разврата
в своём чудовищном саду,
в преддверии заката.

А ты – исчадие ума,
апостол беспредела –
следи за тем, чтоб шаурма
богов не подгорела.

***

Невозможно любимое слово
заменяет сильней никогда:
мы становимся частью улова,
в наших жабрах – живая вода.

Мы лежим на брезенте в корзине,
засыпая под слоем травы,
и предчувствуя то, что отныне –
рыбакам не сносить головы.

За исход из ромеев и греков —
под зелёное в небе сукно,
и за то, что ловцы человеков
перепутали с кровью – вино.

За войну, у которой начало –
это каждый сегодняшний миг,
за пиратский ковчег у причала
и контейнеры вражеских книг.

Время думать о новых уловах
и других на земле рыбаках,
и про гетто для всех безголовых
с гладиаторской сетью в руках.

Ну, а я, по дороге к могиле,
сквозь речную осоку проблем –
так хочу, чтоб меня полюбили,
чтоб стихи мои – нравились всем.

Всем, которых осталось немного,
с головой на широких плечах:
рыбакам и поэтам от бога,
измеряющим солнце в свечах.

***

Меня извлекут из ребра
в суровую женскую полночь,
и в красную книгу добра
запишут, как редкую сволочь.

Не мешкай, входи без огня,
но долго по книге не шастай,

и ты обнаружишь меня
в разделе, где ёжик ушастый.

Где хорь, афалина и рысь,
и я, вдохновенно кукуя,
с глазами, глядящими ввысь,
закрытыми для поцелуя.

Шесть рук и четыре ноги,
покрытые шкурой оленьею,
и член, чтоб боялись враги,
свисающий ниже коленей.

Садись на меня побыстрее,
покуда не скисла интрига,
и станет в два раза красней –
стыдливая красная книга.

Помчимся с утра до утра,
меж клёнов и сосен петляя,
подальше из царства добра,
и флейта звучит – золотая.

***

Я смотрю в португальское небо
из глубокого сна о войне,
не буди меня мама, не треба –
просыпаться не хочется мне.

Тонкокожее время надрежу –
марокканским ножом для бумаг:
здесь поют изразцы азулежу,
обожжённые страстью впотьмах.

Просыпаться – плохая примета,
чтоб потом никогда не уснуть:
здесь глазурь королевского цвета –
это кобальт, подвижный, как ртуть.

Это город – тройная улитка,
навсегда заплетённая в сон,
это смерть или синяя плитка,
под которой живёт Лиссабон?

И сквозь нашу небесную крышу,
где над спальней ржавеют края,

я тебя обнимаю и слышу,
что осыпалась плитка моя.

Видно, дело к большому замесу
молча движется вечность подряд,
этой ночью бомбили Одессу,
плитка вдребезги – Киев бомбят.

И ползёт в высоту, не сгорая,
дребезжа на пружинном ходу,
деревянное тело трамвая,
увозящее нашу беду.

***

Кто-то смазал петли в дверце –
больше слева не скрипит:
помидор воловье сердце
вызывает аппетит.

И теперь мы все – солдаты,
чтобы в бога душу мать:
резать новые салаты,
пить и мясо отбивать.

Наше время не исправить:
успеваешь в суете –
благодарный лайк поставить
за спасенье – красоте.

И смотреть на это лето
сквозь прицел добра и зла –
на сплетенья тьмы и света,
находясь внутри узла.

Общей памяти военной,
обновляемой с конца,
нелегко моей Вселенной
быть за пазухой Творца.

Там, где овощи и фрукты,
соки-воды, хлеб и сыр,
где вернулись все продукты
и вручили миру – мир.

Где торгуют свежей болью
и виной из-под полы,
там, где сердце с красной солью
для меня везут волны.

***

Когда мы были водовозами
и жили в средние века:
вдвоём – под звёздами и розами,
на берегу черновика.

Промеж славянами и готами
мы слыли честными людьми:
с большими бочками, с подводами,
с приземистыми лошадьми.

Вода была живой и сладкою:
в кувшинах с дивною резьбой,
в пузатых чайниках с насадкою,
во снах из глины голубой.

Но каждую весну четвёртую –
мы доставляли по ночам
совсем иную воду – мёртвую,
предателям и стукачам.

Кто молится на тень распятую
внутри себя, сойдя во тьму,
кого простят весною пятою,
но я не знаю – почему.

Моя любовь жестокосердная
глядит с ухмылкой кривой,
чтоб никогда вода предсмертная
не отличалась от живой.

Не средние века – посредственны,
они взирают с высоты
на вас, которые ответственны
за вырожденье красоты.

На тех, кто с новыми барыгами
себе подпишет приговор,
а мы с тобой проснёмся книгами,
не читанными до сих пор.

***

Всё небо в облаках, как в бигуди,
и всю неделю, говорят, дожди,
Не спрашивай, припав к моей груди:
чем занимаюсь я в такие дни?

Читаю тех, кто жил давным-давно,
смотрю на тех, кто с помощью кино,
свой мимолётный образ сохранил,
я слышу, как вращается винил.

У музыки округлые углы:
летит пчела – о ней поют битлы,
и субмарина трётся о гранит
и за щекой – Цветаеву хранит.

Мы все – мертвы, мертвы, мертвы, мертвы:
от медсестёр – до киевской братвы,
и движется, стоп-краны теребя, –
грядущее, влюблённое в тебя.

Чем занимаюсь я в такие дни –
бессмертием, харчами для родни:
один спускаюсь в продуктовый ад,
где белый хлеб и чёрный виноград.

Там холодно, и под стеклом лежат
те, кто забвенью не принадлежат:
бутылка водки, плавленый сырок,
бычки в томате и поэт-пророк.

Чем занимаюсь я пустынным днём,
во внутреннем изгнании своём:
ходьбой на месте, словно в марш-броске,
молчанием на русском языке.

Килограмм человека

***

Перемещается, движется в стороны, вертится...
Я не прошу черноглазой девицы и чудо-коня.
Дайте мгновенье подумать о личном бессмертии,
Наедине с неизбежным оставьте меня.
Дайте услышать мышинные лапки тишайшие,
Дайте следить за чешуйкой коры смоляной.
Дайте дочаяться мне, чтобы время нашарило
Только меня одного среди твари земной.
Дайте хоть маленький миг на ладони Всевечного,
Миг бесконечного непредставимого дня.
То, что сейчас перед вами тоскует и мечется,
Это не я. Я настану. Дождитесь меня.

***

Только горечь горечь горечь
Горечь в горле и внутри
Выходи на площадь сволочь
В полный голос говори
«В дни военных операций
То есть с этих самых пор
Площадь на ночь запирают
На цепочку и затвор
Свет повсюду выключают
В темноте с дубинкой ждут
Механических овчарок
Без намордников ведут
Моих действий индикатор
Выходить мне не велит
Вы-то сами провокатор
И душевный инвалид
Вы ужасными словами
Выходить сказали мне
Ну а сами на диване
На большой своей спине»
И часы играют полночь
Гаснет блеск моих речей

Я такая ж точно сволочь
Среди прочих сволочей
И сжигает горечь горечь
Пуще всякого огня
Приходи к собрату сволочь
Обними меня.

***

Поеду по Одессе на трамвае,
Поеду на трамвае к тётё Вале,
Поеду на Двенадцатый Фонтан.
Ларёк есть по дороге к тётё Вале,
Там вермут нам охотно наливали,
Бывало, мы с него и не блевали,
Зубами уцепившись за стакан.

Мы молодыми юношами были,
Нас местные ни разу не убили,
Поскольку были мы одна семья.
А тётя Валя, что сдавала дачку,
Садила за день «Беломора» пачку,
Была в далёкой юности циркачкой
С репертуаром – женщина-змея.

Внутри Фонтанов, в их роскошном соре,
Чернело и расплёскивалось море,
В своей понтовой эллинской красе.
В нём водяные нити Парки пряли,
В нём кольца обручальные теряли,
В него мы неталантливо ныряли.
Но, кажется, выныривали все.

На Маркса в «Оксамите Украины»,
На гвоздиках торчали наши спины,
Мы пили «Апельсиновый цветок».
Пьянели. И к моей сатире детской
Благоволил сияющий Жванецкий,
Мы оба так любили строй советский,
Как ласточка асфальтовый каток.

Я жил в Одессе, как в родимом доме,
Я пару раз играл на ипподроме
И выиграл четырнадцать рублей.
Наш август был ленив и медоносен,
Синели баклажаны на подносе,

Играл нам Алик «Койфчен папиросн»
На шестиструнке коцаной своей.

Мы подпевали. Чудо-ночка длится,
И наша «Шипка» кольцами струится,
Дымится тётивалин «Беломор»
Мне даже внучка тёти Вали снится.
Жива ли эта милая девица,
И не ходила ли она молиться
На днях в убитый русскими собор?

***

Не снаряд, не ворона, не метеорит.
Это платой за тачку и за ипотеку
В синем воздухе быстро и страшно летит
Килограмм человека.

Этот чел из воронежских или тверских,
Он в охотку за водкой мотался,
Он сегодня за завтраком ел за троих,
А к обеду гляди – разлетался.

Мне сдаётся, он больше не восстановим,
Ни для Гали, ни для алкоголя.
Притяженьем навеки оставлен земным
На окраине минного поля.

подавивши зевок, дозвонится комбат
До испуганных папы и мамы.
И положит в мешок санитарный солдат
Остальные его килограммы.

***

Как соскучились в отечестве по стуку-то,
По доносу, по родимому, по бабушке.
За века себе набили руку-то
Добровольцы – ладушки и чадушки.
И посыпались в Лубянку зёрна,
Жеребцам и серому и чалому.
Ячменём посыпались отборным
Сбережённые недоступалочки.
Пробудились дошлые и ушлые,
Засыпают ведомство депешами.
Ах, ты, моя радость гэпэушная,
Счастье мое энкэведешное.

***

Белёсый дом, стоящий у залива.
Там мальчик жил, однажды съевший сливу,
И ничего. Никто не наказал.
Там чайки нищенствовали, болтливы,
Там ближний лес стремился в перспективу,
Но не влезал.
Ни чисел не было, ни дней недели,
Ладонь ко лбу – на горизонт глядели,
И он был пуст, безоблачен и чист.
Там крепко спали, там немного ели,
Там зеленели ели и синели
Ветвями вниз.
Там выбить дверь сочтя попыткой тщетной,
У двери расстился кот рассветный,
Легко одет.
Там горевал над костью пёс бездетный,
В траву закатывался мяч двухцветный
На много лет.
В столетье раз сменялся шифер дранкой,
Никто не мучил тишину тальянкой,
Грозя луне.
Там по старинке звали грипп «испанкой»,
Варенья и грибов стояли банки
Спина к спине.
На чердаке сыскалась стопка «Нивы»,
Кудряво было время и смешливо,
И ело с рук.
Но непременно и нетерпеливо
Отечество парило над заливом,
Сужая круг.

По дороге в школу

Там девочка живёт больная,
Не знаю чем. Но из окна,
Как птицы, крики вылетают,
Мне слышно, как кричит она.

Кричит какой-то болью голой,
И птицы бьются головой
О провода, о двери школы,
О сквер с потухшею травой.

Бегу через кустарник мокрый
К расчисленному сентябрю.
«Умолкни, – говорю, – умолкни,
Да сколько можно», – говорю.

***

Вспомнишь несгораемое имя,
Смех, глаза, посадку головы.
Вспомнишь. А они непоправимо
Непередаваемо мертвы.

Но от них ни страха, ни морозца,
Никакой могильной ерунды,
Будто позови – и отзовется
Свой до самой маленькой черты.

А другие живы-переживы
Варят суп, ложатся спать в постель,
Веселы, открыты, говорливы.
И в глазах недвижная метель.

Кинули

Квартира пустовала, зимовала.
Поджалась от порога до окна.
И стулья, принесённые с развала
И книгами заросшая стена
Помалкивали. Космодром дивана
Забыл про разгоняющийся взлёт.
Томились жаждой кухонные краны,
И стол привык – никто не подойдёт –
Не дрогнет блюдце и не звякнет вилка,
Не отразится в полировке свет,
И не оставит винная бутылка
Случайный круглый красноватый след
На скатерти. И пианино рёбра
В себе, смирившись, сдерживали звук.
Весною быстротечной и недоброй
Всё, всё покинуто. Лишь маленький «Самсунг»,
Забытый, иногда тянул худую шейку,
Ждал голоса, решительной руки.
Потом в растерянности села батарейка
И кончились ненужные звонки.

***

Тонкие материи стихов,
Без огранки, выправки и цели
После сна являются тихохонько
Босичком, бочком, ещё в постели.

Плечики, качели, баловство,
Ёлочки из окон электрички,
Нежности и глупости раствор,
Века девятнадцатого личики.

Хорошо, чтоб длился полусон,
Ручьевые плески полуречи.
Но уже ты взят в полукольцо
Ты уже идущим днём замечен.

И скрежещет на зубах песок,
И от диких новостей оскома.
И сжимает сердце голосок
Девочки из рухнувшего дома.

За окном то взрывы, то гудки,
И неотвратно и упорно
Через сад идут товарняки
С танками на крашенных платформах.

***

И переубеждать меня не надо.
Я здесь уж четверть века оттрубил.
Я полюбил Москву – исчадь ада.
Вот так вот – вместе с адом полюбил.

Здесь Гуголев фривольны, скажем, дани
Своих безумных слогосочетаний
С хинкалями и пхалиями делил.
Хранят бульвары страшный дух портвейна,
И хрупкие таблички Рубинштейна
Бьёт о бордюры грозный альгвасил.

Здесь ходит по Пречистенке Есенин,
Которому минувшим воскресеньем
Я подарил сто семьдесят рублей.
Он похмелился жигулёвским пивом
И улыбнулся ласково, но криво,
Поскольку угадал, что я еврей.

Здесь, как взойдёшь на Огарёвы горы,
Припомнишь постулаты Кьеркегора,
И прописи Егора Кузьмича.
Узришь слоновьи очертанья Храма,
Всю вышитую новью пилораму
Под зубьями закатного луча.

Здесь не видны ни Долли и ни Кити,
Зато играет с Долиной Никитин
На ясеневых крылышках гитар.
Торгуют в супермаркетах шанхайским
И стайки депутаток шамаханских
В ряду Охотном ловит Дуремар,

Здесь добрый людоед поел – и точка
Здесь улица проколота, как мочка
Под жёлтую цыганскую серьгу;
Досюда Бык не довозил Европу,
Здесь барыньки мечтают эфиопа
Купить, как сексуального слугу.

Здесь барин книги жжёт, а не покрышки,
На площадях стоят незримо вышки,
На коих пулемёт и часовой.
И с них Никита старшему Андрону
По братски шлёт наследственные дроны,
Их раскрутив над буйной головой.

Отсюда под мелодии Булата
Рвануло население Арбата,
Чтоб всю планету населить собой.
Поэт стоит, потерян и возвышен,
И пролетают призраки над крышей
С кларнетом, барабаном и трубой.

Чак-чак везёт Аксёнов из Казани,
Данелия с бутылкой «Мукузани».
И к каждому фонарному столбу
Привязаны Святые Себастьяны;
Здесь Верлиока рвёт меха баяна,
И Гоголь пишет третью часть в гробу.

Здесь гениями девочки брюхаты,
Но отличать Таганьково от МХАТа
Теперь и не берусь, и не возьмусь.
И вообще пойду своей дорогой
С заветом – только Чехова не трогай.
– Мисюсь, ты где?
Немотствует Мисюсь.

Дым на балконе

Считалочка

У курского вокзала
сидели три сестры.
Одна из них упала
И их осталось две.

Я тоже был писатель
считалочки писал.
Теперь я стал считатель
и мало потерял.

Вот это напоследок
решил я сочинить,
о том, как жили сёстры
и кто из нас - пиит.

Мне говорили замы –
Считалочка не в счёт.
Сестрёнка вышла замуж,
другая всё поет.

Считалочка бессмертной
вдруг стала ни с сего.
У курского вокзала
Нет больше никого.

***

Никогда не прощайся
С горьким чувством вины.
И назад возвращайся
В королевство луны.

Дивный маленький остров -
Анти-антипотоп.
Жить на нём очень просто,
А за ним хоть прихлоп.

Разве есть поэтичность
В пересказе кино?

Здесь одна романтичность
И банальное "но".

Но прекрасное чувство -
Есть за что умереть.
Повторяя искусство,
В хэппиэнде реветь.

***

Пока цветёт сирень,
Ты думаешь о том,
Что скоро жизнь пройдёт,
Что быстро отцветём.

Но тем ценнее миг
И тем прекрасней цвет,
Что будущий ремикс, -
Как мертвецов рассвет.

Сирень опять цветёт
И зеленеет май.
И будем через год
Мы нюхать этот рай.

Так хочется кричать,
Так хочется любить.
Но лучше промолчать,
Чтоб снова не убить.

***

Болота, болота, болота,
Из них невозможно уйти.
Дожили до пола и пота,
И совестью поздно трясти.

И можно до засухи летней
Сидеть, ожидая пути.
Болота исчезнут бесследно,
Но совестью поздно трясти.

Хвалились спасти бегемота,
Себя не сумели спасти.
Мы - сами такие болота,
За это себя не простить.

***

Мы не спали ночами,
Мы играли в любовь.
Но наш добрый начальник
Начал новую кровь.

И теперь мы ночами
По-другому не спим.
Телеграммы читаем,
На балконе дымим.

***

Никто не хочет в пудинге
Монетку получить,
От «Оскара» у Гудинга
Кусочек отщепить.

Оставшийся безоскарным
Том Круз ему кричал
В лихие девяностые,
Чтоб деньги показал.

Монетка не останется
В сороковом году.
Кому она достанется
Спасением в аду?

Теперь на месте Чаплина
Мы можем побывать.
Стихами непечатными
Монетку показать.

Жизнь вне эпитафия

Aere perennius

Джон Гарвард бьёт баклуши по утрам
и щурится, завидев трёх японцев.
Гимн Греции звучит под скрежет рам
прямоугольных, и одно оконце
пылится в Thayer Hall, но не скрипит;
внутри юнцы, скользящие на койке,
там «Фауст», «Овод», «Доктор Айболит»
и страсти Нюрки после смерти Кольки.
Враг не сдаётся. Караул устал.
И некому плевать на пьедестал.

Светлана Б., не справившись с зонтом,
упёрлась бюстом в тень чужой ладони.
Из писем Лили получился скромный том,
а с ним - раствор в засаленном флаконе.
Виной всему, как прежде, Якобсон:
вот кто уж точно не дослужится до бронзы.
Твердит про правый глаз и новый сон
о Данте. Дескать, с правым больше пользы.
А левый, если малость приоткрыт,
то это путь в инферно Бикон-стрит.

Джон Гарвард, поборов туберкулёз,
но сохранив высокомерный кашель,
ворчит, что он пустил бы под откос
профессоров, что ежедневно бредят Рашей.
За исключением Брота. Ричард Брот -
чудесный пушкинист, хоть и зануда.
А остальные - чушь из года в год
несут. Про то, что не хватает чуда.
Про то, что кто-то больше чем поэт.
Про то, что тьма есть тьма, а свет есть свет.

***

Четверг. Закончился недуг.
И нарисованный двумя руками круг
впустил в себя настойчивость не ветра,
а просто звук, что в ритме ретро.

Смотри в окно. У этого окна
вид на холмы, где не закончилась война.
Там Цельсий, комары, там мужики болтают спьяну.
Там вслух читают "Обезьяну."

***

Вот выход из комнаты, железная дверь,
где раньше был он, а теперь
квадрат из заброшенных книг и монет.
И больше здесь нет

примет от оставленного декабря,
нет вьюги, которую, благодаря
за явку в сочельник, опять
нельзя описать.

***

В этот день, распрощавшись с семьей, он сказал,
что теперь
он уходит в ту даль, где река не граничит с туманом,
а глаза не краснеют в предчувствии новых потерь,
сочинённых по ходу зимы повзрослевшим тираном.

«Облака», – он сказал и пошёл с рюкзаком на спине,
не оглядываясь на соседей, стоявших поодаль,
напевая лесную мелодию – ту, что во сне
он услышал намердн и тотчас связал со свободой.

«Облака», – повторили соседи, вернувшись домой,
где достали из шкафа одежду в небрежных заплатах,
что давно прекратила питать постаревшую моль,
но не вышла из моды для красок речного заката.

***

Его брат погиб на Шестидневной войне
не то за Сирию, не то за Египет.
Сам он танцует «El Choclo» во сне,
а наяву ничего не видит.

Он закончил Корнелл, и работал потом
там, откуда был уволен.
И сейчас живёт почти под мостом,
не зная, что чем-то болен.

Он боролся за мир, но был также готов
бороться за сад и за честь мундира,
вспоминая запах каких-то цветов
из Дамаска или Каира.

Жизнь вне эпитафии

Суббота в Оране наступила на три дня позже,
чем Марди Гра. По аллеям с криками “Боже!”,
то есть “Мон Дьё!”, бежали Рамбер и крысы,
в поисках лилий или хотя бы кипарисов.

Оран – обычный город: немного занудный,
чересчур солнечный, вымощенный вдоль безлюдных
улиц, являющий с колокольни собора
дилемму не звонаря, а, скорее, Пифагора.

Был полдень, обыкновенный полдень, что в марте
напоминает рассвет, точнее, анти-
закат, когда под петушиные крики
раздаётся *soprano castrato* из «Орфея и Эвридики».

Рюмка в утешение

***

Ещё себя не воспитав,
на что-то смутное надеясь,
глотал я жадно, как удав,
тайком привезенную ересь.

***

От будущего я не жду добра,
всё ясно при моём житейском опыте;
поэтому улыбчив я с утра,
а к вечеру смеюсь чему ни попадя.

***

Бьют дальнобойные орудия,
и грудь стесняется тоской;
текут потоки словоблудия
на онемевший род людской.

***

Науке ещё мало что понятно,
хотя уже ясней из года в год,
и то, что нам сейчас невероятно,
объявится реальностью вот-вот.

***

Скрыто будущее занавесом плотным,
но надеюсь я, все мысли подытожив:
человек не перестанет быть животным,
только станет человечнее, быть может.

***

Нельзя, категорически нельзя –
каким ни занимаешься трудом –
позорно, если близкие друзья
не выпивши покинули твой дом.

***

Репертуар мой нынче скуден:
ушёл азарт, растаял пыл –
пишу о старости. О блюде
уже я начисто забыл.

***

Когда является возможность
судьбу к удаче повернуть,
нужна большая осторожность,
чтобы дерьмо не заглотнуть.

***

Хоть я совсем почти затих,
но жив остаток дарования;
я о ровесниках моих
уже читал воспоминания.

***

Если у кого плохая дикция,
что-то языку его мешает,
то его большая эрудиция
слушателей мало утешает.

***

Некрупным обладая, но умом,
я слушателем был в шумихе споров,
и то, в чём я уверен, под замком
держал во время пламенных раздоров.

***

Когда зимой цветёт миндаль
и распустились цикламены,
то мне порой немного жаль,
что неизбежны перемены.

***

Нисколько не оригинально
я вдруг заметил:
уже я чисто машинально
живу на свете.

***

Я прочитал немало книг,
забросив тьму забот и дел,
но ни один короткий миг
в герои книг не захотел.

***

Мои раздумья крыльев лишены
и вовсе не дружны с небесной высью,
но нет на свете лучше тишины,
когда мне дивно чудится, что мыслю.

***

Тревожа родительский прах,
мы время заметно ускорили;
тщеславие, алчность и страх –
источник текущей истории.

***

Уже от жизни я устал,
но рад бываю иногда,
что совесть ангельски чиста,
поскольку с памятью беда.

***

А если есть на небе Бог,
тогда я полон подозрения,
что он надолго занемог
от неудачности творения.

***

Когда выходишь погулять -
стекают с неба волны лунные;
всегда какая-нибудь блядь
напоминает годы юные.

***

Страхи, ложь и лицемерие
очень портят организм:
из-под ног ушла империя,
в голове возник фашизм.

***

Я люблю монологи крутых подлецов –
ясно слышу сквозь их содержание
кобелиные шутки созревших юнцов
и призывное женское ржание.

***

Когда в душе крошечный мрак –
тоски и горечи смешение,
то лишь отъявленный дурак
не примет рюмку в утешение.

***

Я не ориентируюсь в пространстве,
плутаю, словно двигаюсь в тумане,
поэтому, наверно, вместо странствий
лежать предпочитаю на диване.

***

В любом из нас есть лютый хищник,
но спит, и мы его не будим,
когда ж не спит и жаждет пищи,
выходят в мир лихие люди.

***

Когда ещё совсем был молод я
и время ещё силы не забрало,
желания печататься свинья
меня каким-то чудом не сожрала.

***

Конечно, был ведом судьбой,
знавал азарт и тьмы, и света,
но был всегда самим собой
и побывал в тюрьме за это.

НОН-ФИКШН

Александр Крюков

В каждом слове – тайна (К 135-летию со дня рождения Ш. Й. Агнона)

*Так уж вышло, но я пишу книги. А ведь слово
«писатель» произошло от переписывающего Тору...
Ш. Й. Агнон*

Исполнилось 135 лет со дня рождения крупнейшего еврейского писателя XX века, лауреата Нобелевской премии по литературе Шмуэля Йосефа Агнона (1888-1970). Об этом интересном и самобытном прозаике написано очень много, прежде всего – в Израиле. Творческая личность Агнона привлекает исследователей, хотя в повседневной жизни писатель был очень скромнен, практически не участвовал в общественно-политической деятельности и воздерживался от значимых заявлений. При этом много лет он являлся высоким морально-духовным авторитетом для своих сограждан, занимал особое место в литературно-художественной жизни израильского общества.

1

Шмуэль Йосеф а-Леви Чачкес родился в Галиции (тогдашняя Австро-Венгрия) в маленьком городке Бучач в 1888 г. Через много лет, в своей Нобелевской речи писатель скажет с присущей ему эпичностью: «Вследствие исторической катастрофы, из-за того, что Тит, император римский, разрушил Иерусалим, и народ Израиля был изгнан из своей страны, - я родился в одном из городов изгнания...»

Его отец был хасидом, эрудитом в еврейской религиозной литературе. Мать также была начитанной, всесторонне развитой женщиной. Родители оказали большое влияние на развитие будущего писателя, пробудили в нём интерес к творчеству. "В пять лет я написал свою первую песню", - вспоминал Агнон позднее. В восьмилетнем возрасте он уже начал сочинять на иврите и идише.

Шмуэль получал домашнее воспитание, затем учился в хедере, под руководством отца изучал Талмуд, знакомился с книгами старых еврейских авторов, читал произведения современных ему писателей на иврите и идише. В местной

газете юный Чачкес публиковал стихи, рассказы, очерки. В своих первых литературных опытах он не избежал влияния неоромантизма. Темы для многих рассказов молодой автор черпал из легенд Агады и Талмуда. До отъезда из Галиции молодым литератором было опубликовано около 70 произведений - рассказы, очерки, стихи. Самая крупная работа этого периода - написанная на идише новелла "Танец мертвых" ("Тойтн танц", издана позднее - в 1911 г.). По манере письма это произведение близко к немецкому неоромантизму.

В 1907 г. Чачкес посетил Палестину, а годом спустя окончательно поселился в Яффо. Известный израильский художник и литератор Нахум Гутман (1898-1980), лично знавший писателя многие годы, вспоминал: «Агнону было тогда почти двадцать лет, но он был невысок ростом и выглядел совсем ещё ребенком. ...У него было ясное лицо без признаков загара, щёки розовые, как яблоки, привозимые из-за границы».

Первое время молодой литератор жил уроками, случайными литературными заработками, был конторщиком, работал секретарём в редакции журнала на иврите "А-Омер". Этот журнал своими публикациями ознаменовал поворот в новой ивритской литературе: во-первых, в нем сотрудничали молодые ивритоязычные писатели, только что приехавшие в Палестину из стран Восточной Европы, во-вторых, стиль и язык печатавшихся в журнале произведений резко отличался от классических тяжеловесных канонов, господствовавших в журналах возродителя иврита Э. Бен-Ехуды, доминировавших до того в ишуве.

"Разлученные" ("Агунот", 1908) стал первым рассказом писателя, созданным в Палестине. Один из литературных покровителей Чачкеса - видный еврейский литератор и редактор Симха Бен-Цион (отец Н. Гутмана) - посоветовал начинающему прозаику взять себе псевдоним, и с 1924 г. Агنون - официальная фамилия автора. Ровно через 50 лет - в 1958 г., на своём семидесятилетнем юбилее Ш.И. Агنون вспоминал: «Когда я приехал в Палестину, то думал стать рабочим или обрабатывать землю в одном из мошавов. Симха Бен-Цион убедил меня, что это дело будет не по моим силам. Его отношение ко мне было поразительным: он брал мои рассказы, читал их группе известных литераторов в Яффо и говорил им: "Ещё наступит день, когда мы все будем завидовать этому юноше"».

В 1909 г. вышел в свет второй палестинский рассказ Агнона "Колодец Мирьям". Его следует считать, в известной степени, этапным в творчестве писателя. Впервые названный рассказ был опубликован пятью частями в журнале "А-поэль а-цаир" ("Молодой рабочий") в мае и июне 1909 г. Это произведение послужило исходной точкой для целого ряда рассказов и повестей, которые последовали за ним: "Присяга верности", "Хэмдат", "Совсем недавно" и особенно "Легенда писателя".

"Колодец Мирьям" очень важен для понимания раннего творчества Чачкеса, поэтому его исследовали многие израильские литературоведы; например, Авраам Банд, Нурит Говрин, Еудит Цвик, Гершон Шакед. Основное содержание рассказа - описание переезда в Палестину молодого еврейского поэта - было популярной, если не главной темой писателей второй алии. Три составные части сюжета - дом, путешествие, Палестина. В рассказе проявляются зачатки будущего глубокого символизма Агнона. Так, с корабля на берег исторической родины Хэмдата перевозит араб, сжалившийся над еврейским юношей, у которого не было денег даже заплатить за лодку.

Жизни начала века в Палестине посвящены и некоторые другие рассказы писателя того периода: "Путевые заметки", "Так начинался Тель-Авив", "И распрямится согбенный" (1912), "Песчаный холм" (1911).

В 1912 г. выходит первая книга Агнона на иврите "Всё уладится", своим названием отражавшая надежду автора и многих тысяч евреев, приехавших в Палестину того времени, что необычайно трудные первые годы на родине предков пройдут, и жизнь станет легче. Однако многие из приехавших не смогли привыкнуть к трудностям, и возвращались в страны исхода, уезжали в Америку или страны Западной Европы.

2

В силу как бытовых трудностей, так и неразвитости общественно-художественной жизни в еврейской общине Палестины того времени, многие молодые евреи, связывавшие своё будущее с творческой деятельностью, стремились в тот период в Германию с её насыщенной интеллектуально-художественной жизнью. Агنون приехал в Берлин летом 1913 г.

Признанные немецкие писатели не обратили внимания на молодого еврейского литератора. Агنون зарабатывал на

жизнь уроками и редакторской деятельностью в издательстве «Юдишер ферлаг». В 1920 г. он женился на Эстер Маркс, происходившей из состоятельной семьи. У них родились дочь Эмуна (1921) и сын Шломо Мордехай (1922), взявший позднее именем домашнее прозвище Хэмдат.

Агнон много читал немецкую и французскую литературу, расширял свои знания в области иудаики, начал приобретать и коллекционировать ценные еврейские книги. Некоторые рассказы того периода Агнон опубликовал в журнале "Дер юде", который издавал известный еврейский философ Мартин Бубер. Это сделало Агнона популярным среди немецких евреев. В Германии вышли три сборника рассказов: "Сказания" и "В кругу праведных" - оба в 1921 г., а также "У затвора" (1922), которые сразу были переведены на немецкий язык. Содержание большинства рассказов отражает жизнь религиозных евреев в Восточной Европе. Стиль изложения напоминает язык религиозной литературы, как, например, в рассказе "В кругу праведных".

Жизнь свела писателя с крупным немецким коммерсантом еврейского происхождения Залманом Шокеном, который с этого времени и на долгие годы стал его почитателем и издателем.

В 1924 г. в доме Агнона в Бад-Гомбурге произошел пожар. В огне погибла как коллекция книг и рукописей (до 4 тысяч единиц хранения), так и рукопись нового большого романа (около 700 страниц) из жизни галицийско-польского еврейства "Бэ-црор а-хаим" (один из возможных вариантов перевода - "Общность вечно живых"), о выходе которого уже было объявлено в печати. Пожар в своём доме писатель расценил, как указание Всевышнего вернуться в Палестину, что он и сделал, поселившись в Иерусалиме в 1924 г. Спустя полтора года к нему присоединяются жена и дети. Агнон начинает вести традиционный еврейский образ жизни, носит кипу, вводит в своем доме кашрут, посещает синагогу и общается с раввинами.

Однако и на Святой Земле удары судьбы продолжали преследовать исполняющего заповеди Агнона: землетрясение 1927 г. повредило его дом, а в 1929 г., во время антиеврейских выступлений арабов, уже другой его дом был разграблен. Это вынудило писателя снова выехать в Европу (позднее он построил себе новый дом в Иерусалиме, в районе Тальпиот, где и прожил до конца жизни. Сейчас это дом-музей Агнона).

Побывав в Польше, Агнон познакомился с состоянием дел и жизнью еврейских общин, посетил город своего детства Бучач. Безнадежность и отчаяние, царившие в среде евреев Восточной Европы, тяжело отразились на настроениях писателя.

В 1931 г. в Берлине выходит первое собрание сочинений Агнона, заметным явлением в котором стал большой роман "Дочь на выданье". Это народное сказание, в котором фантастический оптимистический мир наивного праведника одерживает победу над тяжёлой реальной действительностью. В романе создана картина духовного мира еврейства Галиции XVIII века, "по широте охвата аналогичная панораме христианской Испании у М. Сервантеса", - как считает израильский литературовед Х. Захави. И действительно: подобно Дон Кихоту, главный персонаж романа реб Юдл, объезжает еврейские местечки Галиции. Он стремится собрать пожертвования и выдать замуж своих трёх дочерей. В ходе развития сюжета возникает комическая ситуация - рабби Юдла принимают за его тёзку, известного богача. Так ему удается найти жениха для дочери. А в конце романа во дворе возле дома рабби обнаруживается спрятанное сокровище. Таким образом, Юдлу не нужно было искать богатство по свету – истинное сокровище скрыто в нём самом - это его чистая, благочестивая душа.

В образе Юдла автор воплощает мировоззрение, уже ставшее к тому времени анахронизмом и всецело коренящееся в прошлом еврейского народа. Юдл пытается противопоставить это прошлое современности, которую явно игнорирует как объективную реальность. Приключения рабби Юдла - то ли реальность, то ли легенда, то ли пародия на хасидскую притчу. Здесь в полной мере проявилась особенность стиля Агнона - размывание границы между фантастикой и реальностью.

Агнон продолжал писать в традициях религиозной еврейской литературы. В 1932 г. выходит цикл из 5 коротких повестей "Книга деяний", затем новелла "Краюха хлеба", в которых отражена мрачная и давящая атмосфера жизни в еврейском местечке. Рассказы выражали настроение автора, тяжело проходившего переломный период в жизни еврейского народа от старого уклада к новому. В 1935 г. выходит сборник "В мире и покое". В том же году был издан новый роман "Простая история", события в котором происходят в начале XX века в одном из городов Галиции.

Во многих произведениях Агнона заметно стирание грани между реальностью и фантастикой, усиливается роль внутреннего монолога. Это характерно для рассказов "Преобразование" (1933), "Прах Земли Израиля" и "В лесу и в городе". Два последних рассказа были включены в вышедший в свет в 1941 г. сборник "И те и другие".

Этапным в творчестве Агнона конца 30-х годов стал роман "Гость на одну ночь" (1939), действие которого разворачивается сразу после Первой мировой войны. Главный герой романа возвращается в родной город в Галиции и видит его опустошение (Агнон побывал в Бучаче в 1930 г.). Герой произведения видит пустые синагоги, забитых и униженных людей, умирающую общинную жизнь. И всё это подается на фоне романтического ореола, которым в памяти главного персонажа было окружено это место в юности. Царит полная разруха - материальная, духовная и нравственная. Война пронеслась над местечком губительным смерчем - тысячи искалеченных и бездомных. Надо начинать жизнь заново. И перед каждым евреем в отдельности и всей общиной в целом встает вопрос: а есть ли здесь, в галуте, вообще какая-либо перспектива в будущем? Из всей совокупности фактов, событий и размышлений напрашивается отрицательный ответ. Автор предупреждает: уходите, пока не поздно.

Заметным явлением в литературной жизни еврейского общины в Палестине в преддверии создания Государства Израиль стало опубликование романа "Совсем недавно" (1945). В этом произведении отражен период второй алии в Палестине, но по духу времени своего написания оно проникнуто тяжелым настроением Катастрофы. Главный персонаж романа - халуц Ицхак Кумер - не нашел себя в новой жизни на обретенной исторической родине. Он возвращается в среду религиозных евреев, к знакомому и близкому с детства образу жизни, который господствует в иерусалимском квартале Меа Шеарим, и умирает бессмысленной смертью от укуса бешеной собаки (носящей символическое имя Балак). В романе отражено стремление халуцим возродить еврейский народ на его древней родине. Пионеры второй алии связали с национальными чаяниями и социальные идеалы, пытаясь создать новые общественные формы, основанные на всеобщем труде и отсутствии эксплуатации человека человеком. Тогда казалось, что достижение идеалов почти невозможно. Новоприбывших в захолустную турецкую провинцию ждали голод, зной, болезни,

безработица или непосильный физический труд, враждебное отношение местных арабов. Многие из приехавших не выдерживали испытаний, возвращались на прежние места или отправились в другие страны.

Будучи реалистом, Агнон не написал второй, оптимистической части романа "Совсем недавно", хотя первоначально это входило в планы писателя, и даже было приготовлено название - "Участок поля".

Одной из сложнейших по структуре и выразительным средствам является повесть "Идо и Эйнам" (1950), в которой в зашифрованной форме трактуются три направления в еврейской философии: ортодоксально-религиозное, мистическо-фольклорное и научно-историческое. Агнон также перерабатывал еврейские сказки, легенды (в основном - хасидские), собирал описания религиозных обрядов. В этих работах писателя отражена глубокая вера Агнона в святость народа Израиля, звучат мессианские настроения.

3

Следует обратить внимание на почти дидактический рассказ Агнона "Отцы и дети". Это произведение представляет собой очень прозрачную аллегорию, к чему писатель прибегал довольно часто. Страх охватывает родителей, обнаруживших пропажу своих детей. Новое поколение, захлестнутое искушающей волной мировой культуры и влекомое к "зверинцу" широкого мира со всем его разнообразием и разногласиями, может оказаться погибшим для родителей, хранивших тысячелетиями свою духовную и национальную независимость в различных "гостиницах" света. Однако это опасение не оправдывается. Дети не пропали. Отчаявшиеся были родители неожиданно находят их на том же пароходе, на котором собираются плыть (ясно: в Палестину) они сами. Историческая цепь не прервана. Наоборот, молодое поколение, уйдя из разноплеменного "зверинца", наслаждается синтезом красоты мировой культуры и традиционной самобытностью еврейского народа.

В 1960 г. выходит в свет сборник "До сих пор", в котором видное место занимала повесть "Тхила", названная по имени главной героини - пожилой женщины. В повести отражена еще одна из постоянно встречающихся у Агнона мыслей – целесообразность покорности судьбе. Писатель не призывает к бунтарству, его герои пассивны, они покоряются судьбе, в которой автор усматривает предопределенность и "божественную закономерность". Вместе с тем нельзя не

видеть, что даже в самых трагических по содержанию рассказах, повестях и романах Агнона подспудно звучат оптимизм и вера в конечную осмысленность мироздания, бытия и существования еврейского народа, все страдания которого, по мнению писателя, оправдывает возложенная на него великая миссия искупления человечества.

Аналогичные идеи заложены автором в роман "Шира", работа с перерывами над которым заняла у Агнона более двадцати лет, но так и осталась незавершенной. На иврите роман был опубликован в 1971 г. (на следующий год после смерти писателя) с приложениями "Последняя глава" и "Другая версия".

В сюрреалистической, почти полуфантастической манере Агнон рассказывает разворачивающуюся в Иерусалиме 30-х годов XX века историю Манфреда Хербста, родившегося в Германии учёного средних лет, и его любви к непривлекательной, раздражённой, странной медицинской сестре Шире. С момента их первой встречи Хербст осознаёт, - по крайней мере, на полуподсознательном уровне, - что Шира больна проказой. Осознанно отказываясь признать это, герой романа пускается в мир фантазий.

Трагическая судьба Шире начинает символизировать судьбу евреев Германии, которые, как прокаженные в средние века, мечутся в поисках спокойного пристанища, но снова и снова оказываются среди людей, которые или безразличны к их участи, или даже враждебны. Следует вспомнить, что в начале 30-х гг. прошлого века в Палестину иммигрировали десятки тысяч евреев Германии, бежавших от нацистов. В более широком философском плане Шира олицетворяет невозможность достижения даже относительной свободы. Несмотря на то, что Хербст живет в Палестине, где террористические акты и убийства людей стали почти привычным явлением, сюжет сконцентрирован главным образом на повседневной жизни этого персонажа, его домашних делах и постоянных фантазиях. Он представляет, например, как Шира превращается в нищую слепую прокаженную, которая просит подаяние. В другой раз ему видится, будто её насилуют, сбивают автобусом, убивают. Себя он начинает представлять "святым", воображает, как он остается с Широй, заражается проказой, порывает все связи с семьей и друзьями.

В 1991 г. роман «Шира» вышел в переводе на английский язык, став доступным широкому кругу читателей во многих странах мира.

Всего Агноном было создано 24 тома романов, повестей и рассказов. Около ста его произведений изданы на более, чем двадцати языках народов мира.

Индивидуальный стиль писателя, отмеченный печатью его таланта, лишен пышности и приподнятости и отличается глубиной и камерностью. Внутренний ритм повествования исполнен сдержанной мощи. Разнородные элементы и контрасты формы и содержания в произведениях Агнона спаяны целостностью архитектоники. Он искусно пользуется всеми выразительными средствами еврейской литературы - от ТАНАХа и его многочисленных комментариев до литературы еврейского Просвещения, от Талмуда и мидрашей до Каббалы и хасидского фольклора. Прозаик своеобразно использует библейские цитаты, народные пословицы и поговорки¹, игру слов, многозначные аббревиатуры, цифровые значения букв (гематрию), арамеизмы, смысловые значения имен собственных. Новаторский, зачастую сюрреалистический гротеск органически сливается с традиционным жанром повествования, фантастика – с реальной действительностью, изображенной вполне натуралистично. Быт современного Израиля описывается зачастую архаичной лексикой, а на первый взгляд наивное народное сказание обретает сюжетную утонченность и интеллектуальную изощренность. Ценность еврейского прошлого выступает у Агнона в форме, близкой к сказочной, коллизии настоящего - в форме строго реалистического повествования и параллельной ему системе символических образов, туманный, пока не проясненный идеал будущего - в форме аллегорической притчи.

Вот что сказал о стиле Агнона Н. Гутман: «Его манера писать кажется очень простой, стиль - ясным. Но то, о чём он пишет, трудно понять. Каждое слово в отдельности - просто, но во всех его книгах – тайна».

Ш. Й. Агнон был награжден премией им. Бялика (1934 и 1951), Государственной премией Израиля (в 1954 и 1958). В 1966 г. ему (совместно с поэтессой Нелли Закс) была присуждена Нобелевская премия по литературе.

Писатель скончался в феврале 1970 г. Завещания он не оставил, но оставил записку, в которой просил своих детей и внуков соблюдать субботу и Судный день...

---

¹ В 1994 г. в Израиле был издан том поговорок, использованных Агноном в его произведениях. Предисловие к книге написал Амос Оз.

Как о большинстве неординарных и одаренных людей, об Агноне существуют зачастую противоположные мнения. Так, Гутман пишет в книге своих воспоминаний: «Агنون... был немногословен. Предоставлял высказываться другим, сам оставаясь как бы в тени. В действительности же он был очень умён и задумывался над вещами, над которыми другие не думали. У него был взгляд человека, который не вмешивается в происходящее, который многое прочёл и многое понял, но хранил свое мнение при себе. Он не пытался заявить о себе, предпочитал наблюдать, учиться у других. Он даже не критиковал никого никогда».

С другой стороны, израильский журналист Игаль Сарна отмечает, что в конце 1920-х годов «Агنون был уже известен и любим. Большинство критиков признавало его незаурядный талант; его баловали и лелеяли... Дружбой с ним дорожили и люди, которых он высоко ценил (как Гершом Шалом¹ и Бялик), и те, кем он пренебрегал. Был неравнодушен к хорошему коньяку и женской красоте. В диалоге не знал себе равных: блестящий, саркастичный, приковывавший всё внимание собеседника. Если его не навещали - жаловался. Если навещали - тоже жаловался. О нём говорили: гипнотизёр, такой и грязь умеет превратить в золото. Одним он напоминал лучшие образцы древнегреческой поэзии, другим - живопись Рембрандта».

Не менее индивидуальны и идейно-политические взгляды выдающегося еврейского писателя. Так, практически не участвуя в политической жизни израильского общества, Агنون, тем не менее, писал, что до 1967 г. (времени объединения Иерусалима после арабо-израильской войны того же года) не мог праздновать День независимости, ибо, по его мнению, что это была за независимость еврейского государства без Хеврона, Шхема, Бейт-Лехема и Храмовой горы...²

---

¹ Гершом Шалом (1897-1982) – крупнейший израильский исследователь Каббалы и еврейской мистики, президент Академии наук Израиля (1968-1974), с молодости был близким другом Агнона.

² Агنون был в числе нескольких крупных израильских литераторов (Я. Орланд, Н. Альтерман, Е. Бурла, У.Ц. Гринберг, Х. Хазаз, Г. Шофман, М. Шамир), подписавших манифест "За всю Эрец Исраэль", в котором они призывали сохранить за Израилем территории, занятые в ходе войны 1967 г. - Западный берег реки Иордан и Синайский полуостров.

Творчество и сама личность Агнона занимают особое место в истории израильской культуры. Писатель стал национальной гордостью своего народа ещё при жизни. Весьма показательны, что, когда в Иерусалиме недалеко от дома Агнона начались строительные работы, тогдашний мэр города Тедди Колек распорядился установить возле дома табличку: "Соблюдайте тишину! Агنون работает!"...

Был ли выбор Мартина Эдельвейса свободным?

(О романе Владимира Набокова «Подвиг»)

«Конформисты полагают, что говорить о “вдохновении” безвкусно и старомодно, как и о пресловутой башне из слоновой кости. Тем не менее, вдохновение существует, так же как башни и бивни».

Набоков, «Твёрдые суждения»

«Подвиг» - роман, который можно в какой-то степени назвать биографическим, уделяет много внимания понятию времени, точнее - нематериальной длительности времени. Набоков начал его писать в 1930 году, сама же история в романе начинается в 1918 году, во время революции в России, и оканчивается в 1924 году. То есть, «Подвиг» описывает реальные события XX века, времена войн, страха, убийств, побегов, Гражданской войны, оккупации и миграции. Однако удивительно, что первое название, данное произведению, было «Романтические времена», - и, как объяснял Набоков, это было сделано для того, чтобы не называть его «материалистическим, практическим или утилитарным», а скорее «событийным и романтическим».

Мартин¹, главный герой, тоже считает это лучшим временем, лучше которого он и представить себе не мог: такой невообразимой отваги и возвышенных идей не было ни в одной другой эпохе! Всё, что проявлялось во все предыдущие времена - страсть к исследованию неизведанных земель, смелые эксперименты, поиск новых идей умными людьми или какие-то личные героические заговоры против множества противников, — теперь стало вдвойне увлекательным!

Несмотря на то, что это восприятие всё же расходится с нашим взглядом на реальности XX века, Набоков подтверждает, что он, как творец, хотел подарить своему герою

---

¹ В рукописи и русскоязычных изданиях персонажа романа «Подвиг» зовут Мартын. По-видимому, автор ориентируется на англоязычную книгу: Vladimir Nabokov, “Glory”. Trans. into English by Dmitri Nabokov in collaboration with the author. New York: Vintage International, 1991. Точность цитирования редакцией не проверялась.

«светлую сторону жизни, трепет и славу самых обыкновенных удовольствий и кажущихся бессмысленными приключений, предлагаемых одинокой жизни». Таково набоковское видение Мартина.

Чтобы лучше понять логику этих противоречивых восприятий, я хочу увидеть главного героя «Подвига» Мартина Эдельвейса через призму жизненной философии Анри Бергсона, которого Набоков назвал одним из своих «любимых». Французский философ Анри Бергсон (1859-1941) утверждает в своих книгах «Творческая эволюция» и «Время и свобода воли», что интеллект формируется в результате непрерывного прогресса. «Он призван закрепить осознанные ощущения нашего тела к окружающей среде, чтобы представить отношения внешних вещей между собой и обеспечить адаптацию сознания живых существ к тем условиям существования, которые созданы для них, короче говоря, осознать их “материальность”». Но помогает ли это нам познать источник смысла жизни? Можем ли мы узнать не только о механическом времени, но и решить проблему выражения реальности творческих эмоций, таких как любовь, и таким образом преодолеть вульгарность материи?

Для материализма восемнадцатого века Бергсон был известен как философ, озабоченный природой субъективного, интуитивного, но не аналитического сознания. Это не было оценено господствующей философской традицией анализа и логической достоверности, но вполне подходило для творческих искусств, хотя некоторые критики видели Бергсона как иррационального философа, исследующего ощущения и мистицизм.

В эссе «Время и свобода воли» Бергсон говорит о предрасположенности человека к иллюзорному взгляду на мир. Реальность лишь частично приемлема для людей, и она часто искажается. Даже само понятие времени проявляется не столько как продолжительность времени, сколько как предрасположенность человека к иллюзорному взгляду на мир. Философия Бергсона - это сопротивление механическому взгляду на вселенную, к осознанию нематериальной длительности времени, в котором само произведение искусства и есть торжествующее выражение индивидуального сознания.

Для Мартина Эдельвейса жизнь - это загадка. Всё началось с акварельной картины на стене его спальни, которую он воспринял как своё будущее. С тех пор воображением Мартина движет «магический и требовательный порыв, на-

личие чего-то, ради чего только и стоило жить». Он вдохновлён детской сказкой, прочитанной ему его матерью, о мальчике, который прыгает в картину на стене и исчезает в лесу. Детское воображение уводит его в неизведанные дали сказочного путешествия.

Однако неудачи сопутствуют ему на каждом шагу, не давая добиться реальных достижений. Было поздно, подражая некоторым его сверстникам, стать героем Гражданской войны, - она уже закончилась, и Мартин потерял этот шанс. Набоков признаётся, что щедро наделил Мартина многими дарами, но не дал ему творческий талант: он не писатель, как сам Набоков или же как друг Мартина - Дарвин, . Он и не политик, как многие из разных патриотических групп людей, стоящих справа или слева от «большевистов». Но Набоков дал ему «особую чувствительность», которая обычно ассоциируется с творческим существом. Он не художник, но, к счастью, ему дано важное качество, он провидец. «Свершения - очень существенная тема его судьбы; он из той редкости - человек, чьи мечты сбываются», - щедрый подарок Набокова Мартину.

Рассматривая идею Бергсона об иллюзорной ложной интерпретации реальности, мы видим неспособность Мартина жить, сводя реальность к бессчётным неудачным достижениям, как это воспринимает его идеалистический ум. Это заставляет Мартина подвергать сомнению все свои действия и быть одиноким. Он постоянно отмечает свой страх перед восхождением на швейцарские горы; или то, что ему не удаётся привлечь внимание Сони, в которую он безнадежно влюблен. Он чувствует себя чужаком, изгнанником в равнодушном мире. И в то же время он сравнивает себя с вечным странником Байроном, с его драматическим наслаждением своим душевным одиночеством. Мартин тоже ощущает себя гордым «избранником», имеющим неведомую миссию.

Посмотрим на концепцию «жизненного порыва», «Elan Vital» в описании Бергсона. Бергсон объясняет это, используя изображение фейерверка, увиденного в ночном небе, разбрасывающего искры в ночи. Фейерверк - это «Elan Vital», а искры - это инерционная материя, движущаяся в противоположном направлении от источника огня. Итак, «Элан Витал» - это и есть творческое сознание, которое существует для преодоления всех форм инерционной субстанции, препятствующих развитию жизненных форм. Свойство материи - поглощать поток энергии с целью за-

блокировать развитие творческого процесса. Материя имеет тенденцию к энтропии и отклонению от курса; это постоянная деградация свободного и непредсказуемого творчества. Жизненная сила возлагает на жизнь ответственность за рост, изменение и адаптацию к «творческой эволюции», которая медленно готовит человека к преодолению препятствий, к развитию восприятия творческого мира, обеспечивая, в частности, «воспитание его чувств» (education sentimental), а также его духовный рост.

Учёба в Кембридже резко изменила жизнь Мартина. Он просматривал разные курсы, читал книги, погружался в реальность новой культуры. Вскоре он встретил новых друзей, среди которых Дарвин, научивший его неписаным правилам Кембриджа, чтобы Мартин не выглядел старомодным «петербуржцем»; - но это заставляло его чувствовать себя ещё более чужим. «Студенты должны ходить на улице без шапки и пальто, не пожимать друг другу руки, а встречать знакомого ухмылкой и беззаботным междометием» - и многое другое.

Мартин долго не мог определиться с областью своих исследований, хотя они были увлекательны, и он везде находил один и тот же волшебный источник «жизненного эликсира». Набоков сравнивает его с «впечатлительным археологом», который стучится в дверь, прежде чем войти, и, как только попадает внутрь, теряет сознание от волнения.

Очевидно, Мартин приближается к тому, что Бергсон называет «жизненным порывом» (Elan Vital), и к тому, что Набоков назвал «жизненным эликсиром» (Vital Elixir).

Волшебная дверь открылась в кабинете истории. Мартин нашёл книги английского философа Томаса Карлейля. Он влюбился в Карлейля. Набоков так описывает впечатление: «Он живо представил себе дрожащий белый день, простоту чёрной гильотины и неуклюжую возню на помосте, где палачи тискают голоплечего толстяка, меж тем как в толпе добродушный гражданин поднимает под локотки любопытную, но низкорослую гражданку». Потрясающее впечатление от «Французской революции» Карлейля, и её героические персонажи, такие как Кромвель, Мирабо, король Людовик XVI, - вызвали у Мартина эту искру, жизненный толчок творческого сознания; она оказала на него решающее влияние и, в частности, дала ему сигнал в определённом направлении. Мартин смог отчётливо представить себе историю такой, как он всегда это предпочитал, - к примеру, что такое человеческая жизнь - в поразительных подробно-

стях. «Сама история есть наглядная демонстрация тайны жизни, и историк становится пророком или поэтом, - пишет Карлейль. - История одновременно мистична и реалистична, как человеческая жизнь, чередующая реальность и сон».

Набоков упомянул, что с раннего детства Мартин боролся с собой, чтобы контролировать и скрывать свои эмоции: «Он твёрдо решил всегда вести себя так, как поступил бы бесстрашный человек на его месте». В то же время в нём были сильно развиты тщеславие и самомнение. Мартин постоянно репетирует свои действия, чтобы убедиться, что он на высоте, но его так и не признали; и не отметили его достижения. Теперь его вдохновляют героические мужчины Карлейля, их жизни и характеры. Он сам хочет стать героем, лидером, и добиться признания людей этой смутной эпохи. Но существует конфликт между материализмом действительности и идеализмом устремлений Мартина, его мечтами и реальностью жизни. Набоков часто создает ситуацию внешней материальной вселенной, с которой его герой сталкивается, - иначе говоря, конфликт между миром и «разбавленным» разумом главного героя

Мартин всё ещё думает, что же он будет изучать; он всё ещё не уверен. В этот момент он слышит «какой-то таинственный голос... шепчущий, что он не свободен в выборе, что есть одна вещь, которую он должен изучить». Слово «изгнание» приходит ему на ум, оно звучит для него восхитительно. «Блаженство духовного уединения и азарт путешествия приобрели новое значение. Как будто Мартин нашёл правильный ключ ко всем осаждавшим его смутным, нежным и жестоким чувствам. Он чувствовал, что обречён жить вдали от дома в изгнании».

Сам Набоков пережил годы скитаний. Отвечая на вопрос Олдена Уитмена в сборнике «Твёрдые суждения»: «Сны о бегстве или побеге повторяются во многих ваших стихах и рассказах. Это отражение ваших собственных лет скитаний?» - Набоков говорит: «Да, отчасти. Странный факт, однако, заключается в том, что в раннем детстве, задолго до того, как наступили чрезвычайно скучные перипетии революции и гражданской войны, я страдал от кошмаров, полных скитаний и побегов, и пустынных вокзальных платформ».

Иммиграция в Берлине (1922-1937) оставалась для Набокова борьбой за выживание. Европа была чужой и непредсказуемой. Набокову потребовались месяцы, чтобы

получить «визу на выезд» (Visa de sortie), и чтобы, в конце концов, получить разрешение приехать в Америку. Хоть он и чувствовал себя в большей безопасности после побега от русской революции, воспоминания о родине преследовали его. Сходство автора с его героем не удивительно, когда мы узнаём, что у Набокова в его доме в Выре была подобная акварель в комнате на стене; и что его мать читала ему такой же рассказ о потерянном мальчишке, который вдохновил его воображение на побег в заколдованный лес - как Набоков вспоминает в своей «Biography revisited».

Жизнь Мартина Эдельвейса следует мечтам и амбициям «молодого человека, ищущего романтического удовлетворения». Смелые пути, которые предлагает Мартину жизнь, такие как скитания по Крымскому полуострову, восхождение на швейцарские горы, и последний путь - пересечение невидимой российской границы, таинственным образом сформировали его жизнь.

Теперь я хочу предложить Бергсону тот довольно необычный выбор, который собирается сделать Мартин, чтобы выяснить: действительно ли его решение было свободным выбором? Согласно классическому определению, свобода воли подразумевает выбор между несколькими возможными вариантами будущего. Для Бергсона свобода воли подразумевает изобретение будущего путем формирования некой идеи действия. Бергсон подчёркивал важность творческого характера для свободы воли. Мы свободны, когда наши поступки исходят из всей нашей личности, когда они её выражают. Согласно этой идее, свободное действие подобно художественному творчеству, оно не имеет предопределённого плана - оно производит то, чего виртуально не существует. «Вкратце резюмирую - случайность, свобода, и прибавьте к этому нечто совершенно новое, непредвиденное», - пишет Бергсон во «Времени и свободе воли».

Бергсон размышляет о природе жизни. Он анализирует процесс рефлексии и находит, что сознание есть потребность творчества, и проявляется только там, где творчество возможно. «Оно дремлет, когда жизнь обречена на автоматизацию; оно пробуждается, как только возможность выбора восстанавливается».

Итак, романтическая натура Мартина развивается с юным возрастом. Его разум воссоздает жизнь странствующего человека, мистически избранного для возвышенного одиночества. «Изгнанник» в байроническом плаще и таинственной миссии. Теперь он разрабатывает реальный план,

который можно изменить, пока подготовка ещё окончательно не завершена.

Философия Бергсона помогает понять, что свобода воли должна исходить из «самых сокровенных чувств, мыслей и стремлений... Они формируют нашу личность и имеют тенденцию направлять нашу жизнь, то есть устремлять нашу волю в определенные решающие моменты». Эти моменты формируются всей нашей памятью и являются синтезом всего нашего прошлого опыта. Набоковская концепция «художественного дара творчества» подчёркивает, как и Бергсон, творческую природу свободного выбора.

Каждое наше действие направлено на определенное внедрение воли и интересов в действительность. Но тут возникает вопрос, основаны ли наши решения на рациональных предпочтениях? Для Бергсона любое свободное решение рационально, но мы должны различать два типа причин. Один тип является результатом набора причин, принятых механистическим образом. Другие свободные решения основаны на «нашем личном представлении о счастье и чести, и являются лучшими из причин» (Бергсон, «Время и свобода воли»).

Мартин Эдельвейс готовится отправиться в свою последнюю «экспедицию» через российскую границу к своей возможной кончине. Он недоволен. Более того, он чувствует себя оскорбленным в конце своего сказочного пути. У него благородная натура, он чувствителен и романтичен, но ему не дано желаемое удовлетворение. «Память о детских мечтах сливается с ожиданием смерти», - говорит Набоков. Его главный герой Мартин считает это несправедливым. Но что такое «несправедливо»? Означает ли это отсутствия правды или некий хаос; физическая боль несправедливости - своего рода гильотина, или это внутреннее страдание личности от недостатка любви и обещанного достоинства заставляет его страдать?

Томас Карлейль, избранный Мартином любимый писатель и философ, подтверждает, что без чести жить нельзя; он должен принять меры и восстановить её! Уже одно это заслуживает уважения, являясь основой веры в то, что жизнь не должна заканчиваться разочарованием и отчаянием. «Что бы ни было, я готов бороться со своей судьбой, и я выиграю, потому что борьба сама по себе означает победу!». Мартин Эдельвейс принял решение, основанное на выборе счастья и чести, которые Бергсон назвал «лучшими причинами» для свободного выбора.

А как насчёт названия «Подвиг», данного Набоковым для этого романа и для его чувствительного героя, Мартина Эдельвейса? Набоков поясняет: «Это подвиг азартных приключений и бескорыстных достижений; подвиг этой земли и её пятнистого рая; подвиг личного мужества; подвиг светлого мученика».

P.S. Комментарий, основанный на книге «Человек против самого себя» профессора-невролога Карла Меннингера.

В отличие от аскета, который добровольно обрекает себя на лишённую жизни жизнь, мученик подвергается жестокому обращению со стороны других, преследуя какой-то идеал. Таким образом, оказывается, что наказание является случайным и непрошенным и, возможно, в некоторых случаях оказывается добровольным, хотя обычно к нему стремятся бессознательно. Мученичество — это своего рода величие.

Героическая жертва ученого, добровольно берущего на себя роковой риск, свойственный исследованию; патриота, отдающего жизнь за свободу, - не считается самоубийством, поскольку элемент творчества означает победу обще-ственной полезности избранного курса и созидательного, а не разрушительного элемента в природе человека.

Индивидуум мог желать уничтожить себя, - а может, и нет, - но если социальная или реальная ценность его жертвы преобладает, то в этом заключается свидетельство того, что силы саморазрушения не одержали триумфа, поскольку окончательная победа одержана благодаря жесткой, дорого стоящей достойной победе любви.

Сионистский эпизод биографии Бабеля

В июне 1915 г. в сводку данных наружного наблюдения за лицами, принадлежащими к партии сионистов, оказался включённым Исаак Бабель. Следили за ним с 4-го по 7-е число и за это время зафиксированы четыре человека, с которыми он виделся, и три адреса, где он побывал. Все три дома пока целы.

Под наблюдение Бабель попал из-за знакомства с Иосифом Фишером, который ещё гимназистом руководил ученическим сионистским кружком. (Уже арестованный, Исаак Эммануилович назвал Фишера своим другом детства и в показаниях написал, что именно в его парижской квартире встречался с Жаботинским. Но это так, к слову. Не думаю, что сказанное в НКВД, можно считать серьёзным источником информации.)

Из дневника наружного наблюдения.

«4 июня. “Светлый” Фишер Иосиф Аронов, проживает в д. №24 по Базарной улице.

В 11 часов 40 мин. утра наблюдаемый вышел из дому и отправился в почтовое отделение по ул. Полтавской победы, где опустил письмо, вышел и отправился в д. № 30 по Екатерининской ул., через 50 мин. вышел с неизвестным техником и отправились в д. № 70 по Екатерининской ул., через 30 мин. вышли и на Ришельевской ул. расстались, техник зашел в д. № 30 по Екатерининской улице, где был оставлен, а наблюдаемый отправился домой.<...>

Приметы неизвестного техника, проведенного в д. № 30 по Екатерининской улице. Лет 22, среднего роста, блондин, плотного телосложения, усы и бороду бреет. Одет: в форму технического училища, носит очки. По установке оказался...». После фразы «по установке оказался» оставляли свободное место, куда потом вписывали имя или констатировали: не установлен.

Личность неизвестного техника определить смогли. В оставленном промежутке написали: «См.6/VI от “Светлого”. Это будет Исаак Моневи́ч Бабель».

За 5 июня записей о Бабеле нет.

6 июня передвижения Фишера завершаются посещением около 19 часов дома №17 по Базарному переулку. В сводке уточняется, что там была сходка.

«В 10 часов вечера вышел наблюдаемый и с ним вышли два неизвестные мужчины и около десяти барынек, и на Базарной ул. один неизвестный мужчина и барынька отделились и отправились к д. № 46 по Херсонской улице, где и расстались, барынька зашла в упомянутый дом и была там оставлена, а наблюдаемый отправился в д. № 22 по ул. Жуковского, парадная дверь с Ришельевской ул., где был оставлен».

В этот раз филёры описали наблюдаемого техника чуть иначе. «Лет 18, среднего роста, шатен, без усов и бороды, волосы на голове коротко стрижены. Одет: черная фуражка с бархатным околышем со значком, темно-синий костюм, носит очки. По установке оказался. Сыном одесского 2-й гильдии купца <...> Исааком Моневым Бабелем 18 лет, ученик Киевского коммерческ. института».

Приметы барышни, которую Бабель провожал после сходки: «Лет 19, среднего роста, темная шатенка. Одет: белая соломенная шляпа, широкая, белое платье, тёмный пояс, носит вязаный ридикюль, на руке браслет. По установке оказалась дочерью инженера-технолога, Рахилью Михайловной Усышкиной, 18 лет, окончившая высш. жен. курсы».

Филёры поторопились. Р. Усышкина (род. 16 дек. 1894 г.), золотая медалистка гимназии Жаботинской-Копп, в это время ещё была слушательницей исторического отделения ВЖК. Окончила их в 1916 г.

Были установлены личности ещё двоих участников сходки.

«Приметы неизвестной барыньки, проведённой в д. № 43 по Суворовской ул. Лет 23, высокого роста, шатенка, тонкого телосложения, лицо маленькое, круглое. Одет: белое платье, белая шляпа, белые ботинки и металлический ридикюль. По установке оказалась дочерью острожского мещан[ина] Воынской губ. Генриеттой Гершковной Товбиной, 18 лет, при родных». Генриетта Товбин (род. 15 ноября 1896 г.) тоже окончила гимназию с золотой медалью, поступила на естественное отделение ВЖК, в 1915 г. перешла на Высшие женские медицинский курсы, которые окончила в 1920 г. Стала хирургом.

«Приметы неизвестного мужчины, проведённого в д. №13 по Новой ул. Лет 23, высокого роста, шатен, лицо

круглое, нос прямой, чуть заметные усики. Одет: серый костюм, кофейного цвета шляпа. По установке оказался сыном одесского 2-й гильдии купца Яковом Мошковичем Грановским, 19 лет, без занятий».

В приметах, указанных в паспорте, его рост определён как средний, волосы – чёрные.

Я. Грановский родился 7 января 1895 г. И. Фишер – 8 апреля 1893 г. Первый учился в гимназии Ровнякова, второй – в гимназии Илиади. Но с 1912 г., когда они попали «под колпак», их имена постоянно упоминаются рядом.

Оба поступили в Новороссийский университет. Фишер – в 1913 г. на исторический факультет, Грановский – в 1915 г. на медицинский.

15 октября 1915 г. их застigli на собрании сионистского кружка «Гехавер» в посёлке «Самопомощь», в квартире купеческого сына Нуты-Меера Юкельзона. (Фишер только приехал из Москвы со всероссийской сионистской конференции). Их обыскали и заключили в тюрьму, а 7 февраля 1916 г. выслали в г. Нижнеудинск Иркутской области.

После Февральской революции, в марте 1920 г., Фишер и Грановский вернулись в Одессу и на основании указа Временного правительства об амнистии вновь были приняты в университет. В апреле 1918 г. баллотировались в совет еврейской общины от сионистской организации.

Яков Грановский ещё успел принять участие в создании союза еврейских спортивных обществ «Маккаби», стал председателем ЦК союза. (Гимназистом, в 1913 г., он организовал еврейскую футбольную команду, а позже и еврейский спортивный клуб.)

7 июня 1918 г. умер от брюшного тифа.

Р. Усышкина, Я. Грановский – сионисты потомственные. Рахиль – дочь одного из столпов движения. Родители Грановского состояли в Обществе распространения просвещения между евреями, Обществе любителей еврейского языка, отец был делегатом VI сионистского конгресса в Базеле...

Семья Фишера ни в чём подобном не замечена. Более того, родители разговаривали с маленьким Иосифом порусски, тогда как своим родным языком называли еврейский. Но он выбрал делом всей жизни сионизм. И свою позицию, будучи ещё гимназистом 8-го класса, сформулировал так: мы, как будущие интеллигенты – голова еврейства, и потому от нас зависит всецело успех политического сионизма и организованность еврейского народа.

За сионистскую деятельность при советской власти Фишера тоже арестовывали и в 1924 г. выслали из страны. Это помогло ему уцелеть и прожить интересную, насыщенную жизнь

А слежка за Бабелем в 1915 г. закончилась 7-го июня. «В 6 часов 30 мин. вечера наблюдаемый вышел из дому и отправился на 10-ю станцию Б. Фонтана, где был утерян и больше не видели».

Материал подготовлен по ф.ф.268, 385 Центрального государственного архива в Киеве и ф.ф.2, 39, 45, 62, 334 Государственного архива Одесской области.

Памяти Бори Останина

(1 октября 1946 – 23 сентября 2023)

Умер Борис Останин – человек, который сыграл в моей жизни особенную роль и занял в ней особое место. История о том, как он вошёл в мою жизнь, сама по себе удивительна. И я уже много лет не устаю удивляться этому человеку и восхищаться им.

К 1988 году я уже написал «Реальность мифа» и несколько эссе. Успел подружиться с Виталиком Кальпиди и соприкоснуться со свердловской литературной тусовкой. Но своим в ней я не был, так как занимался странными и непривычными вещами – фактически мифологическим анализом текстов, и причём совсем не так, как это практиковала школа Лотмана. При этом я уже умел довольно глубоко вникать в текст и видеть его тайные пружины.

В Свердловске жил поэт-абсурдист Сандро Мокша. Это был поэт, виртуозно игравший с фонетикой – мало кто так мог. Мокша был человек психически нездоровый и к своему творчеству относился по-особенному. Я как-то раз стал свидетелем его припадка во время творческого процесса и понял, что творчество разрушает его психику. И тогда я написал эссе, где попытался показать, что природа творчества Мокши ритуальна. Это эссе было популярно в свердловской литературной тусовке. Свердловский литератор и известный в те годы неформал Андрюша Козлов увёз его в Питер и отдал в рукописный «Митин журнал», где Митя Волчек его опубликовал. В этом журнале моё эссе и увидел Боря Останин. И вскоре я получил письмо от незнакомого мне человека, чье имя мне ничего не говорило. В письме было несколько мыслей по поводу моего эссе и приглашение на какую-то конференцию в Питер с предложением оплатить проезд и проживание.

Я обалдел. Я был литературным отшельником и никуда не высывался. Писал свои исследования «в стол» и был абсолютно вне официальных научных структур. И вдруг какая-то непонятная конференция. Среда возможно близких исследователей! Конечно, я согласился, совершенно не понимая, куда и к кому я еду. Надо добавить, что по замечаниям к моему эссе мне стало ясно, что автор письма – мощ-

нейший аналитик. Понять, почему никогда не встречал публикаций аналитика такой силы, я не мог.

Итак, я приехал в Питер, и меня встретил Боря Останин. Я начал осторожно расспрашивать его о том, где он работает. Ответ поверг меня в шок. Боря работал в кочегарке. Я заткнулся. Я ничего не знал о питерской кочегарной культуре. Боря привел меня к себе домой. Он тогда жил с новой молодой женой и маленьким сыном Ваней. Дома я увидел стопу машинописных книг. Это был журнал «Часы» - первый в стране и самый старый рукописный журнал. Его издавали два человека: Останин и Иванов. Иванов к этому времени ушёл в политику и стал городским депутатом. Теперь журнал издавал один Борис.

Система распространения была такой: печаталось 20 экземпляров. У журнала было 20 подписчиков. Номера уходили к ним. У каждого подписчика были свои подписчики. Таким образом, журнал читали сотни людей. Это был серьёзный толстый журнал, и издавать его была огромная и сложная работа. По следам «Часов» стали возникать и другие журналы: «Обводный канал», «Митин журнал» и т.д. У каждого из них была своя специфика. «Часы» был самым академическим и серьёзным из них.

Вокруг «Часов» в начале 80-х возник литературный клуб «Клуб 81». Это был первый независимый неформальный литературный клуб в стране. И уже вместе «Клуб 81» и журнал «Часы» учредили знаменитую и лучшую в стране независимую премию Андрея Белого.

Что ещё я узнал о Боре в те дни? Что он с друзьями организовал под крышей Дома Дружбы Народов конференцию «Язык. Сознание. Общество», - и это уже вторая такая конференция. Что они читают лекции по художественным кооперативам, чтобы окупить проезд и жильё приглашённым. Что Боря купил в отдалённой деревне дом и превратил его в Дом творчества – посылает туда пожить поэтов, чтоб они могли писать там, не отвлекаясь.

Есть одно слово, которым можно описать всё это. Подвижник!

Потом я понял, что Борис осознаёт свою жизнь как миссию служения русской культуре, и всё остальное просто отходит на задний план. Борис рассказывал мне, что друзья предлагали ему уехать во Францию, как это сделал Хвостенко, и даже нашли французскую журналистку, которая была готова пойти на фиктивный брак, чтоб вывезти его. Но Останин отказался от этого варианта.

Как аналитик он был гениален. К конференции он написал доклад, где проанализировал смыслы, скрытые в псевдониме Набокова «Сирин». Боря увидел и вытащил из этого слова около семидесяти смыслов. У меня челюсть отвисла, когда я этот доклад читал. Думаю, что он был самым интересным из того, что происходило на конференции.

Но в один из дней все разбежались по выставкам, и в зале было мало народу. Никто не хотел читать доклады пустому залу. И тогда Боря вышел и прочитал свой блестящий доклад, который в результате никто не слышал. Боря не интересовала собственная реализация. Его интересовало служение культуре.

А служение культуре пролегало через кочегарки. И Боря устроил мне экскурсию по питерским кочегаркам, где работал в то время весь питерский творческий андеграунд. Правда, как объяснил мне Борис, чтоб котлы работали исправно, хорошо иметь в команде одного какого-нибудь профессионального кочегара, который умеет ключами гайки подтягивать.

В кочегарке работал и Аркадий Драгомощенко – один из лучших питерских поэтов 80-х. С Аркадием произошла забавная история. Он случайно познакомился с американскими поэтами Лин Хеджинян и Барретом Уоттенем – соредактором Лин по Poetic Journal и Atelos. Интеллектуал и поэт Драгомощенко произвёл на американцев колоссальное впечатление, и Лин начала переводить на английский стихи его и его окружения, и публиковать в своём журнале; всячески Драгомощенко пропагандировать. В результате в управление кочегарок пришло письмо из американского университета с просьбой откомандировать кочегара Драгомощенко для чтения лекций. Отказать не решились. И Драгомощенко перед отъездом, как на работу, приходил к Останину «подпытываться», и Борис наговаривал ему лекции.

Упомяну ещё об одной экскурсии, устроенной Останиным: в гости ко вдове недавно умершего выдающегося поэта и переводчика Петрова, учеником которого считал себя и Останин, и отчасти – о чём я тогда не знал – Витковский. Для меня это было очень важно – я безумно любил поэзию скальдов в переводах Петрова, вышедшую в «литпамятниках». И я смог посмотреть библиотеку Петрова. Спасибо тебе, дорогой мой Борис!

Добавлю несколько слов о премии Андрея Белого:

Премия Андрея Белого была учреждена в 80-е годы старейшим ленинградским самиздатным журналом «Часы» и литературным клубом, который возник в те годы вокруг этого журнала. Премия Андрея Белого принципиально безденежна и представляет собой бутылку «белого» (водки) и один рубль. Но долгие годы премия эта была единственной независимой альтернативной премией России. Она международно известна, и получали её действительно лучшие из лучших. В 1988 году, например, когда я присутствовал на её вручении, лауреатами были Битов – в прозе, Жданов – в поэзии и Малявин – в критике. Присутствовал также и лауреат прошлого года – Айги, а кроме – тьма известных поэтов, прозаиков и исследователей, от академика Иванова до авангардиста Пригова, причем кое-кто из приглашённых (Умберто Эко, например) не смог приехать.

Иными словами, премия Андрея Белого – аналог западной престижной университетской премии. Мне приятно добавить, что лауреатом премии Белого стала прозаик и поэт Юлия Михайловна Кокошко, чью прозу и стихи я высоко ценю, а дружбой - дорожу несказанно.

Когда я уезжал из России в 1990 году, я пригласил Останина и Горнона в Свердловск и познакомил их с прозаиком Андреем Матвеевым. Вместе мы договорились об издании совместного свердловско-питерского журнала. Редактором свердловских номеров стал Андрюша. Редактором питерских номеров – Саша Горнон. Это был мой прощальный подарок моим друзьям.

В 90-е Останин занялся изданием книг и переводами. Он перевёл «Тибетскую книгу мёртвых», Кастанеду, коптские христианские тексты и многое другое, вплоть до Саддама Хусейна («с отвращением», - как он признался мне в письме). А в двухтысячные Боря вернулся в кочегарку. И на вопрос «Почему?» он отвечал: «Они вернулись, и я вернулся» (имея в виду тип людей во власти, прежде душивших культуру).

Я убеждён, что с уходом Останина многое ушло из нашего мира. Светлым он был человеком. И о феномене Бори Останина ещё будет много исследований и воспоминаний.

Светлый он был человек!

Вечная ему память!

Великая миссия мамы

(из новой книги «Материнство в опасности»)

«Многие думают, что родить ребёнка и стать матерью - одно и то же. С тем же успехом можно было бы сказать, что одно и то же - иметь рояль и быть пианистом».

Синди Харрис

Для счастья ребёнка необходима любящая мать. Лучшие современные психологи считают, что хорошее материнство служит источником формирования добропорядочного социума. Будем думать, что они правы,

Первые три года развития младенца, - и особенно первый год, - можно назвать критическими для формирования будущего взрослого индивидуума. Мои коллеги, прорицатели будущего развития ребёнка, пытаются перевести внутренние ощущения новорожденного на язык, понятный взрослым: «Наконец-то я выскочил под давлением природы из своего тёплого гнёздышка внутри мамочки. Но я нуждаюсь в её тепле и близости. Теперь я должен научиться чувствовать её тепло вне гнёздышка. Я абсолютно беспомощен без её заботы. Я должен научиться её привлекать, чтобы доказать, насколько она мне важна». Любящая мать, в свою очередь, учится понимать сигналы своего чада. Оказывается, новорожденный ребёнок может подавать множество сигналов разного значения: как возмущение неудобством, так и признаки удовольствия и даже блаженства. Матери приходится учиться понимать сигналы ребёнка без слов. Язык и дребезжание голосовых связок младенца пока отражают лишь тон его настроения, а не источник раздражения.

Конрад Лоренц, талантливый наблюдатель, заметил, что только что вылупившиеся утята следовали за ним, словно он их мама-утка. Продолжив наблюдения, Лоренц заключил, что новорожденные утята принимают за мать любой движущийся предмет, примерно в три раза превышающий их по размеру. Предмет может быть и неодушевлённым, таким как куб или линейка, - главное, чтобы двигался. И в последующем этот предмет привлекал утят больше, чем

собственная мать. Лоренц предположил, что имеется какой-то врождённый механизм следования. Этот механизм следования наверняка целесообразен, и содержится в генетической эволюционной памяти. Он получил название импринтинг. Импринтинг был замечен у примитивных уток, но исследователи продвигались к изучению более сложных живых существ.

Американский учёный Гарри Харлоу изучал чувственную привязанность обезьян и пытался понять природу любви. Его эксперименты могут показаться неэтичными и даже жестокими, но их результаты получились поразительными и повлияли на современные подходы к воспитанию детей. Для своих исследований он выбрал макак-резусов.

В первые часы после рождения, детёнышей обезьян забирали от биологических матерей и сажали в изолированные клетки. Туда же помещали две суррогатные, заменяющие мать, конструкции. Одна конструкция из проволоки с бутылочкой для кормления. Другая, расположенная недалеко от первой, - с подогревом и покрытая мягкой тканью, вроде полотенца. Какую мамашу выберет несчастная новорожденная обезьянка?

Голодная обезьянка сосала бутылочку, закреплённую на проволочной конструкции, а затем большую часть времени проводила с матерчатой конструкцией, играла с ней, обнимала её, проявляла тёплые чувства. Но безжалостному исследователю этого было мало. В конструкцию суррогатной матери, покрытую материей, вставили иглы, больно колющие обезьянок. И всё же они тянулись к тряпичной «маме». Когда отключали подогрев, суррогатная мама становилась холодной, что значило, что она детёнышей отвергает. У юной обезьянки возникал шок, и это, по словам Харлоу, приводило к её психологической смерти.

В то время бытовало общепринятое мнение, что детей нельзя баловать и часто брать на руки, так они вырастут инфантильными. Эксперимент Харлоу, несмотря на его жёсткость, доказал обратное. Прикосновение матери очень важно для младенца.

Харлоу, стремившийся к ясному пониманию сути своих экспериментов, поставил вопрос: как поведут себя подопытные обезьянки в состоянии испуга. Для этого был создан угрожающе выглядывший движущийся робот, размерами превышающий обезьяну и напоминающий большого жука с мерцающими глазами, издающего устрашающие звуки. При появлении этого «дьявола» обезьянка с паниче-

скими криками бросалась к матерчатой конструкции, крепко её обнимала, - а иногда и атаковала противника, возвращаясь под защиту ложной матери.

Когда отделённые от биологической матери макаки подросли, их вернули к обезьянам, живущим в стае. Возвращённые в стаю макаки вели себя странно и стали изгоями стаи. Самки проявляли агрессию по отношению к самцам, к другим безобидным животным и к себе. У них не развивались сексуальные инстинкты, поэтому они не были способны стать матерями. Чтобы проверить, как они станут заботиться о своих детях, таких макак насильно фиксировали для спаривания. С позиции человеческой морали это можно было бы назвать изнасилованием. Двадцать подвергнутых насилью самок произвели потомство. Большинство из них проявляло полное равнодушие к потомству, или даже пыталось убить своих детёнышей.

Ещё одним блестящим исследователем и наблюдателем был Рене Шпиц. После окончания Второй мировой войны Шпиц наблюдал за грудными детьми, которые по разным причинам остались без родителей и содержались в Домах ребёнка. Он обратил внимание на странное явление: смертность в различных Домах ребёнка была неодинаковой. В одних учреждениях этот показатель был близок к среднему значению, в некоторых других – значительно превышал его. Слова «обычная детская смертность» звучат прискорбно — это, якобы, статистически допустимое количество смертей детей по разным причинам, для данных заведений в отдельной стране. Такое варварское понятие принято у специалистов. Естественно, для современного человека любая детская смерть — это трагедия.

Пытаясь понять, что послужило причиной роста смертности, Шпиц наблюдал, как детей кормят, как соблюдается гигиена и удовлетворяются физиологические потребности младенцев. Всё, казалось бы, было на вполне приличном, допустимом уровне. Однако от его внимательного взгляда не ускользнули важные различия. В Доме ребёнка с высокой смертностью груднички находились по одному в комнате. Вроде как изоляция для предотвращения инфекционных заболеваний. Младенцы основную часть времени лежали в колыбели, окружённые подушками, и смотрели в потолок. Не было постоянного субъекта ухода. Нянечка появлялась только, чтобы их покормить и поменять пелёнки. В других же Домах ребёнка, при всей проблематичности содержания и воспитания детей без родителей, у грудничков

возникали хотя бы скромные условия общения. В комнате находились по 3-4 ребёнка. Нянечки хоть и менялись, но были постоянными для определённой группы младенцев. Когда кормили одного, двое других играли на подстилке. Создавалась атмосфера принятия, приближённая к развитию с родителями. Шпиц пришёл к неожиданному, но объективному заключению, что в Доме ребёнка с высокой смертностью у грудных младенцев развивается своеобразная депрессия, они не ощущают смысла жизни. Их смерть сравнима с пассивным самоубийством. Заболев каким-либо лёгким и не опасным для жизни заболеванием, такие дети не могли из него выбраться и погибали.

Рене Шпиц описал душевное состояние грудничков в терминах и ощущениях, понятных взрослому человеку. Но младенцы ведь ещё не умеют говорить. Талант Шпица и заключался в том, что он проник в душу младенца. Согласно его рекомендациям изменили методику содержания и воспитания грудных младенцев, оставшихся без матерей, что действительно резко снизило смертность, - сперва в конкретном Доме ребёнка, а затем и в других аналогичных детских учреждениях.

В числе множества работ этого выдающегося учёного известны исследования психического развития младенцев в возрасте от шести месяцев до года, длительно разлучённых с матерью. Он показал, что такая ситуация оказывается очень травмирующей для ребёнка и вызывает последующую депрессию. Шпиц назвал такую депрессию анаклитической – предполагающей долговременный разрыв младенца с любимым человеком, к которому возникла привязанность. Чаще всего таким любящим человеком является мать.

Материнская доступность в период младенчества, постоянное присутствие матери и её сердечное, чувственное участие очень важны для формирования будущей индивидуальности. Привязанность даёт ребёнку чувство защиты. Она оказывается важнейшим этапом при формировании уверенности в себе, и основой в ощущении себя отдельной персоной, способной отделиться от родителей, быть самостоятельной, инициативной, творческой личностью и создавать новые положительно окрашенные привязанности.

Некоторые семьи производят детей «по залёту», под властью инстинкта. Тем не менее, многие «залётчики», в своём детстве испытавшие родительскую любовь, формируют в семье настоящую привязанность к собственным ча-

дам, зачатым и рождённым, возможно, не в точном соответствии с требованиями морали. Но мораль - не главное. Важно, чтобы родители любили своего ребёнка и в критический период формирования привязанности были для ребёнка доступны.

Примерно три года необходимых и тесных отношений между матерью и ребёнком отделены как бы незримым и неосоздаемым психологическим забором, оберегающим эти отношения. За забором простирается пространство свободы и самостоятельности. За забором начинается постепенное продвижение к самостоятельной и индивидуальной жизни. Естественно, и в дальнейшем - на весь период детства, отрочества и юности, - ребёнок ещё нуждается в помощи матери, отца и других близких людей. Положительные привязанности, возникающие за забором, усиливают эффекты, создавшиеся в течение первых трёх лет жизни. Это критический период формирования отношений между родителями (матерью в первую очередь) и ребёнком.

Во многих обществах социум проникся необходимостью защитить отношения между матерью и ребёнком, - и узаконил период после рождения младенца, позволяющий матери не работать, а находиться с ребёнком. В памятной многим читателям советской социалистической реальности, к примеру, постановили, что до года ребёнок должен находиться с матерью за счёт общества, и до трёх лет мать может находиться с ребёнком за свой счёт. Ни один работодатель в этот период не мог обидеть мать увольнением. Но, к моему удивлению, в новой ближневосточной демократической реальности, где рождаемость выше, - другие порядки; и, вероятно, побеждает власть экономики. Хорошо, что у диких животных до сих пор экономика не вмешивается в природу.

В нашем ближневосточном социуме, в маленьком еврейском государстве, законодатели сочли возможным поставить препятствие для формирования привязанности - в трёх месяцах после рождения младенца. Дальше мама оказывается нужнее на работе; её присутствие необходимо там для воплощения важных общественных или личных задач работодателя. Экономическая мораль побеждает требования психологической природы человека.

Матери-карьеристки, нередко по собственному желанию, вкладывают свою любовь в ребёнка только до трёх месяцев. А дальше - баста. Что дали, то и дали. Птенцы в гнезде открывают клювики, но мать в это время борется за свой

статус в социуме. Продвижение по служебной лестнице и финансовая независимость – несомненно, важная часть устройства современного мира. Но как хочется личную успешность переплести с материнской любовью для формирования так необходимой привязанности между матерью и ребёнком. Кто встанет на защиту прав материнства?

Именно здесь, на Ближнем Востоке, мне довелось на практике встретиться с крайним вариантом идеологии равенства. Коммунистической или социалистической – это в данном случае не важно. «Промытые» идеологией равенства индивидуумы пробрались из коммунистической реальности, а может, и из далёкого прошлого общинной жизни. Они создали коммуны равных, и подобных доселе не бывало в мире. Этим коммунам дали название кибуцы.

В прошлом преграда, отделяющая мать от ребёнка, в кибуце воздвигалась сразу после его рождения. То есть вся подготовленная природой система личной привязанности между матерью и ребёнком не задействовалась по требованиям идеологии. Детей сразу после рождения забирали от родителей и воспитывали в Домах ребёнка. Всё для блага коммуны, всё для равенства. Мать освобождали от ухода за её чадом ради важной деятельности для процветания кибуца и страны. Женщины должны быть равны с мужчинами в их деятельности на благо общества. Внешне всё это выглядело прекрасно, - но бесчеловечно с позиции теоретиков привязанности.

Однако всё не так просто. Легко обвинить кибуцное движение в воспитании бездушного, без личных привязанностей поколения. Но в тот период для кибуцкого образа жизни были свои обстоятельства. Не случайно созданы - и до сих пор создаются, - новые кибуцы. По моим сведениям, в 2023 году их 270 штук в нашей маленькой ближневосточной стране. Сегодня в кибуцах образ жизни не таков, каким был раньше. Детей с рождения воспитывают родители в своих жилищах. Дома ребёнка перестали существовать как отдельные коллекторы для детей. Многие кибуцы до сих пор процветают, и такой образ общественной жизни охотно принимается многочисленными проживающими в них обитателями. И это происходит, несмотря на все противоречия.

Сила слова

В седьмом классе я подружился с одноклассником Юркой, с которым мы дружили все школьные и послешкольные годы, дружим и до сих пор, правда, уже на расстоянии. Целыми сутками болтались мы по пушкинским улицам и паркам, разлучаясь лишь на короткие предрассветные часы сна да на работу, а когда работали на одном предприятии, то не разлучались и там.

Парой мы были удачной, оба балагуры, пикировщики, болтали обо всём, что знали и не знали, с удовольствием пили водку и дешёвые по-настоящему вкусные портвейны, не носившие в те времена позорного имени «бормотуха». Нам было весело вдвоём. Через несколько лет после школы мне пришлось приложить немало усилий, чтобы женить его на сохнувшей по нему девушке. А пока что мы вдоволь слонялись по улицам, пили вино, пели песни, беспрестанно пикировались и чувствовали себя довольными жизнью людьми.

Было между нами и некоторое различие: я, хотя и не был слабым физически, драться не умел и до дружбы с Юркой больше проводил времени дома за книжкой, чем на катке или футбольном поле. Юрка, в отличие от меня, был парнем спортивным, драться хотя и не любил, но дрался умело и, как я понимаю, вообще был физически смелым человеком. Несмотря на то, что я его качествами не обладал, всё равно чувствовал себя в полной безопасности.

Пушкин наших времён был местечком маленьким, все друг друга знали, Юрка был знаком с одним хулиганом, я жил рядом с другим, так что гуляли мы в любое время суток совершенно спокойно. Всё-таки однажды я спросил Юрку, что такое нужно сказать, если ко мне вдруг пристанет какой-нибудь хмырь, чтобы тот сразу понял, что перед ним не «маменькин сыночек», на которого, боюсь, я всё-таки смахивал, а вполне самостоятельный парень, не вчера приехавший в Пушкин, возвращающийся в нужных кругах и знакомый с суровым уличным политесом. После короткого раздумья Юрка выдал фразу, которая отпечаталась в моей памяти навечно.

- Ты скажешь так, - сказал Юрка, - Ну, ты; хули ты, в натуре, как бля буду, кипешишься?

Через месяц или два мы с ним неторопливо шлёпали по улице Ленина. Мимо проходил какой-то парень, и я вякнул что-то, то ли по его, – даже и не помню – то ли не по его адресу. Парень повернулся и подошёл к нам.

- Ты чего? - угрожающе сказал он мне.

Тут-то я и вспомнил знаменитую Юркину фразу и уже раскрыл было рот, чтобы поставить нахала на место, но непроизвольно посмотрел вниз и увидел в десяти сантиметрах от своего живота наставленное лезвие ножа. Читатель может мне не поверить, но я – клянусь! – совершенно не испугался. Не испугался, как я сейчас понимаю, по двум причинам: врождённой, не прошедшей до сих пор инфантильности, и потому, что в те времена считал себя, без всяких на то оснований, бессмертным. Да и за воротник, прямо скажем, залито было неслабо. Но тут накупившийся Юрка сказал:

- Да брось ты, Паля. Не видишь – все свои.

Паля коротко хмыкнул, спрятал нож и, сказав: «Хоре, ребята», - пошёл своей дорогой. А мы, естественно, своей.

Сколько с тех пор прошло лет – сорок? Да, наверное, сорок – сорок пять.

И вот как-то раз, уже в Иерусалиме, идя по своим, как всегда несрочным делам, я перешёл улицу в неполюженном месте – не из-за спешки, повторяю, а по неискоренимой привычке всех израильтян переходить улицу тогда и там, где вздумается. Однако на этот раз, ещё даже не дойдя до возжелённой кромки тротуара, я понял, что попал. Именно в этом месте стояла полицейская машина, от которой шёл – и именно ко мне, в этом не было ни малейшего сомнения – бравый шотер (полицейский).

- Шалом, - скучно сказал он и полез в свою сумку.

- Шалом, - уныло согласился я.

- Удостоверение, - сказал он ещё скучнее и приготовил бланк штрафа. Хотя спорить или просить о снисхождении явно не было смысла – передо мной стоял каменный сефард, то есть еврей – выходец из Марокко или Ирака, по определению не любящий таких, как я, «русим», я всё-таки пробормотал, что тороплюсь, неотложные дела и т. п., Но, быстро увидев бессмысленность своей попытки, умолк и лишь тоскливо поинтересовался:

- Сколько?

- Сто шекелей, - равнодушно сказал шотер и для порядка добавил: - Торопиться надо по правилам. Знаешь, где улицы переходят?

Весь разговор, понятно, шёл на иврите. Протягивая ему последнюю сотню, я вдруг так отчётливо вспомнил все обиды своей несчастной и, по большому счёту, неудавшейся жизни, в том числе знаменитую фразу, которой мне за все эти годы так и не удалось блеснуть, что, глядя прямо в полицейскую кокарду, - небрежно, но веско, как и следовало в подобных ситуациях, произнёс:

- Ну, ты; хули ты, в натуре... - и дальше по тексту до самой последней буквы.

Карандаш стража порядка на мгновение замер. Затем суровый сефард поднял на меня взгляд, в котором удивление почти сразу сменилось искрами веселья. После чего сказал – по-русски, без малейшего акцента:

- Ладно, мужик. Прощаю тебя за твой великолепный русский язык. Давно я не слышал ничего подобного.

И, возвращая мне сотню, добавил:

- А улицу всё-таки переходи, где положено.

Он перечеркнул бланк штрафа и вернул его в сумку. А я, почти по Бабелю, положил в карман свой неожиданный гонорар.

***ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
В ИЗРАИЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ***

Андрей Зоилов

**Невыносимая ответственность
мастеров слова**

Война – органический враг литературы. Литература созидательна, война разрушительна. Литература убивает только персонажей, - да и тех виртуально; война убивает и читателей, и авторов – причём реально, физически. Когда процветает война, литература угасает, и только через некоторое время после окончания военных действий появляется полноценная литература о войне. А вот обратное неверно: никакой расцвет литературы не предотвращает войны, и полемика в печати не отменяет перестрелку; наглядный пример этого – современная проза воюющих стран. События войны настолько актуальнее и горячее событий литературы, что любое беллетристическое произведение рискует оказаться элементом войны информационной, а уж о публицистике и говорить нечего; художественные особенности текста утрачивают важность в сравнении с идейной насыщенностью. Казалось бы, всё это хоть и горестно, но общеизвестно; и нечего повторять банальности. Но погодите немного, давайте сделаем ещё несколько шажков по дороге рассуждений – и вы увидите, что всё это и нас непосредственно касается.

Нас – это тех, кто в Израиле работает, пишет и думает на русском языке. Или хотя бы с использованием русского языка. И при этом не разделяет имперских амбиций и методов российского правительства. Многие из нас в детстве впитывали русский язык в городах Украины (например, главный редактор «Артикля» вырос в Одессе, а референт – в Киеве). Многие возвращались в города детства своими книжками – но теперь выпуск в Украине книжек на русском языке немислим, да и не нужен. И в России выпуск наших книг столь же немислим и не нужен (например, соредактор «Артикля», светлой памяти Михаил Юдсон родом из Волго-

града; но там за печатание его книги «Лестница на шкаф» - а она есть на сайте журнала - нынче и в тюрьму посадить могут). Треклятая война, длящаяся вот уже полтора года – и конца ей пока не видно – не только оторвала писателей от громадного читательского массива, но и возложила на нас великую, возможно – непосильную личную и коллективную ответственность за русскую литературу, выброшенную из пределов языковой метрополии.

Сколь бы патетическим это утверждение ни выглядело, - оно правдиво. Это не только моё мнение. Вот, например, организатор литературного фестиваля «СловоНово» Марат Гельман в интервью Нателле Болтынской заявил: «Москва не является сегодня столицей культуры российской ни по каким параметрам. У русской культуры сейчас две столицы: Берлин и Тель-Авив. В Тель-Авиве двойная лояльность: культурная лояльность русскому языку, и гражданская – Израилю. И то же самое происходит сегодня в Берлине и в Париже. Такого не было: когда-то, если хотели сказать, что кто-то успешно уехал, говорили: он стал французом, стал американцем. То есть полностью растворился, отказался от своей идентичности. Сейчас – нет. Все ценят свой культурный багаж, создают книжные магазины, театры. Я в Берлине насчитал пять постоянно действующих русских театров. Эта новая ситуация говорит о том, что, в каком-то смысле, с кучей оговорок, русская культура оторвалась от территории. И это пойдёт ей на пользу»¹.

Насчёт «пользы» господин Гельман погорячился, конечно. Культуре больше идёт на пользу, когда её спокойно создают, а не когда её горячечно спасают. Впрочем, если использовать аналогии: спасение утопающих безусловно идёт на пользу утопающим. Если аналогию продолжать, то мне вспоминается эпизод романа Рея Брэдбери «451 по Фаренгейту», когда центрального персонажа знакомят с людьми, спасающими литературу в себе. Этот фрагмент настолько хорош, что я не откажу себе в удовольствии процитировать его (надеюсь, к месту):

«- Монтэг, хотели бы вы прочесть «Государство» Платона?»

- О да, конечно!

---

¹ Цитирую по: <https://detaly.co.il/moskva-ne-yavlyaetsya-segodnya-stolitsej-rossijskoj-kultury-ni-po-kakim-parametram>

- Ну вот, я - это «Государство» Платона. А Марка Аврелия хотите почитать? Мистер Симмонс - Марк Аврелий.

- Привет! - сказал мистер Симмонс.

- Здравствуйте, - ответил Монтэг.

- Разрешите познакомить вас с Джонатаном Свифтом, автором весьма острой политической сатиры «Путешествие Гулливера». А вот Чарлз Дарвин, вот Шопенгауэр, а это Эйнштейн, а этот, рядом со мной, - мистер Альберт Швейцер, добрый философ. Вот мы все перед вами, Монтэг, - Аристофан и Махатма Ганди, Гаутама Будда и Конфуций, Томас Лав Пикок, Томас Джефферсон и Линкольн - к вашим услугам. Мы также - Матфей, Марк, Лука и Иоанн.

Они негромко рассмеялись.

- Этого не может быть! - воскликнул Монтэг.

- Нет, это так, - ответил, улыбаясь, Грэнджер. - ...Все мы - обрывки и кусочки истории, литературы, международного права. Байрон, Том Пейн, Макиавелли, Христос - всё здесь, в наших головах... Наша задача - сохранить знания, которые нам ещё будут нужны, сберечь их в целостности и сохранности. Иной раз нас останавливают и обыскивают, но никогда не находят ничего, что могло бы дать повод к аресту. У нас очень гибкая, неуловимая, разбросанная по всем уголкам страны организация... Самое главное, что нам надо было понять, - это что сами по себе мы ничто, что мы не должны быть педантами или чувствовать своё превосходство над другими людьми. Мы всего лишь обложки книг, предохраняющие их от порчи и пыли, - ничего больше. Некоторые из нас живут в небольших городках. Глава первая из книги Торо «Уолден» живет в Грин-Ривер, глава вторая - в Уиллоу-Фарм, штат Мэн. В штате Мэриленд есть городок с населением всего двадцать семь человек, так что вряд ли туда станут бросать бомбы; в этом городке у нас хранится полное собрание трудов Бертрانا Рассела. Его можно взять в руки, как книгу, этот городок, и полистать страницы - столько-то страниц в голове у каждого из обитателей. А когда война кончится, тогда в один прекрасный день, в один прекрасный год книги снова можно будет написать; созовём всех этих людей, и они прочтут наизусть всё, что знают, и мы всё это напечатаем на бумаге. А потом, возможно, наступит новый век тьмы и придётся опять всё начинать сначала. Но у человека есть одно замечательное свойство: если приходится всё начинать сначала, он не отчаивается и

не теряет мужества, ибо он знает, что это очень важно, что это стоит усилий»¹.

Вот доказывать эту важность литературных усилий, стимулировать к работе мастеров и подмастерьев сочетания точных слов, соединять под одной обложкой совершенно различных по темпераменту, настрою, стилю, но близких по духу писателей – и есть подлинное призвание всякого литературного журнала, даже если его издатели не признаются в этом. Но чем редакция может вознаградить драгоценных её сердцу авторов, кроме безгонорарной публикации?

Война уничтожила динамику культуры, и в частности, динамику литературного процесса в России. Если автору грозит наказание от властей даже за пост в социальной сети, то вряд ли найдётся издательство, готовое выпустить сомнительную - с точки зрения представителей тех же властей – книжку, навлекая тем самым неприятности на свою голову. Спектр дозволенных в языковой метрополии утверждений сузился, и пока неясно, как долго это продлится. Осталась лишь надежда на правдивые и веские голоса из-за рубежа. Хотя и там многие авторы, маститые и не очень, невольно повторяют максимум одной начинающей писательницы: «Мне нечего сказать, но я хочу быть услышанной!»

Вспоминается время начала «большой алии» 90-х. 1991-1993 год. Тогда в местной русскоязычной бумажной прессе (а её было существенно больше, чем ныне; перекося в сторону Интернета был ещё не сформирован) неоднократно печатались сетования на то, что алия политически не организована, и что любое добровольное и бескорыстное объединение репатриантов – хотя бы в клуб любителей Шекспира - следует приветствовать и поддерживать. С тех пор алия уже успела и политически организовать, и вновь дезорганизоваться. Если какие-то средства из казны и были на это выделены, то они способствовали не организации алии, а улучшению жизни организаторов – задача, безусловно, благородная, но не государственная.

Чтобы преуспеть в израильском обществе, придётся в него интегрироваться: перейти на иврит и обрести приятеле-

---

¹ Невольно перед мысленным взором встаёт аналогичная картина на стогнах Тель-Авива: «- Хотите познакомиться с еврейской мудростью? Знакомьтесь: Яков Шехтер, хасидские истории. Грустные рассказы о любви? Пожалуйста, Инна Шейхатович, она же и об искусстве. А я – Андрей Зоилов, литературная критика на всякий вкус».

лей, говорящих на этом языке, а ещё эффективнее – породниться с сабрами; отрешиться от специфических репатриантских и далёких от Израиля межславянских проблем и озаботиться проблемами местного социума; добиться уважения со стороны уже преуспевших и материального комфорта для себя и нескольких поколений своей семьи. Чтобы стать духовным центром говорящей по-русски эмиграции, нужно довольно круто отклонить этот поведенческий вектор: хранить в общении русский язык и приятельствовать с теми, кто его понимает; беспокоиться из-за войны в Украине больше, чем из-за судебной реформы в Израиле; добиваться уважения от деятелей культуры, прославившихся вне Израиля у русскоязычной аудитории, даже если эти деятели в новой для себя стране ещё никак не преуспели. Такое поведение не ведёт ни к высокооплачиваемым должностям, ни к материальным приобретениям. Причём правильное личное поведение для духовного лидерства необходимо, но недостаточно; придётся ещё предложить идеологию, программу, лозунг, знамя – которые объединили бы разрозненных и растерянных последователей в единую паству. Когда-то для евреев такой идеей был сионизм – но вот государству уже семьдесят пять лет; когда-то советских диссидентов объединяла идея свободного выезда – но вот желающие уехали, а некоторых нежелающих вытолкали; когда-то сторонников партии «Израэль ба-алия» объединяло желание поучаствовать в политической жизни страны – и они поучаствовали по мере сил; когда-то говорящим по-русски израильтянам потребовался свой литературный журнал – и появился журнал «Сион», из которого вышел журнал «22», наследником которого вольно или невольно оказался «Артикль» (напомню, что один из нынешних соредкторов «Артикля», светлой памяти Михаил Юдсон, числился помощником редактора «22», а другой – нынешний главред Яков Шехтер – входил в редколлегию «22»). И вот вопрос: в состоянии ли журнал предложить какую-либо объединительную и объединяющую идею современной русскоязычной эмиграции или хотя бы алие? Хотя что-нибудь, кроме призыва публиковаться на его страницах?

Объединительную – но не объединяющую – идею в таком повороте можно заметить. Если допустить, что писатель приходит к читателю не только как физическое тело, но и как духовная эманация автора, как смысл, настроение и наполнение произведения. Тогда журнал свершает вели-

кую миссию сохранения литературы, и вместе с другими журналами русского зарубежья поддерживает литературный процесс, насильственно прерванный цензурой и войной. Но автор, особенно ныне здравствующий – это не только духовная эманация, но и вполне реальное физическое тело со здоровой психикой и бытовыми нуждами. И ему, как всякому доброму человеку, требуется и социальное признание ценности своих усилий, и профессиональное общение, и гражданские ориентиры. В конце концов, ему бывает приятно стаканчик чаю с друзьями вместе выпить.

И тут война опять подложила свинью литературе. До февраля 2022 года в Тель-Авиве работал так называемый «Русский дом» - Российский культурный центр (РКЦ) на улице Геула. В мирное время там бывали довольно интересные вечера русско-израильской литературы; в частности, неоднократно и журнал «Артикль» выступал их организатором. Этот очаг культуры принадлежит «Россотрудничеству» - агентству, числящемуся при министерстве иностранных дел России. Соредактор «Артикля», светлой памяти Михаил Юдсон вместе с членом редколлегии Ириной Маулер даже опубликовали в интернет-журнале «Гостиная» интервью с директором этого центра под заглавием «Центростремление культуры»¹. Но на исходе зимы 2022 года центростремительные силы сменились центробежными; ясно, что посещать этот дом уважающий себя литератор более не вправе – линия окопов информационной войны пролегла по его порогу.

И эта война подарила нам пару горестных, но забавных эпизодов. До начала вторжения российской армии в Украину у РКЦ был сайт в Интернете. Вещь нужная: в РКЦ проходили лекции и вечера, работали кружки, любительский театр и библиотека. Работники, поддерживавшие сайт, прежде чем уволиться, поместили открытое письмо-заявление о том, что войну не одобряют, действия правительства осуждают – потому и увольняются. И ушли. Администрация немедленно сайт закрыла, но письмо это оказалось замеченным. Газета «Коммерсантъ» разместила² такое пояснение: «"Это прекраснейший пример классического фейка и провокации. Он (сайт - "Ъ") не имеет к нам никакого отношения. Это, скорее всего, дело проукраинских активи-

---

Михаил Юдсон и Ирина Маулер «Центростремление культуры»¹
<https://gostinaya.net/?p=9916>, ноябрь 2014 г.

<https://www.kommersant.ru/doc/5260430>²

стов, которых в Израиле много», - сказал «Ъ» директор Русского дома. По его словам, у Русского дома нет сайта, а только официальные аккаунты в соцсетях. Источник, близкий к Русскому дому в Тель-Авиве, рассказал «Ъ», что после начала «специальной военной операции» некоторые израильские сотрудники дома уволились, но россияне продолжают работать». Это разъяснение напоминает старинный анекдот: офицеру, доставленному после гигантской пьянки домой в невменяемом состоянии, наутро очень неловко перед денщиком, чистящим его мундир от следов рвоты. Офицер и говорит: «Ты не подумай чего, братец... Просто вчера в собрание пришёл поручик Ржевский, напился как свинья и облевал мне весь мундир». «Так точно, ваше благородие, - отвечает денщик. – Этот поручик не только облевал ваш мундир, но и нагадил вам в штаны...».

Конечно, находиться в Израиле полезнее, удобнее и выгоднее, чем в окопах под Бахмутом или Купянском. И потому странички РКЦ в социальных сетях, - на которых в сведениях о владельце указан адрес сайта, которого якобы и не бывало, - поддерживаются аккуратно и старательно, и без особого z-фанатизма. Но начальство, по-видимому, требует воевать, и вот в соцсети появляется сообщение: «Израильским антинацистским фронтом при поддержке Русского дома были отправлены видеоприветствия и подарки российским военнослужащим, участвующим в спецоперации. В ответ от ребят с линии фронта были получены послания с благодарностью за тёплые слова поддержки и подарки»¹. На видео, сопровождающем публикацию, заметно, что подарки небогаты: маленький флакон с коричневой жидкостью и несколько бумажных то ли брошюр, то ли икон. «Проукраинские активисты», которых много в Израиле, - гораздо щедрее к украинской армии. Но забавнее всего невозможность посмотреть на представителей «Израильского антинацистского фронта», отправляющего подарки нацистам. Если это реальные люди, пусть даже проплаченные, то они очень рискуют получить от израильтян несколько тумачков или плевков в лицо – и предложение передать это организаторам «спецоперации».

У нынешнего правительства России нет монополии на русскую культуру. Нет и плодотворных идей по её развитию. Перехватить у идейного противника инициативу, вы-

---

¹ Цитирую по https://vk.com/russianhouse_tlv; 27 ноября 2022 г.

двинуть новые продуктивные начинания, отбросить коммерцию в пользу общего блага, предложить пути и методы, способные объединить тех, кто в эмигрантской растерянности вынужден конкурировать друг с другом – вот бремя ответственности старожилов, вот достойная задача для любого печатного органа. И берётся ли редакция за эту сложнейшую задачу, или сделает вид, будто игнорирует её – жизнь всё равно заставит её решать; а ответ мы увидим воочию, - и будет он называться Новым Русским Домом, «Артиклем» или как-либо по-другому.

Литература имеет перед войной очень существенное преимущество: война обязательно заканчивается, литература – никогда. Можно отключить в России Интернет, можно заполнить телевидение пропагандой, а печатные издания – официальными сообщениями и их старательной трактовкой. Это пока посылно для властей. Но единство народа это не обеспечит, качеству текстов не способствует. Обязательно найдутся люди, которые захотят сохранить старые мудрые книги и смогут написать прекрасные новые.

Да вот, за примером недалеко ходить. Израильский политик, бывший глава партии «Израэль ба-алия», а затем и руководитель Еврейского агентства (Сохнута) Натан Щаранский написал книгу «Не убоюсь зла». Нынешний лидер российской оппозиции Алексей Навальный в своём обращении¹ из тюрьмы пишет: «Сижу я в ШИЗО и читаю книгу Натана Щаранского «Не убоюсь зла» (рекомендую). Щаранский отсидел в СССР девять лет, в 1986 году его обменяли. Он уехал в Израиль, создал партию, добился огромных успехов. В общем, крутой он. Провёл, кстати, в карцерах и ШИЗО 400 дней. И я реально не представляю, как он выжил. Так вот, Щаранский описывает арест и следствие. 1977 год. Мне тогда был один год. Книга вышла в СССР в 1991-м. Мне тогда было 15 лет. А сейчас мне 47, и, читая его книгу, я иногда трясу головой, чтобы избавиться от ощущения, что я читаю своё личное дело».

Так с помощью книги один честный и свободолюбивый человек сквозь время и расстояние протягивает руку другому.

Защищая Украину от присоединения к России, весь цивилизованный мир защищает в первую очередь себя. Защищает свои небо и землю от ракет и бомб, свои дома – от разрушения и грабежей, торговлю – от распределения по

---

¹ Цитирую по сайту <https://navalny.com> 11 августа 2023 г.

карточкам, общество – от единомыслия. Защищая литературу от господства имперской идеологии, писатели делают то же самое, что и добродетельные персонажи романа Брэдбери. «Мы всего лишь обложки книг...» Если бы писателям удавалось влиять на умы сильнее... О, если бы писателям удавалось влиять на умы сильнее! – прекратились бы войны, закрылись и самораспустились все секретные службы, а в русскоязычных израильских журналах появились бы гонорары.

И, тем не менее, незавидная писательская судьба влечёт к себе всё новых абитуриентов, прозелитов и неофитов. «Глава Российского союза писателей Дмитрий Кравчук рассказал, что в России поэтическим творчеством занимается 1% населения. Большая часть из них старше 40 лет. Команда Дмитрия Кравчука, основавшего порталы «Стихи.ру» и «Проза.ру», посчитала аудиторию этих сайтов и выяснила, что число поэтов и писателей там превышает миллион человек. Показатель в 1% был вычислен исходя из того, что население России составляет порядка 146 млн человек, исключив детей, пенсионеров глубокого возраста и тех, кто не пользуется Интернетом. Кравчук добавил, что из этого 1% поэтов 55-60% приходится на женщин и около 45% – на мужчин. Он объяснил такое соотношение тем, что мужчинам нужно зарабатывать деньги, поэтому у них меньше возможностей заниматься творчеством для души»¹.

Количество писателей в стране связано с качеством её литературы непрямой корреляцией, которая ещё ждёт своего исследователя. В России сегодня в 12 раз больше писателей, чем было во всём СССР. Это не шутка, это заголовок серьёзной газетной статьи в «Новых Известиях»²: «...Самый полный из существующих списков - около 120 тысяч человек, пишущих на русском языке, которые выпустили хотя бы одну книгу стихов, прозы или публицистики. Эти 120 тысяч человек объединены в 27 союзов писателей. В Союзе официальных советских писателей было 10 тысяч членов на весь СССР, и это казалось очень много».

---

¹ Цитирую по <https://news.rambler.ru/other/44739504>, 28 августа 2020 года.

² <https://newizv.ru/news/2018-06-28>. «В России сегодня в 12 раз больше писателей, чем было в СССР».

По этому поводу есть у меня в запасе забавная история, типичная писательская байка. Во времена так называемого «застоя» (а это с середины 60-х до середины 80-х годов XX века) небольшая, но представительная делегация советских писателей приехала в Великобританию на встречу с коллегами по перу. «Интересно, сколько в Англии писателей? - спросил глава делегации. – Вот у нас в СССР - восемь или девять тысяч». «У нас тоже восемь, - ответил ему англичанин, - или даже девять». Потом ненадолго задумался и поправил сам себя: «Нет, всё-таки восемь. Девятый до писателя не дотягивает...».

Литературный процесс как общее дело

*(О совместном вечере СРПИ и журнала «Артикль»
в театре «Маленький»)*

Бывают события внешне неброские, и участвует в них сравнительно немного народа, и последствия у них проявляются не сразу – и тем не менее, эти события оказываются важными, знаковыми, определяющими судьбы. Вот, например, первый поцелуй. Участвуют двое, и для обоих это – событие немаловажное. И если повезёт – оно запомнится навсегда. А если со стороны взглянуть, то посторонние рискуют ничего серьёзного не заметить.

Вот и в израильской русскоязычной литературе произошло знаковое событие, благотворный эффект которого ещё проявится в будущем. 18 июля в Тель-Авиве, в помещении театра «Маленький», на улице Хома-у-мигдаль, состоялся творческий вечер журнала «Артикль», организованный при содействии Союза русскоязычных писателей Израиля (СРПИ), Вели этот вечер совместно главный редактор журнала Яков Шехтер и председатель СРПИ Марк Котлярский. Благословил мероприятие режиссёр театра Михаил Теплицкий.

Казалось бы: ну и что? Творческих вечеров в Израиле происходит немало; зал был заполнен более чем на две трети; вечер длился всего два часа. Да, со сцены читали замечательные остроумные стихи, да – участвовали известные не только в Израиле маститые авторы, каждый из которых выпустил десятка два-три книжек, да – на вечере были и молодые талантливые писатели, которые пока не просили слова, но, несомненно, скажут его позднее. Но знаковость? Она отчётливо видна лишь тем, кто следит за состоянием местной литературы.

Дело в том, что израильский русскоязычный литературный процесс от 90-х годов XX века и до сих пор выстраивался по «тусовочному» принципу. Это легко объяснимо: когда для чего бы то ни было потребуется художественный текст, его автор должен оказаться рядом с заказчиком, – быть, так сказать, под рукой. Иерусалимские журналы заполнялись преимущественно произведениями столичных жителей, тель-авивские – жителей Гуш-Дана. Писатели переходили в журналистику, потому что литература не корми-

ла; а с годами перестала кормить и русскоязычная журналистика. Источники дотаций и грантов держались в секрете и тщательно оберегались от чужаков; оберегаются они и сейчас. СРПИ объединяет более двухсот действующих авторов, платящих членские взносы, и ещё приблизительно столько же литераторов, взносы не заплативших. Журнал «Артикль» также объединил под своей обложкой более двухсот писателей – на вечере был представлен не только свежий, 25-й его выпуск, но и предыдущие номера - и в каждом два-три десятка авторов, преимущественно израильских. Журнал не требует взносов, но и не даёт гонораров. И до сего дня я не упомяну такого продуктивного и творческого единения СРПИ и журнала, органом писательского союза никак не являющегося. Слились две активные и мощные тусовки, и это такая же редкость и столь же знаково, как предстоящий брак детей из семей Капулетти и Монтекки.

Что же касается самого вечера, то он прошёл увлекательно и насыщенно. Возможно, дополнительной приманкой послужил драматургический ход Якова Шехтера: он извлёк из своих запасов бутылку отличного виски и пообещал налить рюмочку каждому, кто скажет дельное слово. И в дельных словах недостатка не оказалось! Выступали поэты Михаил Сипер и Феликс Хармац, Феликс Чечик и Геннадий Каневский, Анна Файн и Даниэль Клугер... Зал периодически взрывался хохотом и аплодисментами. Сотрудник «Новостей недели» Пётр Люкимсон стихов читать не стал, но в краткой ёмкой речи объяснил, почему «Артикль» является средством не массовой, а персональной информации – вспомнив при этом всю историю мировой литературы. К чести всех выступающих, они осушали бокалы не до своего выступления, а только после него – что не характерно для нравов современной русской литературы.

Вечер удался. Осталось посмотреть, как развернёт свою работу на благо зрителей и читателей творческое содружество независимого печатного органа, писательского союза и профессионального театра.

Роман Кацман
Елена Промышлянская
Алексей Сурин

**Дневник событий русско-израильской литературы
Июль-сентябрь 2023**

В полном объеме дневник публикуется на сайте кафедры еврейской литературы Университета им. Бар-Илана по-русски и на иврите (<https://hebrew-literature.biu.ac.il/en/diary>).

Июль 2023

Журналист, критик и поэт Юрий Володарский открыл новый цикл вебкастов "Книжное сословие", продолжающий его радиопередачи, выходявшие в прошлые годы. Онлайн программы, проходящие на платформе Zoom, посвящены израильской литературе на русском языке, переводам мировой литературы на русский язык и актуальным событиям литературной жизни. Среди гостей "Книжного сословия" были такие поэты и прозаики, как Дмитрий Коломенский, Вика Ройтман, Феликс Хармац, Лена Берсон, Геннадий Каневский, Яков Шехтер, Семен Крайтман. Володарский также представляет слушателям новые книги и журналы, выходящие в Израиле на русском языке.

1 июля 2023

Под эгидой литературного альманаха "Артикуляция" в сети вышел 7-й номер "Transitions" – антологии переводов современных поэтов, публиковавшихся прежде в альманахе. Редакторами трех разделов сборника выступили Татьяна Бонч-Осмоловская, Анна Голубкова и Гали-Дана Зингер. В раздел под редакцией Зингер включены произведения таких поэтов, как Илья Эш, Геннадий Каневский, Елена Крайцберг, Павел Лемберский. В номер вошли также стихотворения Г.-Д. Зингер в переводе Бонч-Осмоловской, под редакцией Марка Вингрэйва.

В Германии, в издательстве Ильи Перельмутера (Perelmuter Verlag) вышел 30-й номер журнала "Four Centuries. Russian Poetry in Translations" («Четыре века. Русская поэзия в переводах»), в который вошли стихотворения Давида Шраера-Петрова, Александра Вейцмана, Екатери-

ны Таубер, Нины Коссман, Гали-Даны Зингер и других авторов.

6 июля 2023

В Хайфском отделении Союза русскоязычных писателей Израиля (СРПИ) состоялся творческий вечер писателя Сергея Баева. Вечере приняли участие председатель СРПИ Марк Котлярский, писатели Владимир Аролович и Виталий Бронштейн (Тверия), издатель и владелица книжного магазина Хелен Лимонова, участники литературного объединения под руководством Ирины Явчуновской (Хайфа). Выступление Сергея Баева вызвало неподдельный интерес присутствующих и переросло в оживлённую дискуссию о задачах литературы. Прозвучали фрагменты произведений Баева в исполнении декламатора Е. Коломиец, затем все желающие получили в подарок книги с автографом автора.

Сергей Баев родился в Томске в 1956 году, окончил Томский университет. В начале 1990-х годов репатриировался в Израиль. Баев - автор сборников рассказов "Девяносто три" (2014), "Неизвестная война" (2014), "Наши в городе" (2015), романов "Исповедь чемпионки" (2015), "Детство минус" (2018), "Эффект бабочки" (2019), "Болото" (2020) и ряда других.

8 июля 2023

В сети опубликован 41-й номер журнала "Двоеточие". (<https://dvoetochie.org/dvoetochie41>) Номер посвящён памяти писателя Андрея Левкина. Редакторы избрали тематический способ отбора материала и сосредоточились на комнате и окне как особых местах, топах, мотивах или темах, тесно связанных с формой видения, созданием образа и организацией смысла в литературе и культуре. В номер включены произведения авторов XVIII века (Карл Фридрих Кречманн, Ксавье де Местр), XIX века (Герман Мелвилл, Шарль Поль де Кок), современных западных авторов (Мargarет Этвуд, Джефф Дайер), русских и украинских авторов (Василий Бетаки, Наталья Нагорная), ивритского поэта Исраэля Элираза, а также русскоязычных израильских авторов (Некод Зингер, Ева-Катерина Махова, Галина Блейх). Отдельное внимание привлекает статья Михаила Короля, переведшего для номера фрагменты из поэмы Мелвилла «Кларель: поэма и паломничество на Святую Землю», – «Мелвилл в Иерусалиме».

В номер включён редакционный коллаж из обложек книг на разных языках, названия которых примерно означают “путешествие по комнате” или по саду. То, что в эту же подборку включены книги под названием “путешествие по словарю” и “путешествие по библиотеке”, сообщает всему проекту борхесовскую объёмность.

О цели редакторов читатели узнают из статьи российского литературоведа Александра Чанцева: «Если я правильно понял поставленную редакторами тему этого номера – между двумя полюсами, новеллой Гофмана “Угловое окно” и “Путешествием вокруг моей комнаты” Ксавье де Местра, – то её можно сформулировать (или переформулировать) так: за открытость мы (инвалид у Гофмана оказывается заперт в своей квартире, он наблюдает рынок под окном, счастлив видимым и дофантазируемым) или за солипсизм (герой де Местра, наскучив, кажется, всем, описывает свою комнату и откровенно «гонит»). С глобальными тусовщиками мы или с хикикомори. Или, вспоминая лексику школьных лет, за впуклый мир или все же выпуклый... Усилились обе тенденции. Общительное стало более общительным, одинокое – более одиноким... Мы – не мы. Мы роли, которые разыгрывает нами Фейсбук и прочие виртуальности. Нас уже почти нет. Выпуклые – не своим настоящим Я, впуклые – умаляющие своё скукоженное Я до забивания его в норку. Наполненные иллюзиями люди становятся иллюзорны сами. Состоя из фантомов, они пустеют. Превращаются в hollow people, совсем по Элиоту. Пустых людей же может сдуть ветер перемен. Который подует уже в полную силу, когда все это закончится».

Стоит, пожалуй, заметить, что сам этот номер “Двоеочия” противоречит апокалиптическому видению Чанцева и ставит под сомнение противопоставление открытости и солипсизма. Одиночество – не нора. Фантомы – не пусты. Игра – не иллюзия. В той игре в двоеочие, которую Гали-Дана и Некод Зингер ведут уже без малого тридцать лет, два – это всегда значительно больше, чем один плюс один.

10 июля 2023

Докторант кафедры литературы еврейского народа Бар-Иланского университета Алексей Сурин принял участие в конференции Британской и Ирландской Ассоциации Еврейских Исследований (BIAJS, Edge Hill University, 10-12 июля), где выступил с докладом на тему: «Война: осмысление катастрофы через призму еврейской культуры в русско-

израильской поэзии». Целью доклада было показать, как и почему русско-израильская поэзия, написанная после 24 февраля 2022 года, использует образы, аллюзии и отсылки к еврейской истории и культуре, пытаясь осмыслить полномасштабную войну, развязанную Россией против Украины.

16 июля 2023

В российском журнале "Лехаим" опубликована рецензия Ольги Баллы-Гертман на книгу Давида Маркиша «Только три часа полёта», вышедшую в издательстве "Книжники". Автор отмечает, что главной темой рассказов, включённых в сборник, является существование "людей пограничья" – между Россией и Израилем, русскими и евреями, жизнью и смертью и т. п. Когда речь заходит о попытках "приписать" автора к русской или израильской литературе, рецензент, к сожалению, ссылается на интервью Маркиша восемнадцатилетней давности. Таким образом, несмотря на актуальность сборника Маркиша в эти дни войны, рецензия остаётся полной недомолвок и, несмотря на подлинный интерес к его творчеству, оставляет его за пределами живого русско-израильского литературного процесса.

17 июля 2023

В израильском издательстве "Книга-Сэфер" вышла новая книга Каринэ Арутюновой «Как внутренняя стена дома». В книге собраны заметки и рисунки Арутюновой, в которых отражаются "тени войны", развязанной Россией против Украины. Сама писательница говорит о своей книге так: «Это мой голос. Не очень громкий, иногда даже слишком тихий. Вплетённые в него голоса - из Киева 41-го... Из Западной Армении, Карабаха, Степанакерта... 1915, 2016, 2020. Из Израиля девяностых и двухтысячных. Из февраля 2022, из декабря 2023. Точка обзора - внутренняя стена дома. И это поймет каждый, кто переживал (и продолжает переживать) реалии войны».

17 июля 2023

В рамках Конгресса Европейской Ассоциации Еврейских Исследований, прошедшего во Франкфуртском университете имени Иоганна Вольфганга Гёте (EAJS, 16-20 июля), Алексей Сурин выступил с докладом на тему: «Израильские города: разнообразие городского мифа в русско-израильской литературе». Доклад был посвящён трём городам - Иерусалиму, Тель-Авиву и Хайфе - и их репрезен-

тациям в русско-израильской литературе посредством мифологических или мифопоэтических конструкций. В этом же заседании состоялось выступление Елены Римон из Ариельского университета: «Иерусалим в русско-израильской фантастике: жанры, герои, контекст».

18 июля 2023

В Тель-Авиве состоялась презентация нового, 25-го номера журнала "Артикль". На вечере выступили главный редактор журнала Яков Шехтер, руководитель Союза русскоязычных писателей Израиля Марк Котлярский, а также авторы журнала Даниэль Клугер, Пётр Люкимсон, Феликс Хармац, Феликс Чечик, Анна Файн и другие.

20 июля 2023

В Иерусалиме в Доме Ури-Цви Гринберга состоялся вечер памяти Игоря Бяльского, поэта, переводчика и редактора "Иерусалимского журнала", ушедшего из жизни 7 июля 2022 года. В вечере приняли участие писатели, друзья Бяльского Илья Беркович, Марк Вейцман, Ася Векслер, Михаил Книжник, Семен Крайтман, Леонид Левинзон, Марина Меламед, Зинаида Палванова, Дина Рубина, Зеев Султанович, Михаил Фельдман, Феликс Хармац, Велвл Чернин и другие.

24 июля 2023

В польском научном журнале "Iudaica Russica" вышли две статьи, посвященные русско-израильским авторам.

Литературовед, профессор Московского гуманитарного педагогического университета Элеонора Шафранская пишет о двух романах Аркана Карива (настоящее имя - Аркадий Карабчиевский, 1963-2012), писателя и журналиста, жившего в Израиле с 1989 по 2004 год: «Переводчик» (2001) и «Однажды в Бишкеке» (2013). В материале под названием «Бремя культуры — транскультурная миссия Аркана Карива» автор рассуждает о герое обоих романов Карива Мартыне Зильбере, российском еврее, становящемся в Израиле «транслятором русской культуры», профессия которого - переводчик — «позволяет ему находиться в состоянии культурного фронта, бесконечного сопоставления разных культур и языков».

Алексей Сурин в статье «Иерусалим как город мировой литературы: Зингер и Борхес» обращается к роману писателя, переводчика и художника Некода Зингера «Черновики Иерусалима» (2013) и рассматривает его сквозь призму

рассказа Хорхе Луиса Борхеса «Вавилонская библиотека» (1941). С помощью ряда сопоставлений между двумя произведениями автор показывает, что Зингер, мастерски используя постмодернистские приемы, лишь притворяется постмодернистом, чтобы теми же средствами показать возможности преодоления кризиса культуры.

28 июля 2023

В британском научном журнале "Critique. Journal of Socialist Theory" опубликована статья польского литературоведа Агнешки Ленарт «Юлий Марголин о свободе и человечности в условиях советского тоталитаризма». Анализируя главное произведение Марголина, его воспоминания об опыте выживания в сталинском ГУЛАГе, «Путешествие в страну Зе-Ка» (первое издание - 1952 год), Ленарт делает акцент на описании механизмов подавления свободы и человечности в трудовом лагере, где каждый заключенный должен превратиться в машину-раба, чья жизнь сведена к исполнению приказов лагерного начальства и следованию лагерному распорядку. Механизмам дегуманизации нарратор «Путешествия» противопоставляет достоинство и свободу - главные ценности, составляющие сущность человека, - пишет исследовательница со ссылкой на Марголина. «Ничто не оправдывает действия, отрицающие автономию человека. Выход за определенные объективные границы означает расчеловечивание, с которым так трудно примириться Марголину. Его самая большая боль — неспособность быть собой... Вместо «нового человека», которого должно было сформировать тоталитарное коммунистическое государство, мы имеем Марголина, философа, обладающего сильной индивидуальностью».

1 августа

В издательстве «Исрадон» вышел новый роман Алекса Тарна «Колечко жизни». В аннотации к роману сказано, что он повествует о любви Ромео и Джульетты из враждующих политических домов на фоне событий 1938-1943 годов в Польше. В книге действуют как вымышленные, так и реальные исторические персонажи – Павел Френкель, Мордехай Анилевич, Адам Черняков, Януш Корчак, Менахем Бегин, Натан Елин-Мор и другие. Отмечается, что роман основан на документальных исследованиях, а также на дневниках и воспоминаниях участников событий.

2 августа 2023

В рамках цикла веб-встреч Златы Зарецкой "Драматургические посиделки" состоялась встреча с писателем, переводчиком и редактором Ниной Воронель. На встрече были представлены основные этапы творческой деятельности Воронель, а также прошло обсуждение ее пьес "Сальто Мортале", "Дибук наших дней" и др. Автор рассказала об истории их создания и постановок в театрах Израиля и за его пределами.

4 августа 2023

Израильский русскоязычный журнал «Артикль» налаживает творческий обмен с государственным институтом переводов Азербайджана. В рамках этого соглашения в азербайджанском журнале «Хазар» в рубрике «Современная израильская проза» публикуются переводы русско-израильских авторов. В переводе на азербайджанский уже вышли рассказы Дины Рубиной, Анны Файн, Давида Маркиша, Якова Шехтера. В ответ «Артикль» в рубрике «Арфа и лира» публикует произведения современных азербайджанских авторов.

10 августа 2023

В московском издательстве "Б.С.Г.-Пресс" (ОГИ) вышла в свет новая книга Феликса Канделя «По путям неведенья. Люди. События. Вымыслы». В аннотации говорится: "Новая книга писателя - сложное нелинейное повествование, разветвленная метафора пройденного жизненного пути, таинственным образом то и дело совпадающего с путями Дон Кихота Ламанчского, героя великого испанца". Предыдущая книга известного прозаика «Время рождаться и время умирать. Жизнь и ее продолжение по законам иудаизма» вышла в 2021 году. Всего на счету писателя пятнадцать книг прозы и семь историко-популярных книг, одна из которых – шеститомник «Книга времён и событий» (2002-2007), посвящённый истории российских евреев.

28 августа 2023

В Петях-Тикве в синагоге «Шевет Ахим» состоялась ярмарка еврейской книги на русском языке. В ярмарке приняли участие издатель Михаил Гринберг ("Книжники", "Библиотека Михаила Гринберга") и представитель российского издательского дома "Книжники" Шмуэль Сахманов.

3 сентября 2023

В книжном магазине "Бабель" (Хайфа) состоялось открытое обсуждение романа "Бобо" писателя, главного редактора журнала ROAR Линор Горалик. Автор романа встретила с хайфским женским книжным клубом, прочла отрывки из своей книги и обсудила её содержание с гостями вечера. Роман "Бобо", повествующий о путешествии слона по России, погрязшей в войне против Украины, вышел в 2023 году.

5 сентября 2023

В иерусалимском издательстве «Студия Клик» вышла новая книга писателя и культуролога Михаила Короля «Полигимния в Иерусалиме». Книга рассказывает истории двенадцати поэтов и писателей, в разное время посетивших Иерусалим и оставивших о нём свои воспоминания. Среди них Уильям Теккерей, Николай Гоголь, Гюстав Флобер, Герман Мелвилл, Марк Твен, Сельма Лагерлёф, Иван Бунин и другие.

6-8 сентября 2023

В Центре наследия Менахема Бегина в Иерусалиме прошёл фестиваль детской литературы на русском языке «В чемодане» (<https://www.vchemodane.com>). Свою книжную продукцию представили российские и израильские издательства: "Самокат", "Rubin", "Городец", "Белая ворона", "Книжники", "Август", "Миф", "Маша и Медведь", "Clever", "Библиотека Михаила Гринберга". Программа фестиваля главным образом состояла из всевозможных мастер-классов (от создания костюма до сочинения комикса), спектаклей, концертов и шоу. Мероприятия были как платными, так и со свободным входом. В отличие от первого фестиваля «В чемодане», прошедшего в Иерусалиме в минувшем году, мероприятий, связанных непосредственно с литературой, на этот раз оказалось немного. Среди них: встреча с детским писателем Мариной Аромштам, переехавшей в Израиль после начала российской войны против Украины; мастер-класс писателя, историка и арт-терапевта Елены Макаровой «Пластилиновая история» (по сказке Сергея Макарова); встреча с писателем Михаилом Королем, презентация книги «Гриша не свидетель» журналиста, автора экскурсионного проекта для подростков «Дикие прогулки» Насти Рябцевой, репатрировавшейся в Израиль с началом

войны; презентация книги «Мальчик из Малаги» Анны Ремез, также репатриировавшейся в 2022 году.

14 сентября 2023

В Доме наследия Ури-Цви Гринберга в Иерусалиме состоялась презентация 69 (1) номера обновлённого «Нового Иерусалимского журнала» (бывший "Иерусалимский журнал"). Вёл вечер главный редактор журнала писатель Леонид Левинзон. В обновлённом составе редакции: Евгения Вежлян, Юрий Володарский, Дина Годер, Ирина Головинская, Елена Калужская, Виктор Рубинов. В презентации приняли участие авторы номера, члены редакционной коллегии и друзья журнала: Лена Берсон, Наталья Громова, Геннадий Каневский, Ольга Логош и другие.

Открывается номер обращением к читателям, в котором отмечены изменения в редакционной политике. «С одной стороны, журнал остается "Иерусалимским", рассматривая израильскую русскоязычную литературу не как эмигрантскую, а как израильскую литературу на русском языке. С другой стороны, прежней литературной реальности больше не существует. Немало авторов, не готовых мириться с развязанной Россией войной, переехали в Израиль. Мы предложили сотрудничество талантливым поэтам, прозаикам, критикам - как новым репатриантам, так и пишущим по-русски литераторам из Украины, Европы и Америки». С появлением новых членов редакции и авторов в журнале появились новые разделы и темы для обсуждений, что и «добавило к заглавию определение "Новый"».

Первая рубрика номера, по традиции, поэтическая. В ней напечатаны стихи Федора Сваровского (Черногория), Лены Берсон (Израиль), Владимира Гандельсмана (США), Елены Аксельрод (Израиль), Дмитрия Коломенского (Израиль), Виталия Мамаева (Израиль), Инны Краснопер (Германия), Юлии Фридман (Израиль) и Романа Лейбова (Эстония). Рубрика «Проза» представлена текстами Виктора Рубинова (Израиль), Эли Берковича (Израиль), Вики Ройтман (Израиль), Каринэ Арутюновой (Украина).

В разделе «Гора Скопус. Литературный процесс» опубликованы два материала. В первом - «История русскоязычной литературы в Израиле» - Леонид Левинзон кратко описывает своё видение русскоязычного литературного процесса в стране: «До алии семидесятых, - пишет он, - собственно русскоязычной литературы [в Израиле] не существовало», кроме отдельных «подвижников»: Авраама Вы-

соцкого, Ицхака Цейтлина, Юлия Марголина. Далее Левинзон перечисляет некоторые «вехи» русско-израильской литературы: 1970-е – появление журнала "Сион", отделение от него "22"; работа журнала "Время и мы", 1990-е - газета «Вести» и её литературное приложение «Окна»; еженедельник «Наша страна» и его литературное приложение «Пятница», которое вела Дина Рубина; появление журналов «Зеркало», «Солнечное сплетение», «Двоеточие», и в 1999 году - «Иерусалимского журнала». С середины 2000-х годов, пишет Левинзон, литературная русскоязычная жизнь в Израиле затихает, а многие её персонажи обнаруживают себя, с одной стороны, оторвавшись от метрополии, а с другой - ощущают полное отсутствие интереса со стороны «литературного израильского истеблишмента». После 24 февраля 2022 года, - завершает Левинзон свой текст, - «в Израиле опять началась алия. Что она принесёт стране? Может, новым литераторам повезёт больше?».

«Новой политической алии», прибывшей в Израиль после начала полномасштабной войны в Украине, посвящено эссе Евгении Вежлян «Всё что ни было - было к войне». В ней она рассказывает о поэтах, уехавших из России: Романе Шишкове, Илье Эше, Дмитрие Герчикове, Сергее Лейбграде, Ольге Логош, Сергее Каневском, Асе Анистратенко, а также о вопросах, которые они себе задают: «о чём можно писать на русском языке после Бучи? как что-то сделать с войной внутри себя?».

Среди других публикаций номера: обзор книжных новинок, интервью с израильским драматургом, писателем и переводчиком Рои Хеном, очерк Владимира Хазана о Юлии Марголине.

21 сентября 2023

В театре «Маленький» в Тель-Авиве состоялся музыкальный спектакль «Когда ангелы смеются», сыгранный и поставленный двумя писателями - Яковом Шехтером и Даниэлем Клугером. В программе спектакля, наполненной атмосферой еврейского местечка, прозвучали хасидские истории Якова Шехтера и еврейские баллады, написанные и исполненные Даниэлем Клугером.

22 сентября 2023

В израильском издательстве "Книга-Сэфер" вышла новая книга поэта, эссеиста и культуролога Сергея Лейбграда «Когда нигде». В поэтический сборник Лейбграда, репатри-

ировавшегося в Израиль из Самары после начала войны, вошли стихи, написанные в 2020-2023 годах. Основные темы книги отражают события, произошедшие в годы ее создания: эпидемия коронавируса, война России против Украины, эмиграция автора в Израиль.

26 сентября 2023

В Иерусалимской городской русской библиотеке состоялась презентация новой книги поэта и художника Аси Векслер «Что-нибудь на память». В восьмой по счету поэтический сборник Векслер вошли стихи и небольшие поэмы «Поэтесса из Помпей» и «Мои свитки».

27 сентября 2023

В российском издательстве "Vimbo" вышла книга Елены Минкиной-Тайчер «Синдром разбитого сердца», в которой собраны повести и новеллы. Как сказано в аннотации к сборнику, героями книги стали «счастливые люди» в окружении «войны и смерти», знающие, что такое любовь. Любовь и становится главной темой книги: «любовь, которая спасает от смерти и отчаяния, наполняет жизнь смыслом, дает силы пережить болезни, предательство, потери. Любовь, ради которой не жалко и не страшно умереть. Но лучше всё же жить и любить. Несмотря ни на что и вопреки всему».

События русско-израильской литературы, не вошедшие в перечень на сайте Бар-Иланского университета Июль - сентябрь 2023

Учесть все события, составляющие в общем литературный процесс, невозможно физически. Тем не менее, обозначить некоторые вехи происходящего – вполне возможно. Редакция «Артикля» приглашает организаторов и участников состоявшихся литературных событий сообщать о них по электронной почте журнала – чтобы сохранить память о них. Редакция благодарит правление Союза русскоязычных писателей Израиля (СРПИ) за предоставленные дополнения.

28 июня и 7 июля состоялись вечера-презентации новой книги израильской поэтессы Ирины Сапир «Австралийские письма и другие рейсы». Первая презентация этой книги прошла в Центре украинского землячества в Ришон ле-Ционе. Организовала встречу Марина Старчевская.

Второй вечер проходил в зале Центра Переживших Катастрофу («Ницулей Шоа») в клубе «Европа». Подробнее с творчеством Ирины Сапир можно ознакомиться на сайте поэтессы в Интернете: <https://www.irinasapir.com>.

3 августа в иерусалимском Центре наследия Менахема Бегина состоялся творческий вечер поэта, публициста, педагога и переводчика Зеэва Гейзеля «От А.С. Пушкина до Ю.Ч. Кима». Несколько сот популярных на русском языке стихотворений этот автор перевёл на иврит, вызвав одобрение ценителей. В 2023 году издательство «Шокен» опубликовало в его переводе пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин». Зеэв Гейзель родился 6 сентября 1958 года в Жданове (ныне Мариуполь), Украина. В 1988 г. репатрировался в Израиль. Живёт в поселении Текоа. В 1992 г. стал одним из основателей израильской системы физ.-мат. школ МОФЕТ. С 1996 по 1999 г. работал советником премьер-министра Израиля Биньямина Нетаниягу. Автор книг «Кама зман ата ба-арец» (сборник фельетонов), «Политические структуры Государства Израиль» (монография) и «Еврейская традиция» (школьный учебник). В 2002-2003 г. выпустил совместно с композитором Владимиром Шаинским диск детских песен в своих переводах на иврит «Чебурашка и все-все-все!».

7 августа состоялась встреча министра культуры и спорта Израиля Мики Зоара ("Ликуд") с представителями Союза русскоязычных писателей: Аркадием Крумером, Татьяной Глезер, Ириной Сапир, Александром Майстровым и председателем СРПИ Марком Котлярским. Во встрече участвовали также координатор партии «Ликуд» по работе с выходцами из бывшего СССР Борис Апличук и помощница министра Елена Перельман. Министр выслушал подробный рассказ об издательской и просветительской деятельности СРПИ, и о существующих серьёзных проблемах: об отсутствии достойного помещения и государственной поддержки, о трудности участия в различных книжных ярмарках, как зарубежных, так и израильских. Обсуждались вопросыощрения переводов русскоязычной литературы на иврит и внедрения русскоязычных писателей в номинации различных литературных премий и грантов. Министр дал принципиальное согласие помочь СРПИ и поручил изыскать соответствующие возможности, которые позволили бы оказать требуемую поддержку.

18 августа в Кармизле состоялась презентация книги «Еврейские письма со времён Первого Храма до битвы за Гуш-Эцион». Этот 800-страничный сборник эпистолярного наследия еврейского народа собран архивистом Авраамом Яари, переведен на русский Галиной Майзель и издан амутой «Место встречи». Объявленная цена книги – 150 шекелей.

19 августа в Нетании после тяжёлой болезни ушла из жизни поэтесса, переводчица, журналистка Любовь Фельдшер. Она родилась в 1957 году в гор. Флорешты (Молдавия). Окончила факультет журналистики Московского университета. Репатриировалась в 1990 году. Десять лет работала редактором журнала «Силуэт» (приложение к газете «Новости недели»). В России и в Израиле выпустила в свет 8 книжек стихотворений.

21 августа российское жюри определило шорт-лист премии «Книга года-2023». В шорт-лист включены 46 книг, состоящих в 11 номинациях. В номинацию «Проза года» вошла книга одного из авторов «Артикля» (см. № 26) Александра Мелихова «Сапфировый альбатрос», выпущенная в 2023 году в Москве издательством «Время». Всего на конкурс было подано более 900 книг от 108 издательств из 23 населённых пунктов.

23 августа в Культурном центре (матнасе) тель-авивского пригорода Йехуд-Моносон состоялась лекция израильского музыковеда, культуролога и писателя Инны Шейхатович «Шведская сказка по имени Сельма, или Немного правды о шведских выдумках». Необычная по форме и содержанию лекция, определяемая самим автором как «лирическое собеседование», посвящена судьбе, взглядам и творчеству Сельмы Лагерлёф – первой в мире женщины, удостоенной Нобелевской премии в области литературы. Эта премия была вручена писательнице в 1909 году «как дань высокому идеализму, яркому воображению и духовному проникновению, которые отличают все её произведения».

24 августа в тель-авивском клубе на ул. Ла Гардия, 13, состоялась организованная СРПИ поэтическая встреча с участницами беэр-шевской литературной студии «Среда». Перед заинтересованной аудиторией выступали гости, по-

этессы из «столицы Негева» Ривка (Римма Рубин), Дина Меерсон и Дина Березовская (Кофман). Вёл встречу председатель СРПИ Марк Котлярский.

29 августа российские новостные агентства распространили опубликованное в «Российской газете» «Открытое письмо Театра Ленком Марка Захарова» израильской аудитории с протестом против отмены предварительно намеченных на конец октября гастролей со спектаклем «Поминальная молитва». Более 8 тысяч говорящих по-русски израильтян подписали на сайте atzuma.co.il петицию, требующую отменить эти несвоевременные гастроли, - учитывая, что ведущие актёры театра добровольно или вынужденно выступили в поддержку войны в Украине. В открытом письме театра сказано, в частности: «...На "Ленком Марка Захарова" и его сотрудников обрушился шквал помойного словоблудия низкого пошиба, перемежающегося с угрозами "местечковой коммунальной кухни"... Корчащиеся в бесильной злобе израильские "Иваны, не помнящие родства", изображающие победное ликование, всего лишь вновь продемонстрировали неприглядный вид "защитников Украины", сыто сидящих на государственных шеях различных стран».

5 сентября в Ашдоде в Бейт-оле «Эйтан» состоялась презентация первого выпуска нового литературного журнала «Ашдодская гавань». Вела вечер Ольга Лурье. Журнал представил его редактор, руководитель местного филиала СРПИ Леонид Нузброх. В первом номере на 276 страницах напечатаны произведения 40 авторов, из них 28 проживают в Ашдоде. В презентации принял участие заместитель мэра Ашдода Шимон Каценельсон. Песни на слова авторов журнала исполнила Ирина Прудникова. Участницы арт-проекта «Соло на два голоса» Ольга Лурье и Ася Гранат осуществили сценическое прочтение рассказа Леонида Нузброха.

23 сентября в Тель-Авиве в зале «Бейт а-хаяль» прошла творческая встреча с блогером, писателем и юристом Марком Фейгиным «Расшифрованный самописец». Видеоотчёт о встрече: <https://nikk.agency/mark-fejgin-v-izraile/>.

В ночь с 25 на 26 сентября в Тель-Авиве ушла из жизни писатель, редактор, журналистка, блогер Лариса Казакевич.

Ирина Морозовская

Волшебник и клезмер

Странно, но писать о человеке, изобильно одарённом разнообразными талантами, особенно трудно - хочется бежать во все стороны сразу. Но тогда получится монография, а у меня только колонка об авторской песне. Но держаться в рамках почти невозможно - рядом с Игорем Белым всегда уносит в ту сторону, куда сейчас смотрит он, - и другим показывает. Какой-то мощный магический вихрь, всем телом ощутимый и захватывающий. А ты в центре циклона, в удивительном покое и безмятежности, - даже если случайно не провалилась, как обычно, в детство. Чаще проваливаюсь, - и оттуда Белый видится гигантом; как в детстве все взрослые кажутся очень большими.

Я мало разговаривала с Игорем, хотя слушала его много, при каждой возможности. Ведь что может сказать пятилетка взрослому дяде-волшебнику? Только попросить у него ещё кусочек чуда. И если меня попросят сказать об Игоре Белом в двух словах - это будут: «волшебник» и «клезмер». Как настоящий клезмер - странствующий музыкант, легко перелетающий по всему миру со своим верным инструментом за спиной. Как настоящий волшебник - состоящий из химически чистого волшебства, окутывающего слушателей, оставляющего их намагниченными надолго, возможно навсегда. Теперь Игорь чаще всего волшебничает в Израиле, и песни новые его - про то трагическое и страшное, чем живут люди прямо здесь и сейчас.

«ЗАЧЕМ»: [https://www.youtube.com/watch?v=v509N-](https://www.youtube.com/watch?v=v509N-Lt6yQ&ab_channel=%D0%98%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8B%D0%B9)

[Lt6yQ&ab_channel=%D0%98%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8B%D0%B9](https://www.youtube.com/watch?v=v509N-Lt6yQ&ab_channel=%D0%98%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8B%D0%B9)

Самая суть дара Белого - солнце, очень много солнца. Не иссушающего палящего, а лежащего узором листьев на каждого, стоящего в тени (хотелось написать под сенью) человека-сказки. Да вот послушайте, я там была вживую. Запись многое передаёт, хоть не всё:

https://www.youtube.com/watch?v=HB_CpHaZCeU&ab_channel=%D0%98%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8B%D0%B9

А тут - полная версия, не для детей:

https://www.youtube.com/watch?v=eBBX3bWwOHU&ab_channel=%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D0%9F%D0%B5%D1%81%D0%BD%D1%8F

Игорь Белый, как настоящий клезмер, умеет и любит петь и музицировать в хорошей компании. Хорошей становится любая компания с Белым во главе. В дуэтах, разных. Всё это создаёт как будто отдельные жанры - детские еврейские песни, например (это я о дуэте «Ойфн Вег»), вот целый альбом «ГЕФИЛТЕ ЛИД»:

https://www.youtube.com/watch?v=B1-ljMSWawE&list=OLAK5uy_nJOpLTY7BthfIrIqRsV_V7Q83z6XOBMJc&index=2&ab_channel=%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%A1%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%B0-Topic

Или менестрельский жанр "хорошие мужики-бродяги" - с Олегом Городецким. Вот совсем недавнее:

https://www.youtube.com/watch?v=Leb2c3QsHC8&ab_channel=KAPPODSOLNUH

И другие прекрасные люди. Вот один коллектив; послушайте сами. Понравится - в сети ещё есть.

«ЗВУКОУКЛАДОЧНАЯ АРТЕЛЬ» https://www.youtube.com/watch?v=e-71_vnrMRE&ab_channel=%D0%98%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8B%D0%B9

или:

https://www.youtube.com/watch?v=8Sm_dLA8kYw&ab_channel=%D0%98%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8B%D0%B9

или вот так:

https://www.youtube.com/watch?v=bEWulqW1w_8&ab_channel=Twopizza22

О разносторонне талантливом человеке обычно говорят «многогранный», но к Игорю это не подходит: грани, даже блестящие - это что-то жёсткое и колючее. Для меня, скорее, Игорь - это фонарь со множеством режимов света и цвета. Прежде всего - педагог от Бога и просветитель. Преподаёт иврит - и не только, - а его лекции, по счастью, есть в сети. Книготорговец, и об этом занятии знает прекрасный клуб «Гиперион» в Москве. Где и сцена, и концерты, и спектакли, и команда единомышленников. Да все режимы свечения я и не упомяну. В своё оправдание скажу, что я не так одарена, как Игорь, и сосредоточиться мне сильно мешали регулярные обстрелы и воздушные тревоги. В Израиле сейчас происходит то же самое. И я по-дурацки волнуюсь за тех, кто там. И очень сильно желаю невредимости, безопасности. И самой услышать вживую ещё, подпеть в компании, быть подхваченной и закруженной этим волшебством, о котором попыталась рассказать.

БОНУС ТРЕК

Наталья Никишина

***

Было подруг – как нерезанных собак.
А теперь - одна Наташка Ростова.
Говорю ей – хватит нюхать табак.
Чихнёт и ответит – “а что такова?”

Потом возьмётся опять вспоминать:
Первый бал и этот - в штанах в обтяжку.
Я вздыхаю – ты бы заткнулась, мать.
И без твоих сантиментов тяжко...

А она заголосит печальный романс.
И я увижу закат в тополиной раме.
И нас с тобою, мой мальчик, и нас,
Идущих вечно пустырями окраин.

И я заплачу, голову наклона
Посередине светлого лампы круга.
И, потёртая жизнью, будет глядеть на меня.
Классика старая. Вечная моя подруга.

АВТОРЫ НОМЕРА

Игорь Белый – поэт, актёр, издатель. живёт в Нетании.

Борис Брикер – преподаватель литературы, профессор, публицист, живёт в США.

Анатолий Вишевский – исследователь литературы, профессор, живёт в Праге.

Адамас Юрис – востоковед, прозаик, живёт в Маале Адумим.

Майя Домино – псевдоним писательницы, живущей в Израиле.

Инна Шейхатович – музыковед, культуролог, прозаик, живёт в Ришон ле-Ционе.

Инна Скляревская – театровед, художник, прозаик, живёт в Иерусалиме.

Мария Кулешова – театральная работница, живёт в Киеве.

Наталья Рехтер – прозаик, доцент университета, заведующая кафедрой организации здравоохранения, живёт в городе Кармель, штат Индиана. США.

Ольга Андреева – поэт, проектировщик автодорог, живёт в Ростове-на-Дону.

Карина Кокрэлл-Ферре – прозаик, преподаватель информатики, живёт в городе Лечворт, Англия.

Михаил Певзнер – экономист, прозаик, живёт в Тель-Авиве.

Андрей Новиков – прозаик, журналист, живёт в Липецке.

Давид Маркиш – писатель, поэт, переводчик, живёт в Ор-Иегуде.

Яков Шехтер – писатель, живёт в Холоне.

Михаил Юдсон – писатель, жил в Тель-Авиве.

Марцел Гольдман – прозаик, финансист, живёт в Рамат а-Шароне.

Дан Бен-Амоц – писатель, журналист, языковед, жил в Тель-Авиве.

Александр Крюков – дипломат, переводчик, профессор МГУ, живёт в Москве.

Маир Н. Караев – прозаик, переводчик, редактор, живёт в Баку.

Алла Боссарт – поэт, журналист, живёт в Кармиэле.

Ирина Маулер – поэт, художник, автор-исполнитель, живёт в Безр-Якове.

Эмилия Песочина – поэт, врач, живёт в Германии.

Юлия Кокшко – поэт, прозаик, сценарист. преподаватель, живёт в Екатеринбурге.

Мария Малиновская – поэт, литературный критик, редактор, живёт в Москве.

Лина Костенко – поэт, прозаик, общественный деятель, живёт в Киеве.

Виталий Павлюк – поэт, математик, работает в сфере АйТи, живёт в Вашингтоне.

Александр Кабанов – поэт, журналист, редактор, живёт в Киеве.

Вадим Жук – поэт, актёр, сценарист, теле- и радиоведущий, живёт в Москве.

Андрей Торопов – поэт, историк, работает архивистом, живёт в Екатеринбурге.

Александр Вейцман – поэт, прозаик, эссеист, переводчик, живёт в Нью-Йорке.

Игорь Губерман – поэт, прозаик, автор знаменитых «гариков», живёт в Иерусалиме.

Марина Минская – педагог, исследователь творчества Набокова, живёт в Нью-Йорке.

Наталья Панасенко – библиотечарь, краевед, исследователь, живёт в Одессе.

Аркадий Бурштейн – программист, аналитик поэтических текстов, живёт в Кадима-Цоран.

Александр Альтшулер – прозаик, детский психолог и психиатр, живёт в Рош-Пина.

Владимир Ханан – поэт, прозаик, живёт в Иерусалиме.

Осип Ксанин – литератор, редактор, живёт в Тель-Авиве.

Андрей Зоилов – псевдоним литератора, живущего в Тель-Авиве.

Роман Кацман – профессор кафедры еврейской литературы Бар-Иланского университета, живёт в Гиват-Шмуэле.

Елена Промышлянская – исследователь еврейской литературы, живёт в Ариэле.

Алексей Сурин – докторант кафедры еврейской литературы Бар-Иланского университета, живёт в Иерусалиме.

Наталья Никишина – поэт, прозаик, киносценарист, живёт в Киеве.

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Яков Шехтер, Михаил Юдсон

Заместитель главного редактора

Афанасий Мамедов

Референт

Александр Карабчиевский

Редколлегия: Катя Капович, Анна Мисюк, Ирина Маулер, Ирина Морозовская, Давид Маркиш, Михаэль Барам, Денис Соболев, Роман Кацман, Давид Шехтер

Корректор: Кармит Кособурд

Сайт журнала: <http://www.sunround.com/article/>

Фейсбук:

<https://www.facebook.com/TelAvivskijSetevojZurnalArtikl>

Электронный адрес редакции: articreda@gmail.com

Почтовую корреспонденцию в «Артикль» можно отправлять по адресу: **Irina Mauler, Journal "Article", Beer Yaakov, Arava 76, 703000.**

Телефон: 052-94666044 (в Израиле)
(972)-529466044 (для заграницы).

מאָלוט

מרכז לנאָרשטע יודן בית המנוחות

Центр наследия
евреев СССР

**ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ПОМОЧЬ НОВЫМ
РЕПАТРИАНТАМ ИЗ УКРАИНЫ?**

**АССОЦИАЦИЯ "МААЛОТ" ИЩЕТ ВОЛОНТЕРОВ
ДЛЯ СВОЕГО ПРОЕКТА "ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ",
ПРИЗВАННОГО ОБЛЕГЧИТЬ РЕПАТРИАНТАМ ИХ
ПЕРВЫЕ ШАГИ В СТРАНЕ И ПОМОЧЬ СПРАВИТЬСЯ
С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ПЕРЕЖИТОГО ИМИ УЖАСА.**

**ЕСЛИ ВЫ ГОТОВЫ ПРОТЯНУТЬ РУКУ ПОМОЩИ
НАШИМ БРАТЬЯМ И СЕСТРАМ – ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ:**

lev2lev@maalot.org

